

ОБЩЕСТВО «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»
ЦЕНТР КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник научных статей

В ы п у с к 4

Нижний Новгород
2018

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)
Н60

Книга издана при содействии автономной некоммерческой
организации культуры «Нескучный Нижний»

Редакционная коллегия
И.Г. Горностаева, С.М. Ледров,
Ф.А. Селезнев (составитель, научный редактор),
А.А. Сорокин (ответственный секретарь)

Рецензент
д. и. н., профессор, заведующий кафедрой
истории государства и права НИУ РАНХиГС *А.А. Халин*

Нижегородский краевед: сборник научных статей. Выпуск 4 /
Н60 сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Центр
краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачев-
ского, 2018. – 235 с.

ISBN 978-5-950008-7-71

В сборнике представлены статьи по истории и культуре Нижегородско-
го края, а также публикации исторических документов. Основная часть ма-
териалов посвящена двухсотлетию со дня рождения писателя и краеведа
П.И. Мельникова-Печерского (1818–1883).

Издание предназначено для научных работников, преподавателей,
краеведов, экскурсоводов.

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)

© Общество «Нижегородский краевед», 2018
© Центр краеведческих исследований
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018
© Авторы статей, 2018
ISBN 978-5-950008-7-71

Четвертый выпуск сборника «Нижегородский краевед» посвящен двухсотлетию со дня рождения П.И. Мельникова-Печерского (1818–1883). Этот автор может быть отнесен к числу самых читаемых писателей-нижегородцев. Он прочно вошел в историю русской литературы, но интересен и современному читателю. Это удел немногих литераторов XIX века! Нравнодушны к нему и нынешние краеведы. Их статьи пестрят сносками на работы Мельникова. Одни историки на него ссылаются, другие спорят с ним и уличают в ошибках, то есть ведут себя по отношению к нему, как к коллеге. К трудам Павла Ивановича обращаются также исследователи старообрядчества и специалисты по мордовской народной культуре. Мельников-Печерский актуален как никто другой из нижегородских историков XIX века!

И как писатель, и как историк П.И. Мельников-Печерский был необычайно плодовит. Далеко не все его работы вошли в полное собрание сочинений. Ряд произведений писателя оказался разбросан по журналам и газетам. О многих из них не знают даже специалисты. Поэтому издание в 2013 г. библиографического указателя, где было с максимальной полнотой представлено творчество нашего выдающегося земляка, стало бесценным подарком для исследователей творчества писателя. Однако за прошедшие пять лет увидело свет немало новых работ, посвященных Павлу Ивановичу. Поэтому одна из составительниц указателя 2013 г., Л.П. Селезнева, взяла на себя труд специально для нашего сборника систематизировать новейшую литературу о Мельникове-Печерском.

Открывает сборник статья Н.М. Фортунатова, выхода книги которого о Мельникове-Печерском с нетерпением ожидают нижегородские краеведы.

К мельниковской тематике обратился и С.М. Ледров. Он попытался ответить на вопрос: какой реальный город мог стать прототипом «уездного города С.», в котором жили герои повести «Красильниковы».

На сегодняшний день самым авторитетным научным трудом о творчестве и биографии П.И. Мельникова-Печерского является книга нашего постоянного автора В.В. Боченкова «П.И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество» (Ржев, 2008). Своим материалом порадовал он редколлегию сборника и на этот раз.

Теме «Мельников-Печерский и старообрядчество» посвящена и насыщенная интереснейшими фактами статья Н.В. Пивоваровой, автора недавно увидевшего свет фундаментального труда «Старообрядческая икона в историко-культурном контексте XVIII – начала XX века: Опыт систематического анализа» (М., 2017).

В работе О.В. Дёгтевой читатель найдет массу важных подробностей, касающихся истории Казанской церкви в Ближнем Константинове, где П.И. Мельников венчался со своей второй супругой, и сельца Ляхово, в котором он начал писать роман «На горах».

В традиционной рубрике сборника «Публикация источников» значительная часть материалов тоже посвящена биографии Мельникова. Особо следует выделить подготовленную А.В. Морохиним публикацию письма П.И. Мельникова к М.П. Погодину.

Есть в сборнике тексты, посвященные и другим персоналиям. Среди них – Максим Горький, Михаил Сперанский, Федор Сухов.

Надеемся, что каждый из читателей четвертого выпуска сборника «Нижегородский краевед» найдет на его страницах что-то полезное для себя.

Редакционная коллегия

К ДВУХСОТЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО

Парадокс П.И. Мельникова: этнограф и художник-беллетрист

Н.М. Фортунатов

Любовь к родному краю была у П.И. Мельникова, известного читателям под своим прославленным псевдонимом – Андрей Печерский, чем-то сродни религиозному чувству. Это красота Божьего мира, но кровно близкого ему: здесь он родился и вырос; здесь началась его сознательная жизнь; разворачивалась деятельность исследователя Нижегородского края; здесь он стал непревзойденным его знатоком; здесь впервые пришел к нему литературный успех. Сюда он и вернулся, чтобы закончить главный труд своей жизни – дилогию «В лесах» и «На горах» – и умереть на родине.

Он полюбил эти места, когда разъезжал по заволжским лесам, исследуя старообрядческие скиты во время службы чиновником особых поручений при нижегородском генерал-губернаторе, а перебравшись в Санкт-Петербург и став крупным чиновником Министерства внутренних дел, постоянно вспоминал о Горах, Нижнем Новгороде, об Оке и Волге. Москва и Петербург оставались для него биваками; Нижний Новгород и принадлежащее ему сельцо Ляхово, где он выстроил дом и развел сад, Нижегородская губерния, которую он почти не покидал, – постоянным местопребыванием.

Мельников-Печерский предстает в своем уникальном творении о людях Нижегородчины как писатель-художник, а не только писатель-этнограф, работающий по преимуществу на уровне фактов и бытовых реалий, – великий русский беллетристический, свободный талант, а не эрудит частного.

Самое загадочное в нем – это созданная им «архитектура» дилогии: сложнейшая постройка, пронизанная напряженными эмоционально-образными потоками. Читателя завораживают его слышимые шаги художественной мысли, скрытые в тщательно раз-

работанной структуре. Колоритные типы лесного Заволжья и такие же своеобразные, но по-своему, жители нагорного края; судьбы тех, кто выбился из общей массы в богатеи: тысячник Патап Максимыч Чапурин («В лесах») и миллионщик, воротила рыбных промыслов Марко Данилыч Смолокуров («На горах»); трагедия в одном случае: смерть дочери Чапурина, трагическое происшествие в другом: смерть жены и сына в семействе Смолокуровых.

Композиционные скрепы перебрасываются от одного эпизода к другому, стягивают громаду дилогии в одно компактное целое. Первая страница «В лесах», своеобразная, завораживающая спокойным-неспешным движением словесная вязь мельниковского неподражаемого стиля и здесь же – выразительные исторические и этнографические подробности жизни той стороны:

Верховое Заволжье – край привольный. Там народ досужий, смысленый и бойкий. Таково Заволжье сверху от Рыбинска вниз до устья Керженца. Ниже не то: пойдет лесная глушь, луговая черемиса, чуваша, татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народ там другой: хоть русский, но не таков, как в Верховье. Там новое заселение, а в заволжском Верховье Русь исстари уселась по лесам и болотам. Судя по людскому наречному говору – новгородцы в давние Рюриковы времена там поселились. Предания о Батыевом разгроме там свежи. Укажут и «тропу Батыеву» и место невидимого града Китежа на озере Светлом Яре. Цел тот город до сих пор – с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княжескими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рублеными из кондового, негниющего леса домами. Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа. Скрылся он чудесно, божьим повелением, когда безбожный царь Батый, разорив Русь Суздальскую, пошел воевать Русь Китежскую... Так говорят за Волгой. Старая там Русь, исконная, кондовая. С той поры как зачиналась земля Русская, там чуждых насельников не бывало... [1, с. 7–8].

А вот начало второй части дилогии – «На горах». Та же речь, те же, только иные, подробности исторического и этнографического толка:

От устья Оки до Саратова и дальше вниз правая сторона Волги «Горами» зовется. Начинаются горы еще над Окой, выше Муррома, тянутся до Нижнего, а потом вниз по Волге. И чем дальше, тем выше они. Редко горы перемежаются – там только, где с

правого бока река в Волгу пала. А таких рек немного. Места на «Горах» ни дать ни взять окаменелые волны бурного моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядами и кряжами тянутся во все стороны меж долов, логов, оврагов и суходолов; реки и речки колятся во все стороны, пробираясь меж угорий и на каждом изгибе встречая возвышенности... Издревле та сторона была крыта лесами дремучими, сидели в них мордва, черемисы, болгары, буртасы и другие языки чужеродные; лет за пятьсот и поболее того русские люди стали селиться в той стороне. Константин Васильевич, великий князь Суздальский в половине XIV века перенес свой стол из Суздаля в Нижний Новгород, назвал из чужих княжений русских людей и расселил их по Волге, по Оке и по Кудьме. Так летопись говорит, а народные предания вот что сказывают:

«На горах то было, на горах на Дятловых: мордва своему богу молится, к земле-матушке на восток поклоняется... Дальше предание, не без юмора, продолжено. Мордовские старики, получив богатые дары русского царя (“бочонок серебра и бочонок золота”), отправляют ему свои: “Меду, хлеба, соли набрали, блюда могучие наклали, с молодыми ребятами послали. Молодые ребята приуставши сели: мед, хлеб-соль поели, «старики де не узнают”. Земли да желта песку в блюда наклали, наклавши пошли и белому царю поднесли. Белый русский царь землю и песок честно принимает, крестится, бога благословляет: “Слава тебе, боже царю, что отдал в мои русские руки мордовскую землю”. И поплыл тут белый царь по Волге реке на камешке, в левой руке держит ведро русской земли, а правой кидает ту землю по берегу... И где бросит он горсточку, там город ставится, а где бросит щепоточку, тамо селеньице. Таковы сказания на Горах. Идут они от дедов, от прадедов...» [2, с. 7–9].

Прием экспозиционного зачина двух романов один и тот же. Но тождества нет. Новый материал вливается в матрицу первого. Краткая характеристика местности в лесах; во втором случае, при повторе, – на горах, по правой стороне Волги; описание типов русских людей, выработанных исстари; затем следуют народные легенды, в первом о Батыевой тропе и невидимом граде Китеже; во втором – о Дятловых горах и о возникновении русских поселений на Волге. И только потом появляется сюжет.

Такого же рода пример соответствия двух частей – взрывные кульминации в обоих романах. Решается судьба двух женщин старообрядческой веры, одна – Манефа, другая – Фленушка, не подоз-

ревающая о том, что настоятельница обители ее родная мать. Обе принимают постриг, становятся «Христовыми невестами», навсегда уходят из мира в монашество. Первый эпизод относится к первой части дилогии, второй – ко второй, их разделяют громадные повествовательные пространства. Но связаны они по тому же принципу. В первой книге «В лесах» коротко рассказывается история любви Матрены Чапуриной, будущей Манефы. Сейчас она – молодая белица, то есть жительница скита, но уже решившая для себя стать монахиней. Мать игуменья с двумя-тремя старухами взяли ее под свое крыло и за недолгое время успели всю душу перевернуть в своенравной красавице. И в этот момент неожиданно появляется Стуколов, ее страстное увлечение:

Однажды, тихим летним вечером, вышла она за скитскую околицу... перед ней – Яким Прохорыч.

– Ясьнька ты моя, ненаглядная... Радость ты моя!.. Голубушка!.. – рыдая и страстно дрожа всем телом, вскрикнул Стуколов. Стремительно бросился он к подруге. Она остановилась... Глаза вспыхнули... Еще одно мгновение – и она была бы в объятиях друга... Но обет!.. Страшный суд, вечные муки!..

– Бес!.. Проклятый!.. – крикнула она, высоко подняв правую руку. – Прочь!.. Не скверни святого места!.. [1, с. 186].

Но вот миновали долгие годы, и теперь уже в романе «На горах» появляется повтор знакомой сцены. Только герои на этот раз другие – Фленушка, дочь Манефы, и Петр Самоквасов, богатый молодой купец. Он слышит заунывное пение, видит шествие келейниц, ему объясняют, что идет великий постриг, совершается таинство: принимает ангельский чин одна из белиц скита. Он не знает еще, что это его Фленушка, и что она носит теперь уже иное имя. А вот, наконец, и она:

Вдруг распахнулась дверь из боковушки. Недвижно стоит величавая, строгая мать Филагрия в черном венце и в мантии. Креповая наметка назад закинута...

Ринулся к ней Петр Степаныч...

– Фленушка! – вскрикнул он отчаянным голосом.

Как стрела, выпрямилась станом мать Филагрия. Сдвинула соболиные брови, искрометным огнем сверкнули гневные очи. Как есть мать Манефа.

Медленно протянула она вперед руку и твердо, властно сказала:

– Отыди от мене, сатано!.. [2, с. 411].

Во второй сцене больше драматизма не только потому, что первая невольно усиливает звучание второй. Там события развертывались до пострига, здесь – сам постриг, причем герой, с тоской и беспокойством наблюдающий суровый ритуал, развертывающийся перед ним, не понимает, что он навсегда в этот момент теряет свою любовь, бойкую, живую, как ртуть, девушку. Но обе сцены – это парафраз, единая тема, тождественная в своей вариативности, если иметь в виду построение эпизодов и состояние действующих лиц в них; и там и здесь в финале рука, поднятая для проклятия, да и слова те же, гневные, исполненные отрицания, хотя и звучат по-разному: *Бес!.. Не скверни святого места* – это ведь и есть более позднее фленушкино: *Отыди от мене, сатано!*

Фленушка, а сейчас монахиня, мать Филагрия, повторяет Манефу, родную свою мать по крови, теперь и по судьбе. С момента публикации первой сцены прошло несколько лет, и вот она вновь появляется, преображенная, но та же: матрица одна, хотя герои другие. И острота ситуаций точно такая же: тождественная вариативность, как можно было бы определить этот прием. Общие подробности вступают в систему связей художественной структуры, а у нее своя сила воздействия: она захватывает в свои лабиринты воображение, мысль и чувство читателя, заставляя их напряженно работать.

В первой книге «В лесах» (в первой ее части) появляется шурин Патапа Максимыча – Никифор, дрянь человек, в округе «волком» его прозвали, а хуже, позорней прозвища в лесах за Волгой нет. Это вконец проворовавшийся мужик, всенародно осмеянный, опозоренный, которого по деревьям водили в шкуре украденной им скотины, зарезанной и проданной за бесценнок, сопровождая бранью, побоями, хохотом и стуком в печные заслоны и сковороды. И никто не мог запретить этот обряд величания вора.

Прекрасная, как всегда у Мельникова, этнографически точная, выразительная подробность. Но у самого героя есть одна странная черта, где этот готовый пропить все на свете забулдыга, потерявший вид человеческий, не знает себе равных. Дело в том, что душа у него добрая и, рискуя жизнью, он всякий раз бросается то в огонь, то в Волгу, спасая людей, и несколько человек действительно спас от лютой гибели. «Бывало, только слышит на реке крики: “Батюшки, тону! Подайте помощь, православные!..” – мигом в воду... А плавал Микешка, как окунь, подплывает, бывало, к утопающему,

перелобанит его кулаком что есть мочи, оглушит до беспамьятства, чтобы руками не хватался и спасителя вместе с собой не утопил, да, схватив за волосы, на берег» [1, с. 99].

А вот последняя сцена «На горах», перебрасывающая арку к началу всего повествования. Алексей Лохматый и Патапа Максимыч Чапурин, преследующий его, оба оказались в Волге, сорвавшись с высоты пароходной палубы, ступив на трап, который не был закреплен, – и оба камнем идут ко дну. Но на том же пароходе – Никифор: «Мигом сбросив с себя верхнюю одежду, бросился в Волгу. Недаром его смолоду окунем звали за то, что ему быть на воде все одно, что по земле ходить, и за то, что много людей он спас своим умением плавать... первым он увидел Алексея, тот даже схватил его, но Никифор Захарыч оттолкнулся от него, увидев невдалеке Патапа Максимыча, поплыл к нему, схватил его, ошеломил, по своему обычаю, и поплыл к корме парохода». Напрасно всем миром просили Никифора спасти и другого утопающего. «Все видели, что это на воде не человек, а настоящий окунь, но он отказался наотрез, ссылаясь на то, что устал и что сам, чего доброго, пойдет ко дну» [3, с. 180].

Так и утонул Алексей Лохматый, самарский голова, когда-то простой приказчик в доме Чапурина.

С Алексеем же связана еще одна тема из первой книги «В лесах», получая свое разрешение в финале всей дилогии. Как вскоре становится ясно, он совсем не «сокол», не просто подловат и скуп, а еще и робок и труслив. Молва о крутом, «лютом» нраве Патапа Максимыча так на него действует, что он ни о чем не может думать, как о неизбежном столкновении с ним, хотя тот ласков и не скрывает привязанности к нему. Но страх все нарастает, проходя несколько ступеней. «На погибель мне твой родитель!.. Быть мне от него убитому!», – говорит он Насте, и вновь повторяет: «Ведь от него погибель» [4, с. 19]. «Добр до меня, уж так добр, что не придумаешь, чем угодить мог ему, а все же он погибель моя» [4, с. 22]. Даже во сне эти мысли преследуют его и, чем дальше, тем все страшнее [4, с. 23] появляется и крепнет чувство роковой безысходности: «Ровно шепнул мне кто-то, – признается он: “От сего человека погибель твоя”. Так и говорит: “От сего человека погибель твоя”. Откуда такое извещение, – заключает Алексей, – не знаю» [4, с. 26]. Извещение это – от автора. Герой не может о том догадаться, потому что сам он тоже творение его рук. Уже в этот момент развития действия, а это начало дилогии, только Андрей Печерский знает, чем

оно закончится. В финальной сцене пророчество сбывается: «Лодку, наконец, снарядили и подали. Быстро она понеслась к утопавшему, но еще несколько аршин не доплыла до него, как тот, с мыслью: “от сего человека гибель твоя”, опустился на дно» [3, с. 180]. Вновь тождественный повтор, хотя миновал громадный пласт событий между началом и заключением диалогии.

Ясно, что Андрей Печерский обладал на редкость хорошо тренированной памятью. Но этого мало. Завершая диалогию, он обращается каждый раз к начальным ее разделам. Ведь даже последовательность появления в экспозиции и в финале близких эпизодов сохранена безупречно. Вряд ли это может быть результатом одной лишь цепкой памяти. Причины здесь могут быть и другими: чувство формы, живущее в сознании великого художника, особенности работы в финальной стадии, когда счастливая вспышка интуиции влечет за собой строгий и холодный расчет. Бесспорно одно: Мельников пишет, как этнограф-прозаик, а мыслит, как художник, создающий *соразмерную* структуру обширного романного действия. Ухватившись за одно звено в таком тексте, можно при усилии вытащить всю цепь, поразительную по строгости чеканки и по своей функциональной эффективности. Мельников оперирует микроструктурами, образными единствами, которые фиксируются в повторениях и создают отчетливый архитектурный план вещи. Он ввел в текст диалогии множество конкретных описаний традиционных народных обрядов из книжных, фольклорных источников, из собственных многолетних наблюдений. Но ключевым в его методе стало создание целостной, законченной художественной постройки.

Мельников, пожалуй, единственный из великих русских писателей-классиков, добившихся мирового признания, всегда и во всем – в темах, в сюжетах, в образах своих героев – остается *нижегородским писателем*. О чем бы ни шла у него речь, это всегда Нижний Новгород или Нижегородский край. Такое постоянство дается только любовью к родным местам и безупречным их знанием, вплоть до мельчайших этнографических подробностей, не заметных поверхностному взгляду.

Вторая опора его творчества – глубокая вера; он пишет о старобрядцах с точки зрения Русской православной церкви, стремясь поднять ее служителей до высочайшего нравственного уровня, поклоняясь ей всеми силами души. Несколько тенденциозно работающая западная мысль часто предпочитает аналитике публици-

стическую направленность в выводах о русской литературе. Джеймс Х. Биллингтон, вспоминая Мельникова, говорит о том, что чтение его благотворно действует на молодое сознание, расстающееся с предрассудками сталинской идеологии: рост ценности религиозного искусства, Мельников-Печерский и его «повествования о староверах – все это созвучно огромному интересу молодежи к заново открываемым «пережиткам прошлого» [5, с. 568]. Однако интерес к религиозному сознанию в произведениях Мельникова вызван не просто сменой резко противопоставляемых идеологических опор, или компенсацией недостатков образования, или читательским возрастным цензом. Побуждения же к чтению могут быть различны, в их числе и поразительное знание Мельниковым русского языка, русского быта, русской истории, драматических ее перипетий, связанных с древней религиозной распрей – Расколом.

Но есть и другая сила, захватывающая читателей Мельникова-Печерского, и ее нельзя не замечать: продуманная драматургия громадной, многослойной диалогии как единой, целостной художественной структуры. Он создает текст, способный вызывать сильнейшую эмоциональную ответную реакцию благодаря особенностям своих построений, способных держать читателей в состоянии такого же напряжения, в каком когда-то был он сам, когда искал и находил нужные ему переходы и связи в тщательно организованных лабиринтах художественной структуры.

Андрей Печерский невольно, своим творчеством, опровергает два центральных положения, выдвинутых литературной теорией XX–XXI столетий: чрезмерное преувеличение роли языка и такое же не соизмеримое с реальностью представление о возможностях воспринимающего сознания. Первое возникает потому, что художественная структура как таковая – явление *надъязыковое*, и ничем иным быть не может, так как живет по законам искусства, а не по законам языка, имеющим свою специфику и свою природу (подчиняясь к тому же закономерностям еще и структуры, диктующей свои требования). Второе преувеличение связано с тем, что был забыт закон художественного творчества, который Толстой определял как «заразительность» искусства, когда автор стремится передать воспринимающему пережитые им чувства: возникает такой контакт с читателем, значит, есть основание говорить о произведении истинного искусства. Под рукой П.И. Мельникова обширное повествование с десятками лиц, с множеством сменяющих друг

друга сцен и эпизодов становится четко организованной структурой, дающей читателю всякий раз по-своему пережить именно то, что хотел высказать художник. С точки зрения «философии общего дела» Николая Федорова, утверждения о том, что воли художника «нет в опыте, то есть в действительности», что она имеет «лишь мнимое, лишь мысленное существование», могут рассматриваться как «софистические» доводы [6, с. 581].

Андрей Печерский, известный своими рассказами, свод которых был невелик, работами о расколе, краеведческими исследованиями, последним творческим усилием уже незадолго до гибели, смертельно больной завершил, как оказалось, главный труд своей жизни, и с диалогией «В лесах» и «На горах» вошел в число великих русских писателей, корифеев мировой литературной классики.

Источники и литература

1. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 томах. М., 1976. Т. 2.
2. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 томах. М., 1976. Т. 5.
3. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 томах. М., 1976. Т. 7.
4. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 томах. М., 1976. Т. 3.
5. Биллингтон Джеймс Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской литературы. М., 2011. Т. I.
6. Федоров Н. Философия общего дела. М., 2008.

Арзамасский след в повести П.И. Мельникова-Печерского «Красильниковы»

С.М. Ледров

В 1852 г. в журнале «Москвитянин» под псевдонимом Андрей Печерский было опубликовано произведение Павла Ивановича Мельникова «Красильниковы». По объему оно небольшое: во втором томе полного собрания сочинений писателя заняло всего

26 страниц [1, с. 1–26]. Исследователи по-разному определяют его жанр: очерк, рассказ, повесть (сам автор дал подзаголовок «Из дорожных записок»). Однако именно с «Красильниковых» критики, по образному выражению Л.А. Аннинского, «учуяли» [2, с. 150] в Мельникове талант настоящего литератора, который одним из первых в русской словесности обратился к характеристике представителей купеческого сословия. Пьесы А.Н. Островского тогда только начинали выходить.

«Давно не читали мы в русской литературе ничего, что бы подействовало на нас так глубоко, что бы поразило нас такою простотою и верностию изображения, таким отсутствием всякой искусственности, как превосходная повесть "Красильниковы", подписанная "Андреем Печерским". Повесть эта обличает в авторе, имя которого мы встречаем в первый раз в печати, – если только оно не псевдоним, – тонкую и умную наблюдательность и при этом большое умение владеть языком», – так откликнулся в «Современнике» И.И. Панаев [Цит. по: 2, с. 154–155].

Литературоведческий анализ выше названного произведения содержится в работах В.Ф. Соколовой [3], Л.А. Аннинского [2], И.В. Кудряшова и Ю.А. Курдина [4]. Целью же настоящей статьи стал поиск ответа на вопрос о городе-прототипе «уездного города С.», в котором П.И. Мельников поселил своих героев.

Сюжет повести такой. Автор-рассказчик в лице правительственного чиновника приезжает в «уездный город С.», где посещает кожевенный завод купца Корнилы Егоровича Красильникова. Хлебосольный хозяин рассказывает гостю не только о своих производственных делах, но и о сыне, который против воли отца женился на немке (веры «не то люторской, не то папужской»). Отец, не стерпев, забил до смерти сноху, не в состоянии по-другому помочь своему чаду, поступок которого его глубоко ранил.

По мнению биографов писателя, подобная семейная драма разыгралась в семье чебоксарского купца Я.Т. Крашенинникова. У него останавливался молодой Мельников, тогда студент Казанского университета, по пути домой во время каникул [5, с. 173]. Впоследствии этот случай и лег в основу литературного произведения, главный герой которого получил фамилию созвучную с фамилией своего прототипа. Значит, под «уездным городом С.» подразумевались Чебоксары? Однако это не так. Город С. на них не похож.

Чебоксары являлись одним из уездных центров Казанской губернии. Среди местных жителей встречалась и фамилия Крашенинниковы, хотя среди богатейших купеческих семей города представители такой фамилии нам неизвестны. Кожевенное производство здесь также существовало. Однако в описываемый период эта отрасль местной промышленности находилась уже в упадке. Пик его развития пришелся на XVIII в. В 1830 – 1850-х гг. в городе оставалось не более 10 мелких кожевенных предприятий в среднем с двумя наемными работниками на каждом. Кроме того, Чебоксары расположены на берегу Волги. По словам же Корнилы Егоровича Красильникова, сторона у них «гужевая: от Волги четыреста, от Оки двести верст, реки, пристани далеко – надо все гужом» [1, с. 9].

Сын писателя Андрей Павлович Мельников в своих воспоминаниях писал: «Когда читаешь "Красильниковых", так и кажется, что происходит все это не то в с. Богородском Горбатовского уезда, не то в с. Катунках – Балахнинского, – селениях, известных своим кожевенным производством» [6, с. 25]. Однако это были не города, а села, и их жители в дореформенный период относились к сословию крепостных крестьян. Кроме того, специализация местных кожевенных мастеров тогда была другой: в Богородском обрабатывали почти исключительно овчину, из которой шили рукавицы (голицы), а в Катунках выделывали опойки – кожи телят. Красильников же поставлял на рынок юфть из шкур коров.

Чтобы определить город, в котором жил главный герой, следует вспомнить факты биографии самого писателя, предшествовавшие изданию повести.

В 1850 г. чиновник особых поручений при нижегородском военном губернаторе М.А. Урусове П.И. Мельников был «приписан» непосредственно к Министерству внутренних дел. Предписанием министра Л.А. Перовского ему предстояло продолжать ревизию городского хозяйства в Нижегородской губернии, но уже с докладом об ее итогах напрямую в МВД. Такое назначение испортило отношения Павла Ивановича с Урусовым. В результате Мельников уехал из Нижнего в Семенов, а оттуда в Арзамас, где в основном и проживал в конце 1850-го и в 1851 г. Впоследствии Павел Иванович отметил в автобиографии, что именно в это время он «имел возможность изучить быт купцов и мещан, до тех пор ему мало известный». Однако потом он эту фразу отредактировал и сделал важное для нас уточнение: «...имел возможность изучить быт куп-

цов и мещан, с которым до того он был мало знаком. – Повесть «Красильниковы», напечатанная в «Москвитяине» (1852 года № 8), была плодом этого изучения» [7, с. 79].

Арзамас времен Мельникова – уездный город в южной части Нижегородской губернии, перекресток сухопутных торговых дорог. До Волги (у Нижнего Новгорода) и Оки (у Муромы) отсюда было, конечно, не четыреста и двести верст, но все же действительно недалеко. Широкое развитие в Арзамасе получило кожевенное производство, в первую очередь купеческое. Именно в этом городе на заводе П.И. Подсосова был установлен один из первых в кожевенной промышленности России паровых двигателей. Особенности арзамасского кожевенного производства были, во-первых, специализация на выделке юфти, в основном красной, а во-вторых, его экспортоориентированный характер. В первой половине XIX в. Арзамас являлся крупнейшим поставщиком юфти из России на мировой рынок. Хотя со второй половины 1840-х гг. в этом городе также началось сокращение объемов выделки кож. Однако масштабы производства оставались намного больше, чем в Чебоксарах.

Например, в 1841 г. в Арзамасе на 19 заводах с 459 наемными рабочими было выделано 22 тыс. пудов красной юфти. И почти вся она пошла за границу. К слову, общий российский импорт таких кож в следующем, 1842 г. составил 44 тыс. пудов. В 1858 г. в городе действовало только 13 заводов со 177 наемными рабочими, выделавшими лишь 7,8 тыс. пудов юфти [8, с. 326; 9, с. 250]. Большинство заводчиков отправляли юфть на экспорт через посредников в Москве. Так делали, например, купцы И.А. Попов и П.И. Подсосов, который, в частности, продавал кожи через Москву в Австрию. Однако другую часть товара он же отправлял через порты Санкт-Петербурга и Одессы в Италию, США и другие страны.

Похожая ситуация сложилась и в «уездном городе С.»:

– *Кожа плохо пошла!* – говорил Корнила Егорович. – *В прежние годы в одну Одессу мы втрое больше ставили, в Ливурну (г. Ливорно в Италии. – С.Л.) оттоле возили; теперь стало дело, да и шабаиш* [1, с. 6–7].

Кстати, на арзамасскую прописку К.Е. Красильникова может указывать и такой вскользь упоминаемый факт его биографии, как избрание героя городским головой. Это перекликается с биографиями реальных первых лиц арзамасской кожевенной промышленности выше названных П.И. Подсосова и И.А. Попова. Они

также занимали подобную должность в системе городского самоуправления.

Со знанием дела Мельников пишет о том, что к сокращению экспорта выделанных кож привело увеличение заграничного спроса на отечественное кожевенное сырье, в том числе из-за некачественной его выделки российскими мастерами и совершенствования технологии кожеобработки на Западе (где как не в Арзамасе он мог узнать об этом). На внутреннем рынке (в частности на упоминаемых в повести Макарьевской и Урюпинской ярмарках, где действительно торговали арзамасские промышленники) бракованную выделанную кожу еще можно было продать, однако иностранцы ее брать отказывались, предпочитая закупать сырье:

Правду надо говорить!.. Вот за границу наша кожа и пойдет, а сырье иностранцы с руками готовы рвать. Из русского сырья они такую тебе кожу сработают, что нашей-то в нос кинется [1, с. 7].

Арзамасских купцов спасала лишь красная юфть – лучший сорт российских выделанных кож, издавна ценившийся на Западе, и который выделывать там не могли. Свои особенные свойства, в частности непромокаемость, красная юфть получала благодаря обработке березовым дегтем, получаемым путем сухой перегонки бересты.

Автор словами Красильникова объясняет это так:

– Красна юхта покуда еще идет – это особь статья, эта за всегда пойдет; у нас березы-то не занимать статью, а за границей чуть не каждый сучок на перечеете.

– Как же сбыт юхты зависит от березы?

– Березы нет – дегтю нет; а без дегтю хорошей юхты не сделать [1, с. 7].

На ситуацию на рынке кож сильное влияние оказывали перипетии международной политики. При обострении межгосударственных отношений, а тем более при начале военных действий кожевенные промышленники предвкушали огромные барыши, ибо казна вынуждена была увеличивать закупки выделанных кож, в первую очередь обувных сортов, для пошива солдатских сапог. Данный нюанс в развитии кожевенной промышленности также не остался незамеченным писателем, хотя и был облечен в весьма своеобразную форму. Русский купец в лице К.Е. Красильникова политически подкован, у него есть свои принципы и поступаться ими он не собирается, даже если это даст возможность получить дополнитель-

ную прибыль. В основе таких принципов лежит вера в то, что законной является только война между суверенными государствами, между законными монархами, то есть война «по божьему велению». Если же в какой-либо стране начинается война гражданская, к примеру в Венгрии (речь идет о Венгерской революции 1848–1849 гг.), то поставлять туда выделанные кожи, особенно стороне, выступающей против законного правительства, то есть бунтовщикам, не нужно.

Поэтому на соответствующий вопрос чиновника К.Е. Красильникова дает и соответствующий ответ:

Перешел разговор на смуты, возникшие в то время на Западе.

– В Венгрии, кажется, война будет, – сказал я: – для тамошних войск кожа потребуется, нашей попросят...

– Пуда не попросят. Пошли бы туда наши кожи, ежели бы там шла война по божьему велению, стал бы царь на царя, закон на закон. Тогда бы пошла... А теперь что там? Законная разве война... Бунт богопротивный, усобица...

Подерутся и босиком!.. [1, с. 8].

Сколько таких вот интересных тонкостей о российском кожевенном производстве мы узнаем, прочитав это небольшое художественное произведение...

В целом же можно констатировать, что, даже если конкретное событие (семейная драма в одном из купеческих домов), ставшее основой сюжета повести П.И. Мельникова-Печерского «Красильниковы», и могло иметь чебоксарскую прописку, сам «уездный город С.», где этот сюжет разворачивается, все же похож на другой реальный уездный город, а именно город Арзамас Нижегородской губернии.

Источники и литература

1. Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). М. – СПб., 1897. Т. 2.

2. Аннинский Л.А. Три еретика. Повести о А.Ф. Писемском, П.И. Мельникове-Печерском, Н.С. Лескове. М., 1988.

3. Соколова В.Ф. П.И. Мельников (Андрей Печерский): очерк жизни и творчества. Горький, 1981.

4. Кудряшов И.В., Курдин Ю.А. Диалогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П.И. Мельникова-Печерского: монография. Арзамас: АГПИ, 2002.

5. *Климентовский В.А.* Русские писатели в Татарской АССР. Литературно-краеведческие материалы в помощь учителю русской литературы. Казань, 1951.

6. *Мельников А.П.* К биографии П.И. Мельникова // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Часть I.

7. Автобиография П.И. Мельникова // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Часть I.

8. *Ледров С.М.* Кожевенные мануфактуры арзамасских купцов в 20-е – 50-е годы XIX века // Вопросы российской и всемирной истории. Арзамас, 2002.

9. *Ледров С.М.* Экспорт юфти на Запад и его влияние на развитие кожевенной промышленности города Арзамаса в XVIII – середине XIX века // Россия и Европа: связь культуры и экономики. Прага, 2012. Ч. 1.

П.И. Мельников и старообрядцы

Ф.А. Селезнев

Никто не описал старообрядческий быт с таким знанием, как П.И. Мельников-Печерский. Это неудивительно. Писатель наблюдал жизнь старообрядцев с раннего детства.

В шесть лет родители привезли мальчика в те места, которые позднее он ярко изобразит в знаменитом романе «В лесах». Дед Мельникова по материнской линии П.П. Сергеев оставил дочери наследство – деревеньку Казанцево в Семеновском уезде (около села Хохлома, ныне это Ковернинский район), сплошь населенную старообрядцами. Впоследствии она перешла в руки Павла Мельникова, и он полюбил беседовать о расколе со старшиной Казанцева старообрядческим начетчиком Иваном Петровым [1, с. 88].

Научный интерес к старообрядчеству у П.И. Мельникова пробудил граф Д.Н. Толстой (1806–1884) – высокопоставленный чиновник, в свободное от службы время глубоко занимавшийся историей русской церкви и раскола. В 1839 г. Толстой был назначен директором Нижегородской ярмарочной конторы и познакомился с Мельниковым, тогда учителем истории в гимназии [2, с. 77]. Граф

свел его со старообрядцами, торговавшими на Нижегородской ярмарке старопечатными книгами и древними рукописями. По рекомендации Толстого они давали Павлу Ивановичу эти бесценные редкости в пользование, и он мог делать из них выписки. Особенно много книжных сокровищ было в антикварной лавке у Сундучного ряда купца 3-й гильдии А.С. Головастикова [3, с. 151–152], где Мельников стал завсегдатаем.

У Головастикова имелись также старообрядческие рукописи, а сам он слыл «коноводом раскола» [4, с. 38–42]. Его внучатый племянник А.А. Савельев в автобиографии назвал его «руководителем беспоповских старообрядцев» [5, л. 122]. Мельникову удалось сблизиться с этим человеком. По заказу профессора Московского университета М.П. Погодина (1800–1875) молодой учитель начал приобретать у Головастикова «редкостные вещи» [1, с. 89].

Мельников настолько вошел в доверие у старообрядцев, что они зимой 1841/1842 г. позволили ему посетить свои скиты. «Здесь я шатаюсь по скитам: ищу старых книг, старых вещей – кое-что нашел хорошенького», – с гордостью писал он из Семенова 25 декабря 1841 г. редактору журнала «Отечественные записки» А.А. Краевскому [6, с. 142–143]. По итогам поездки Павел Иванович 2 февраля 1842 г. послал Погодину отрывок из «Нижегородского летописца», обещал выслать «несколько писем Петра Великого о раскольниках» и сообщил, что Головастикова (видимо по просьбе Мельникова) поехал в Костромскую губернию за «славянским апостолом Харатейным, писанным на свитке» [7, с. 153].

Таким образом, в 1840-е гг. П.И. Мельников стал лучшим в Нижнем Новгороде знатоком старообрядчества – как его истории, так и современного состояния. Свои знания он с блеском применил на практике, когда был в 1847 г. определен нижегородским губернатором М.А. Урусовым чиновником особых поручений [8, с. 37–40].

В это время власти проявляли повышенное внимание к приверженцам «старой веры», которые в 1846 г. обзавелись собственным митрополитом. Центр митрополии (Белая Криница) находился в Австрийской империи, отношения с которой внушали опасения. В старообрядцах стали видеть потенциальную угрозу в случае войны с австрийцами. Между тем в Нижегородской губернии находился главный на то время очаг староверия – керженские скиты.

12 мая 1848 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский предписал своему чиновнику особых поручений В.А. Алябьеву (брат ком-

позитора и потомок знаменитого нижегородского воеводы эпохи Смуты) доставить подробные сведения о них. В помощь Алябьеву был прикомандирован П.И. Мельников.

В декабре 1848 г. Павел Иванович провез Алябьева по семи керженским скитам, которые были подробно описаны. Удалось собрать сведения о времени построения находившихся там моленных, их размерах, внутреннем устройстве, наличии или отсутствии колоколен. Были указаны храмовые праздники обителей. Перечислены иконы, утварь и книги, хранящиеся в моленных [9, с. 15].

Среди осмотренных скитов был и Шарпанский, который Мельников посетил незадолго до приезда Алябьева, в августе 1848 г. На этой поездке следует остановиться особо, поскольку она имела далеко идущие последствия – и для Павла Ивановича, и для старообрядцев.

В Шарпанском ските (близ нынешней деревни Рождественское Семеновского района) хранился список Казанской иконы Божьей Матери. По преданию этот список принадлежал царю Алексею Михайловичу и был подарен им Соловецкому монастырю, а потом соловецкий инок Арсений доставил икону на Керженец.

19 августа 1848 г. П.И. Мельников явился в Шарпанский скит и забрал Казанскую икону. Ее изъятие произвело на старообрядцев ошеломляющее впечатление. Они сочли это событие грозным предвестием упадка скитов. Поездка Мельникова обросла легендами. Впоследствии она была ярко изображена писателем в конце романа «На горах», где под видом безымянного петербургского чиновника Мельников вывел себя.

Однако вначале приверженцы староверия попытались вернуть святыню. Анна Иванова (в иночестве – Августа), настоятельница Шарпанского скита, обратилась с соответствующей просьбой к исполняющему обязанности начальника Нижегородской губернии (на время отсутствия губернатора Урусова) вице-губернатору М.М. Панову. Панов распорядился удовлетворить ее ходатайство, о чем написал епископу Иакову [10, с. 103]. Тот, однако, отказался выполнить предписание Панова.

Епископ Иаков (Вечерков) выбрал делом своей жизни возвращения старообрядцев в лоно господствующей церкви. С 1832 по 1847 г. он являлся епископом Саратовским и Царицынским, а в этой епархии находился второй, наряду с Керженцем, центр старообрядчества – монастыри на реке Большой Ирғиз. При активном участии Иакова ир-

гизские монастыри были обращены в единоверие [11, с. 18]. Логично предположить, что перемещение Иакова в Нижегородскую епархию в 1847 г. было вызвано стремлением Святейшего Синода присоединить к единоверию и керженские скиты.

В этом Иакову деятельно помогал чиновник особых поручений П.И. Мельников. Они стали вместе ездить по лесному Заволжью. По воспоминаниям П.И. Мельникова старообрядцы не отвечали на увещания Иакова и просили лишь оставить их в «прежнем положении». Хотя позже сами они признавали, что епископ Иаков «много начитан и поучает хорошо» [12, с. 144–145].

По мнению В.Ф. Соколовой, Мельников изъезжал Казанскую икону из Шарпанского скита «по приказу» Иакова [13, с. 66]. Однако документальных подтверждений этому она не привела. Да и не мог епископ приказывать чиновнику. Однако то, что Павел Иванович и епископ Иаков действовали согласованно, несомненно. Общую позицию они заняли и по поводу возвращения иконы Анне Ивановой.

13 января 1849 г. Павел Иванович писал вновь приступившему к исполнению обязанностей губернатора М.А. Урусову, что передача иконы в Шарпан «возвратит раскольникам прежнюю их энергию», и, напротив, если им не будет «оказываемо послабления», они в скором времени обратятся к единоверию [10, с. 107].

К этому Мельников сам приложил большие усилия. Он с гордостью писал в автобиографии, что с благословения епископа Иакова «вступил в полемические споры с раскольниками Керженских скитов, и главнейший из них Керженский мужской и Осиновский женский, обратил к единоверию...» [2, с. 79]. Именно в единоверческий Керженский Благовещенский монастырь была передана Казанская икона после того как сначала поступила в распоряжение Нижегородской консистории, а затем, по ее определению на какое-то время была сдана на хранение в ризницу Нижегородского кафедрального собора.

Остальные скиты «были уже на ниточке: все бы приняли единоверие», – писал Мельников Д.Н. Толстому в марте 1850 г. Однако слишком активная деятельность Мельникова на этом поприще пришлась не по вкусу кое-кому из влиятельных нижегородских чиновников. «Чтобы не иметь с ними столкновений, я оставил в покое раскольников», – признавался Павел Иванович в том же письме [14, с. 5–6].

У местных чиновников была своя логика. В Нижнем Новгороде по личным указаниям Николая I велись большие работы по благо-

устройству города, за ходом которых следил сам царь. А крупнейшим строительным подрядчиком являлся старообрядец Петр Бугров. В этой ситуации ссориться с приверженцами «старой веры» местным властям не было никакого резона. К тому же, как показали недавние исследования современных историков, губернское звено государственного аппарата во многих регионах было связано со старообрядцами нитями коррупции [15, с. 9; 16, с. 41–48]. Нижегородская губерния не являлась исключением. Полицмейстер Г.К. Зенгбуш оказывал небескорыстное покровительство упомянутому выше «коноводу раскола» А.С. Головастикову, который даже был избран ратманом полиции [17, с. 82].

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. Министр внутренних дел поощрял действия Мельникова, и за обращение в единоверие Керженского Благовещенского скита тот был награжден орденом св. Анны 3-й степени. (Награда последовала 19 ноября 1849 г.). Однако местное начальство борьбу Мельникова и Иакова со старообрядцами тормозило.

Особенно рельефно это проявилось в истории с созданием в Нижегородской губернии секретного совещательного комитета по делам раскольников, сектантов и отступивших от православия. Такие комитеты уже существовали в Петербурге (с 1825 г.) и Москве (с 1831 г.). С 1838 г. они начали создаваться в губернских центрах [18, с. 24]. В них по должности входили представители светских властей (в Петербурге – министр, в провинции – губернатор, а председательствовали местные архиереи).

Царский указ об открытии нижегородского комитета последовал 20 ноября 1849 г., как полагает автор, по инициативе архиепископа Нижегородского и Арзамасского Иакова, который как раз в ноябре 1849 г. был вызван для присутствия в Святейшем Синоде, то есть вошел в число членов этого высшего церковного учреждения. В тот же день, 20 ноября 1849 г. издается общий указ о секретных комитетах по делам раскольников, специально обозначивший их задачу: «дать решениям дел о раскольниках более единства» (между духовными и светскими властями). При этом в указе особо подчеркивалось, что круг действий комитетов «ни в коем случае не должен выходить из пределов совещания, как о принятии какой-либо меры, так и о направлении дела», а сами они не должны претворяться в «судилища» [18, с. 25].

По мнению автора, за этим указом тоже стоял архиепископ Иаков, стремившийся свой конфликт с нижегородскими губернскими властями из-за отношения к старообрядцам перевести из личной плоскости на деловую почву. В комитете Иакову, как его председателю, удобнее было взаимодействовать с М.А. Урусовым на строго формальной, очерченной законом основе.

Во исполнение царских повелений от 20 ноября Синод 14 декабря 1849 г. издал указ на имя архиепископа Нижегородского и Арзамасского о создании в губернии секретного совещательного комитета по делам раскольников, сектантов и отступивших от православия и включении в его состав епархиального архиерея (то есть самого Иакова), губернатора, председателя Палаты государственных имуществ и офицера Жандармского штаба.

Насколько большое значение архиепископ придавал созданию комитета видно из того, что 3 января 1850 г. он велел отослать синодальный указ нижегородскому губернатору Урусову с просьбой начать действия комитета без него, поскольку сам Иаков, находился в Санкт-Петербурге. Однако секретный комитет открыт не был. А в мае 1850 г. Иаков скончался, и дело с созданием этого учреждения вообще застопорилось [19, с. 154–157].

Параллельно (в октябре 1849 г.) губернатор Урусов предписал П.И. Мельникову передать большую часть дел по раскольникам, которые тот начал, в другие руки. Павел Иванович понял, что никаких перспектив в Нижнем Новгороде у него нет и начал хлопотать о переводе в другое место. С этим ему помог новый друг, начальник Нижегородской удельной конторы В.И. Даль. Он несколько лет руководил особой канцелярией при министре внутренних дел Л.А. Перовском. Тот ему очень доверял. И по его рекомендации 19 мая 1850 г. П.И. Мельников был «причислен» к Министерству внутренних дел. Временно он оставался служить при нижегородском губернаторе, но поручения получал напрямую от министра и ему же докладывал об их исполнении.

«Переход был крайне затруднителен – из подчиненного вдруг сделался ревизор», – вспоминал Павел Иванович [20, с. 218]. Он сразу же начал расследование деятельности полицмейстера Зенгбуша, обнаружил массу злоупотреблений и доверительно сообщил о них губернатору. Но тот, по словам Мельникова, «взбеленился», произошло столкновение, «после которого прежние близкие отношения превратились во враждебные» [20, с. 218].

Министр внутренних дел не стал вмешиваться в конфликт Урусова с Мельниковым. Наоборот, Перовский предписал П.И. Мельникову переселиться в один из уездных городов и всячески стараться избегать личных столкновений с губернатором. В результате Мельников уехал в родной Семенов, а потом в Арзамас, где и провел конец 1850-го и весь 1851 г. Однако сложившаяся ситуация привела министра к выводу о том, что местная администрация вместо того, чтобы бороться с раскольниками, покрывает их, поэтому губернаторам и цифрам их отчетов о количестве старообрядцев верить нельзя.

Соответствующую записку Перовский представил Николаю I. Царь предписал выяснить точное число старообрядцев. Перовский возложил подсчет количества раскольников на Н.И. Надеждина (1804–1856), который еще в 1840-е годы по линии МВД собирал информацию о старообрядцах и сектантах. Для выполнения царской воли Надеждину следовало подобрать команду из надежных министерских чиновников. В нее вошли Л.И. Арнольди, П.А. Брянчанинов, И.С. Сеницын. Перовский включил в эту группу и П.И. Мельникова, вызвав его в марте 1852 г. в Петербург.

Для начала было решено узнать верное число раскольников в Нижегородской, Ярославской и Костромской губерниях. Причем следовало организовать работу так, чтобы никто не догадался, какова именно цель обследования. Начались совещания по этому поводу. В них принял участие опытный статистик Н.А. Милютин (в будущем – видный деятель эпохи реформ Александра II, а при Николае I – вице-директор хозяйственного департамента МВД). По предложению Милютина были образованы особые «статистические экспедиции». Инструкцию для них написал П.И. Мельников. Она была утверждена Л.А. Перовским 17 мая 1852 г. [21, с. 225–229]. А 22 мая П.И. Мельников назначается начальствующим статистической экспедиции, управляемой в Нижегородскую губернию. Правой рукой Мельникова стал чиновник особых поручений при хозяйственном департаменте МВД Е.К. Огородников (1816–1884), в будущем выдающийся статистик. Им помогали молодые чиновники МВД: Н.И. Зайцевский, впоследствии секретарь Центрального статистического комитета МВД; камер-юнкер П.А. Галахов (1827–1890); выпускник Александровского лицея А.Н. Аксаков (1832–1903); К.В. Трубников (1829–1904), в дальнейшем журналист и издатель.

Чтобы не вызвать подозрения старообрядцев, члены экспедиции проводили сплошное обследование Нижегородской губернии, объехав в 1852–1853 гг. 3700 ее населенных мест и записав самые разнообразные сведения, включая хозяйственные и этнографические. Но реально руководство МВД интересовало только численность приверженцев староверия и характер их отношений с представителями местной власти.

В разгар работы комиссий, в феврале 1853 г., стало известно, что у старообрядцев появился свой митрополит Владимирский и всея России. В этот сан в Австрийской империи был рукоположен Антоний (Шутов). С австрийцами же отношения становились все хуже. Назревала большая европейская война. В этой ситуации новый министр внутренних дел Д.Г. Бибииков прислал П.И. Мельникову распоряжение прекратить исследование числа раскольников, срочно представив уже собранные сведения в Петербург.

Однако находившийся у Павла Ивановича материал был столь обширен, что для его систематизации требовалось значительное время. Л.И. Арнольди и П.А. Брянчанинов, получившие такое же предписание, составили отчет более оперативно.

Опираясь на результаты их исследования, костромской губернатор В.Н. Муравьев, в ответ на запрос министра внутренних дел, изложил свое мнение относительно наиболее действенных мер по борьбе со старообрядцами. Он предложил нанести удар по купцам-старообрядцам, как «главным покровителям раскола». Те направляли свои капиталы на нужды своих общин, с помощью взяток оберегая их от преследования правительственных чиновников и полиции. С другой стороны, каждый примкнувший к старообрядчеству мог рассчитывать на финансовую поддержку единоверцев, в том числе в уплате гильдейских пошлин, необходимых для записи в купечество. А став купцом, крестьянин или мещанин обретал ряд привилегий, включая освобождение от рекрутской повинности. Поэтому Муравьев, стремясь сделать принадлежность к старообрядчеству менее привлекательной с практической точки зрения, советовал наложить на купцов-раскольников выполнение рекрутской повинности. В свою очередь Ю.К. Арсеньев, изучавший раскол в Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях, считал необходимым вообще запретить старообрядцам записываться в купеческие гильдии [16, с. 44].

Эти предложения поступили в созданный по велению Николая I 18 февраля 1853 г. Особый секретный комитет. В его состав вошли министр внутренних дел (Д.Г. Бибиков), обер-прокурор Святейшего Синода (Н.А. Протасов), а также член Государственного совета, бывший министр юстиции Д.Н. Блудов, имевший большой опыт в составлении законодательных актов. Члены комитета должны были разработать проект правил, которые стали бы руководством при решении всех административных и судебных дел «до раскольников относящихся» [22, с. 465].

Первый пакет составленных комитетом документов царь утвердил 10 июня 1853 г. Среди них было положение о ненаграждении раскольников знаками отличия и почетными титулами именитых купцов и почетных граждан и о принятии их в гильдии на временном праве, в котором были учтены и названные выше предложения В.Н. Муравьева и Ю.К. Арсеньева. Этот правовой акт требовал при объявлении купеческих капиталов предоставлять удостоверения о принадлежности к православию или единоверию. В противном случае выдавались торговые свидетельства «на временном праве» – их обладатель мог заниматься предпринимательством как купец, но не получал никаких купеческих льгот, в том числе освобождения от рекрутского набора.

В тот же день, 10 июня 1853 г., Особый секретный комитет сделал представление Министерству внутренних дел о необходимости «постепенного упразднения скитов». Первыми должны были пострадать скиты на Керженце, об уничтожении которых Николай I лично распорядился 1 мая 1853 г. [22, с. 468].

Для выполнения этой задачи в Нижегородскую губернию 22 июля 1853 г. был командирован П.И. Мельников. В августе он уже отправился на Керженец и закрыл Чернухинский, Комаровский, Улангерский, Малиновский, Гордеевский, Прудовский скиты [23, с. 14].

Эти события надолго остались в памяти заволжских старообрядцев как «Мельниковское зорение». Сын Павла Ивановича Андрей, стремясь оправдать отца, писал, что «из числа 16 существовавших в то время за Волгой скитов было закрыто только 6, из остальных десяти три остались совершенно нетронутыми, и в семи пришлось закрыть некоторые обители и запечатать несколько часовен в силу Высочайшего повеления от 1 мая 1853 года» [24, с. VI–VII] (то есть не по инициативе Мельникова, а по царскому указу).

Запечатанные часовни скитникам предписывалось в течение полугода разобрать самим. Но они не стали этого делать. Тогда энергичный семеновский уездный исправник Маслов, уже после отъезда Павла Ивановича, явился в Комаровский скит и в присутствии толпы народа велел разобрать одну из опечатанных часовен. После этого все опечатанные Мельниковым здания были снесены самими старообрядцами. Тем не менее их уничтожение в людской памяти осталось связанным не с действиями исправника Маслова, а с именем Павла Мельникова. Молва наделила его в этой связи необычными качествами. Старообрядцы рассказывали, что при появлении его гасли свечи и мерк дневной свет. Мельников будто бы лишился зрения, когда забирал Казанскую икону в Шарпанском ските, но «черт исцеляет его слепые очи и дает ему дар видеть сквозь стены» [24, с. V].

Уверенность в могуществе Мельникова еще более укрепилась у старообрядцев, когда он пресек деятельность одного из главных «коноводов раскола» – торговца антиквариатом А.С. Головастика (своего старого знакомого). Тучи над этим ловким человеком сгустились еще в начале 1852 г. 4 февраля 1852 г. Мельников сообщал М.П. Погодину: «А знаете ли что Головастик под страшным уголовным делом, наделавшим много шума? Он вместе с полицейскими сыщиками и даже чиновниками грешил против восьмой заповеди, попросту крал. От должности полицейского ратмана уволен, лавка запечатана; завтра, кажется, его с супругой посадят в тюрьму. Дело Сибирью пахнет» [7, с. 160].

Однако прогноз Мельникова не оправдался. Занимавшийся делом Головастика чиновник особых поручений при нижегородском губернаторе Аверкиев должного рвения в расследовании не проявлял. 26 апреля 1852 г. чиновник сообщал губернатору Урусову, что «следствие по делу о торговле старопечатными и старописьменными книгами, производимой в Нижнем Новгороде торговцем Головастиком и другими» «остановилось в окончании». Причина: «неполучение ответа из Вятской градской полиции» на отношения Аверкиева «от 14 января за № 12 и от 3 марта за № 55» [25, л. 65]. Торговля, между тем шла, своим чередом и в 1852-м, и в 1853 году.

Это было возможно потому, что местная полиция по-прежнему покровительствовала Головастикову: он скрывался не у кого-нибудь, а у частного пристава Кроткова. А «противозаконную торговлю разными сектаторскими принадлежностями раскола, приве-

зенными в Нижний Новгород из уничтоженных семеновских скитов» осенью 1853 г., вел его несовершеннолетний сын [1, с. 119]. (Некоторые настоятельницы закрытых скитов передали находившиеся там иконы и книги А.С. Головастикову) [17, с. 82].

П.И. Мельников добился полномочий на пресечение этой торговли и 30 ноября 1853 г. произвел обыск в доме Головастика, а 1 декабря закрыл принадлежавшую Головастиковым книжную лавку. Мельникову помогали его сотрудники по статистической экспедиции Е.К. Огородников и К.В. Трубников.

После выполнения этого задания П.И. Мельников принялся за систематизацию собранных им и его подчиненными статистических материалов. Эта работа заняла год. Результатом титанического труда стала рукопись в тысячу с лишним листов – «Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии». Она представляет собой непревзойденный по полноте источник сведений о нижегородском старообрядчестве. Одежда, пища, увеселения старообрядцев, – ничто не ускользнуло от внимания Павла Ивановича. Он даже написал об их тайных языках (включая «тарабарский» и «офеньский»). Мельников подробно сообщал о размещении раскольников по городам и селам, о местоположении и истории их скитов, часовен и молелен.

Отчет содержал информацию весьма неприятную для местных властей. Мельников констатировал, что в Нижегородской губернии живет 172 тысячи раскольников, в то время как по данным губернаторских отчетов их насчитывалось не более 20 тысяч. При этом Павел Иванович прямо обвинил губернатора Урусова в покровительстве «одному из главнейших местных коноводов раскола» – удельному крестьянину П.Е. Бугрову [12, с. 351]. Вероятно, эти данные сыграли свою роль в последовавшем вскоре переводе М.А. Урусова на новое место службы.

Отчет Мельникова был в 1854 г. передан министру внутренних дел Д.Г. Бибикову, а затем направлен в Синод для ознакомления с ним церковных иерархов. В виду ценности содержащихся в отчете сведений, с разрешения министра внутренних дел с документа сделали копию для Казанской духовной академии, где только что было открыто миссионерское противораскольничье отделение и с 1854 г. начал выходить журнал «Православный собеседник» направленный преимущественно «против раскола в разных видах». Большим вниманием текст Мельникова удостоил митрополит Московский и Ко-

ломенский Филарет (Дроздов). На его основе им было написано «Мнение митрополита Филарета о значении раскола в российском государстве» [26, с. 69].

Филарет был сторонником проведения жесткой политики по отношению к раскольникам. Его единомышленником выступал сам Николай I. Вступивший на престол в феврале 1855 г. Александр II хотя и уважал убеждения отца, но подобной непримиримостью к старообрядцам не отличался. Поэтому государственная политика в этом вопросе смягчилась.

Движение в указанном направлении началось в апреле 1855 г., когда по решению нового императора был закрыт упомянутый выше Особый секретный комитет во главе с Бибиковым и Блудовым, занимавшийся составлением правил для решения всех административных и судебных дел «до раскольников относящихся». Дела о «раскольниках и отступниках от православия», находившиеся в разработке, следовало передать Секретному комитету, действовавшему в столице с 1825 г. под председательством митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского. Уже принятые комитетом Бибикова – Блудова акты Александр II повелел оставить в силе, но приводить в исполнение «постепенно, с осторожностью и соответственно с последствиями, кои на опыте оказываться будут от введения оных» [22, с. 499–500].

Речь, прежде всего, шла о главном плоде деятельности названного учреждения – Положении от 10 июня 1853 г. о ненаграждении раскольников знаками отличия и почетными титулами именитых купцов и почетных граждан и о принятии их в гильдии на временном праве. Оно было очень болезненно воспринято купцами-старообрядцами, которые после ухода из жизни Николая I за несколько месяцев 1855 г. завалили правительственные органы жалобами на этот закон [27, с. 190–191].

Пойдя навстречу просьбам старообрядцев, московский генерал-губернатор А.А. Закревский 20 марта 1855 г. подал на имя императора докладную записку, в которых просил позволения ходатайствовать за лично известных ему своей благонадежностью раскольников, с тем, чтобы они, в виде особой монаршей милости, могли записываться в купеческие гильдии на общем основании. Такое разрешение Закревскому 17 апреля 1855 г. было дано [22, с. 500].

А 15 октября 1855 г., вышло высочайшее распоряжение, приостанавливающее самое тяжелое для старообрядцев последствие По-

ложения 10 июня 1853 г. – привлечение к рекрутской повинности членов семей купцов, получивших гильдейские свидетельства «на временном праве» [16, с. 46].

Новая линия власти, таким образом, состояла в том, чтобы смягчать применение законодательства в отношении раскольников гласно, на основании буквы правительственных постановлений, а не через коррупционные схемы, связывавшие, как писал в своем отчете Мельников, многих губернаторов с местными старообрядческими общинами. Исходя из этого, министр внутренних дел Д.Г. Бибиков считал необходимым строго следить, чтобы начальники губерний не оказывали раскольникам противозаконных послаблений. Для выполнения этой задачи он привлек П.И. Мельникова, назначив его 14 мая 1855 г. чиновником особых поручений при министре внутренних дел.

Первое задание в этой должности было получено Павлом Ивановичем 17 мая 1855 г. Оно состояло в том, чтобы «секретнейшим образом и совершенно негласно» собрать сведения о том, как на деле выполняет распоряжения МВД, касающиеся раскольников, новый нижегородский губернатор Ф.В. Анненков [28, с. 90].

Служба П.И. Мельникова при Д.Г. Бибикове продолжалась недолго. Министр «николаевской закваски», в новое царствование он пришелся не ко двору. 20 августа 1855 г. Александр II отправил его в отставку. Впрочем, при заменившем Бибикова графе С.С. Ланском положение Павла Ивановича в МВД еще более упрочилось, ибо давний доброжелатель Мельникова, граф Д.Н. Толстой, рекомендовал его новому министру с самой лучшей стороны. Ланской в апреле 1856 г. вызвал Мельникова в Петербург и дал ему наиболее важное поручение, которое только мог выполнить чиновник его уровня. Павлу Ивановичу предстояло на основе отчетов губернаторов и разных департаментов МВД подготовить для нового императора Всеподданнейший отчет о положении страны. Напутствуя его, Ланской сказал, что в отчете должна быть только правда, «как бы она горька ни была», ибо «необходимо вполне ознакомить Государя с его наследием, во всей его наготе, не скрывая язв». В июле 1856 г. текст Мельникова был представлен царю. На отчете Александр II написал: «Читал с большим любопытством и благодарю, в особенности, за откровенное положение всех недостатков, которые с Божьей помощью и при общем усердии, надеюсь, с каждым годом будут исправляться» [1, с. 164].

Отчет Мельникова ускорил начало масштабных реформ Александра II во всех сферах жизни страны. Перемены коснулись и положения старообрядцев. От более мягкого применения старых законов власть начала подступаться к разработке новых, призванных кардинально изменить правовой статус приверженцев староверия. И Павел Иванович этому немало способствовал.

Бытует мнение, что он, как усердный чиновник, аккуратный исполнитель принятых на верху решений, просто следовал за изменениями правительственного курса, превратившись в одночасье из гонителя в защитника «раскольников» [29, с. 145]. Однако на самом деле никаких резких перемен во взглядах Мельникова на старообрядческий вопрос не произошло. И при Николае I, и при Александре II Павел Иванович считал преодоление раскола важнейшей государственной задачей, решение которой возможно только путем воссоединения старообрядцев с господствующей церковью через единоверие. Изменение в позиции Мельникова в новое царствование состояло лишь в том, что он, дабы сделать переход в единоверие более привлекательным для старообрядцев, предложил разрешить единоверцам иметь собственных епископов.

На тот момент окормлявшие единоверцев священники подчинялись епархиальному начальству господствующей церкви. Это отталкивало многих старообрядцев-поповцев от перехода в единоверие. Они предпочитали принимать либо беглых попов, нелегально уходивших к ним из господствующей церкви, или священников Белокриницкой митрополии (рукоположенных в Австрийской империи). Но ни те, ни другие не признавались государством законными духовными лицами.

Чтобы найти выход из этого тупика старообрядцы в августе 1856 г., когда Александр II приехал в Москву на коронацию, подали прошение об официальном дозволении им принимать священников господствующей церкви. Однако им было отказано. Святейший Синод находил, что сам факт перехода священника к старообрядцам являлся преступлением [30, с. 30].

Тогда старообрядцы вновь прибегли к услугам московского генерал-губернатора А.А. Закревского. В марте 1857 г. тот подал Всеподданнейшую докладную записку о том, чтобы старообрядческие священники, подобно единоверческим, рукополагались архиереями господствующей церкви, но в дальнейшем подчинялись не епархиальному начальству, а только гражданским властям.

Царь переслал эту записку министру внутренних дел С.С. Ланскому, а тот – своему главному эксперту по старообрядческим делам П.И. Мельникову. Таким образом, перед Павлом Ивановичем встала задача дать императору материал для понимания сути важнейшего для духовной жизни старообрядцев вопроса. Мельников, четко обрисовав проблему, указал на единственный, на его взгляд, выход: «дарование раскольникам своих архиереев из православного духовенства». Это, писал Павел Иванович, «успокоило бы умы пяти миллионов подданных его императорского величества, прекратило бы дальнейшее разветвление раскола и образование новых сект, которое последует при всякой другой мере, и, что всего важнее в государственном отношении – это тотчас же не только уничтожило бы зловерное влияние на Россию Австрии, но окончательно убило бы Белую Криницу» [30, с. 31].

Дальнейшее рассмотрение «сего государственного и можно сказать жизненного для нас вопроса» царь поручил Петербургскому секретному комитету по делам раскольников и отступников от православия. Император поставил перед ним задачу «согласовать выгоды нашей Церкви с государственными выгодами, ибо дело идет об успокоении умов пяти миллионов людей» [31, с. 109]. (Фраза о пяти миллионах старообрядцев позволяет предположить, что в основу царского предписания лег текст Мельникова).

На заседании этого комитета 26 апреля 1857 г. С.С. Ланской обрисовал способ решения проблемы, разработанный П.И. Мельниковым, предложив учредить единоверческий епископат. Однако проект Ланского – Мельникова не получил общей поддержки. Кто-то из членов Секретного комитета был против любых уступок старообрядцам, кто-то хотел идти им навстречу гораздо дальше. Ввиду выявившегося разномыслия император ввел в Петербургский секретный комитет по делам раскольников и отступников от православия своего брата Константина, известного реформаторским настроем.

Великий князь Константин Николаевич отнесся к поручению брата серьезно и захотел глубоко вникнуть в рассматриваемый комитетом вопрос. Специально для него П.И. Мельников подготовил «Записку» о старообрядчестве с общей классификацией «расколов и сект в России существующих». В ней Павел Иванович особо отметил, что правительство на всех «раскольников и сектантов» смотрело «одними глазами»: и старообрядец, «в существе ничем не отличающийся от православного»; и духобор, «проповедующий

всеобщее равенство и незаконность верховной власти»; и «тюкальщик», «совершающий убийства в надежде спасения»; и бегун, «разрывающий все связи общественного и семейного быта»; и скопец или хлыст – «все это разумелось под одним именем *раскольника* и на всех столь разнородных сектаторов наша церковь, а по следам ее и правительство смотрели одинаково» [30, с. 35]. Мельников же считал необходимым провести четкую градацию всех «отступников» от господствующей церкви по степени их «вреда» или «безвредности» для государства.

Сделать это, по мнению Павла Ивановича, можно было на основе глубокого исследования истории и догматики всех вероучений и сект, приверженцами которых стали люди, отпавшие от господствующей церкви. Указанную работу Павел Иванович в докладе С.С. Ланскому предложил поручить «лицам, заявившим уже свои познания по этому вопросу», ежегодно ассигнуя до 10 тысяч рублей на подготовку и издание трудов по истории и догматике раскола. Министр поддержал эту мысль и 18 октября 1857 г. поручил Мельникову и его однокурснику по Казанскому университету А.И. Артемьеву (1820–1874), магистру истории, тоже оказавшемуся на службе в МВД, составить полное историко-догматическое изложение учения различных раскольнических сект.

Затем Мельников привлек к работе профессора Московской духовной академии, знатока старообрядчества Н.И. Субботина (1827–1905) [32, с. 127–128].

Прежде всего, согласно поручению императора, Мельников и Артемьев занялись кодификацией законодательства по делам раскольников, подготовив три тома «Сборника правительственных постановлений, относящихся к расколу». Интенсивно шел сбор сведений по истории и догматике различных согласий и толков старообрядчества. Поэтому, когда Александр II 10 января 1858 г. предписал Петербургскому секретному комитету по делам раскольников и отступников от православия собрать «полные систематически и основательно обработанные сведения о расколе», Ланской мог ответить, что в его ведомстве такая работа уже ведется и близка к завершению.

Обстоятельные справки П.И. Мельникова стали опорой для выступлений Ланского на заседаниях Петербургского секретного комитета 10 января и 24 апреля 1858 г., где министр, последовательно проводя линию на воссоединение старообрядцев с господствующей

церковью через единоверие, предложил предоставить единоверцам трех епископов.

Что касается великого князя Константина Николаевича, то он, глубоко усвоив подкрепленную историческими примерами мысль Мельникова о том, что репрессивные меры по отношению к раскольникам бесполезны, стал ратовать за полное удовлетворение просьбы старообрядцев, выраженной в записке Закревского. Брат царя также выступил за устранение господствующей церкви от решения вопросов о правовом положении старообрядцев. В связи с этим он считал нужным упразднить Петербургский секретный комитет по делам раскольников и отступников от православия, где представители духовенства заседали вместе со светскими чиновниками, а его дела передать в Сенат, Комитет министров и Государственный совет. Это вызвало противодействие обер-прокурора Святейшего Синода А.П. Толстого и авторитетных церковных иерархов – митрополита Московского и Коломенского Филарета и митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Григория. В итоге царь сохранил Петербургский секретный комитет, признав, что в отношении раскольников государственная власть должна действовать согласованно с духовенством господствующей церкви, а 24 апреля 1858 г. повелел отказать в просьбе старообрядцев, поданной через Закревского.

В августе – сентябре 1858 г. Константин Николаевич, вкуче с А.М. Горчаковым, еще пытался добиться своего и ликвидировать Петербургский секретный комитет, передав его функции в Комитет министров. Но переубедить брата Константину не удалось. 15 октября 1858 г. С.С. Ланской был вынужден разослать на места циркуляр МВД о взаимодействии светской и духовной властей в искоренении раскола, отражавший позицию враждебной старообрядцам части Петербургского секретного комитета [33, с. 42].

После этого поражения Ланской и великий князь Константин Николаевич потеряли интерес к старообрядческому вопросу и переключили свое внимание на подготовку отмены крепостного права. Финансирование старообрядческого проекта было прекращено. В результате П.И. Мельников остался без средств к существованию [14, с. 9].

В это время Павел Иванович, которому было нужно кормить семью, пытался добыть денег за счет литературных трудов, в том числе основанных на собранных материалах по старообрядчеству. Он получил разрешение издавать газету «Русский дневник». В ней

в июне 1859 г. были опубликованы «Заузолицы» – тот, по выражению Л.А. Аннинского, «ручеек», который даст начало знаменитой старообрядческой дилогии Мельникова-Печерского [29, с. 177]. Идея написать роман из жизни старообрядцев увлекла Мельникова именно тогда. По первому замыслу он должен был называться «Свадьба уходом». «Заузолицы» – это главы романа.

В марте 1861 г. «Современник» опубликовал еще одну вещь, оказавшегося не у дел чиновника, посвященную старообрядческой тематике. Это «повесть из раскольников быта» «Гриша». Критика проигнорировала названное произведение, но публику оно заинтересовала. Летом 1861 г. было выпущено отдельным изданием 500 экземпляров «Гриши» [30, с. 67–85].

На волне этого успеха Павел Иванович в январе 1862 г. по просьбе П.С. Усова (1828–1888), забытого ныне публициста консервативного толка, начал печатать в его газете «Северная пчела» «Письма о расколе». Историю написания названного произведения П.И. Мельников объяснил читателям так: «У меня накопилось довольно значительное количество материалов по части раскола. Бог знает, успею ли когда-либо составить систематическое описание раскола, и потому, чтобы не совсем пропали собираемые долгое время факты из действительной жизни и письменные материалы, буду печатать их в полуобработанном виде» [34, с. 61–62].

На самом деле Павел Иванович скромничал. В литературном отношении «Письма о расколе» отделаны блестяще. Но внимание читающей публики им, конечно, обеспечила не форма, а содержание. В 1862 г. образованное общество раскололось на сторонников и противников власти. Советские историки назовут это время «революционной ситуацией». В борьбу с самодержавием его враги намеревались вовлечь гонимое правительством старообрядчество, возлагая большие надежды на его революционный потенциал. Однако Мельников в «Письмах о расколе» решительно заявил о том, что раскольники по духу своих верований «не только неспособны быть политическими деятелями, но даже и орудием таких деятелей» [34, с. 60]. Одновременно он указал на важную роль старообрядцев в развитии русской промышленности и отметил, что Петр I и Екатерина II с успехом использовали их экономический потенциал [34, с. 17, 21].

Мысли Мельникова понравились редактору популярного литературно-политического журнала «Русский вестник», стороннику

самодержавия М.Н. Каткову. И он начал одну за другой печатать работы Павла Ивановича по истории старообрядчества, ставшие продолжением «Писем о расколе». Первой увидела свет большая статья «Из истории Преображенского кладбища» (1862), затем следуют «Старообрядческие архиереи» (1863) и продолжающие их «Исторические очерки поповщины» (1864).

В изданиях Каткова в эти годы публиковал статьи и блестящий специалист по истории и догматике раскола Н.И. Субботин, хороший знакомый Мельникова. Сам Катков тоже внимательно следил за старообрядческим вопросом. В 1860-е гг. все трое объединились, чтобы, распутав клубок взаимных обид и страхов, преодолеть отчуждение старообрядцев от прочих русских людей и государства.

Важнейшим шагом в этом направлении стало издание 24 февраля 1862 г. «Окружного послания Российских архипастырей Белокриницкой иерархии». Его текст подготовил тесно общавшийся с Н.И. Субботиным известный старообрядческий начетчик Илларион Кабанов. Этот блестящий полемист много спорил со старообрядцами-беспоповцами. Те, отказываясь принимать священников, рукоположенных как в господствующей церкви, так и белокриницкой иерархии, объясняли это тем, что со времен Никона в мире воцарился Антихрист. Кабанов же доказывал, что время Антихриста еще не настало, а никониане отнюдь ему не поклоняются, а веруют в Бога, как и они, старообрядцы. Кроме того в «Окружном послании» говорилось о необходимости молитвы о здравии российского императора. Наличие этого пункта вскоре позволило организовать встречу старообрядцев с царем. Она произошла в июне 1862 г. [27, с. 198].

Доверие власти к старообрядцам увеличилось в 1863 г. во время польского восстания в Западном крае. В Белоруссии старoverы дали вооруженный отпор польским повстанцам, показав себя, как выразился Катков, «прочной опорой русской народности» [35, с. 141].

Правительство в это время остро нуждалось в подобных опорах, поскольку ситуация в стране отличалась нестабильностью. Революционеры из подпольной организации «Земля и воля», сочувствовавшие польскому восстанию, выпустили ряд антиправительственных прокламаций. Своей пропагандой они хотели взбунтовать российское крестьянство. Нужно было что-то противопоставить этой агитации. И министр внутренних дел П.А. Валуев обратился к П.И. Мельникову с просьбой написать брошюру для крестьян, где бы с правительственных позиций освещалось происходящее.

Павел Иванович не только согласился, но принял все хлопоты по изданию и продаже брошюры, с тем, чтобы весь доход шел в пользу семей солдат, убитых польскими повстанцами. «Если угодно будет вашему превосходительству, – писал Мельников П.А. Валуеву, – то имея довольно значительное знакомство с торговцами нижегородской ярмарки, я с полной готовностью принял бы на себя распространение брошюры на этом всероссийском народном съезде» [1, с. 208].

Министр согласился, выделил деньги на издание и П.И. Мельников 18 июля 1863 г. выехал в Москву, где встретился с Катковым. Тот придумал для книжечки название («О русской правде и польской кривде») и напечатал 40 тысяч экземпляров, взяв за это очень недорого, что позволило продавать брошюру всего по 6 копеек за штуку. Тираж был отвезен П.И. Мельниковым на Нижегородскую ярмарку и там отдан на реализацию бродячим книготорговцам (офеням).

Будучи на ярмарке, Мельников должен был выполнить особое поручение Валуева – знакомить его с народными настроениями. И в июле – августе 1863 г. Павел Иванович вел с министром интенсивную частную переписку по этому вопросу. К сожалению письма эти не сохранились, но можно с уверенностью предположить, что одним из предметов обсуждения было облегчение положения старообрядцев, благодаря которым Мельникову удалось так быстро распространить брошюру «О русской правде и польской кривде». По нашему мнению, всеподданнейший доклад П.А. Валуева Александру II от 4 октября 1863 г., давший толчок крупным законодательным мерам, по улучшению правового положения старообрядцев, как раз и явился результатом этой переписки.

Правда, в историографии не связывают появление этого документа с именем Мельникова [36, с. 1–14]. Однако анализ содержания текста доклада показывает, что он целиком основывался на прежних предложениях П.И. Мельникова.

Для рассмотрения всеподданнейшего доклада Валуева в 1864 г. был учрежден Особый Временный Комитет по делам о раскольниках во главе с главноуправляющим II отделением императорской канцелярии В.Н. Паниным. Мельников составил для него подробную записку. В результате работ комитета в 1864 г. старообрядческие толки, как и предлагал Павел Иванович, получали деление на более и менее «вредные» на основании четких признаков (отноше-

ние к молитве за царя и браку). Менее «вредным» предоставлялись более широкие права, например занимать некоторые выборные должности в органах местного самоуправления и учреждать собственные школы. Старообрядцам, разрешалось записываться в купеческие гильдии на общих основаниях, получать награды и почетные звания. Отменялся запрет на выдачу старообрядцам паспортов. Им позволялось (с разрешения губернатора или министра внутренних дел) иметь молитвенные здания (правда, без крестов, колоколов и наддверных икон) [37, с. 26–28].

Таким образом, во многом благодаря П.И. Мельникову политика государства по отношению к старообрядчеству претерпела серьезные изменения.

Источники и литература

1. *Усов П.* Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературная деятельность // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). СПб. – М., 1897. Т. 1.

2. Автобиография П.И. Мельникова // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Ч. I.

3. *Галай Ю.* Книжный Нижний. Н. Новгород, 2007.

4. *Селезнев Ф.А.* Из истории рода богородских старообрядцев Головастиковых // Без прошлого нет настоящего: сборник историко-краеведческих трудов, посвященных памяти выдающегося богородского краеведа Алексея Александровича Бондаря. / под ред. А.В. Любавина, С.В. Петряева, А.А. Сорокина. Богородск, 2015.

5. Российский Государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 553. Оп. 1. Д. 216.

6. Письма П.И. Мельникова к А.А. Краевскому // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Ч. I.

7. Письма П.И. Мельникова к М.П. Погодину // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Часть I.

8. *Селезнев Ф.А.* Особые поручения чиновника Мельникова: Писатель Андрей Печерский на государственной службе // Родина. 2014. № 2.

9. *Пивоварова Н.В.* Скиты Семеновского уезда Нижегородской губернии и П.И. Мельников (По материалам Российского государственного исторического архива) // Старообрядец. 2002. № 25.

10. *Селезнев Ф.А., Иванова Т.Ю.* П.И. Мельников в Шарпанском скиту (1848 год): документы ЦАНО // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 1 / отв. ред. Ф.А. Селезнев. Н. Новгород, 2015.

11. *Наумлюк А.А.* Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратовско-Самарском Поволжье во второй половине XVIII – начале XX в.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.

12. Отчет о современном состоянии раскола П.И. Мельникова. 1854 года // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Ч. II.

13. *Соколова В.Ф.* П.И. Мельников (Андрей Печерский). Очерк жизни и творчества. Горький, 1981.

14. Письма П.И. Мельникова (Печерского) к графу Д.Н. Толстому // Труды Рязанской [губернской] ученой архивной комиссии за 1887 год. 1888. Т. II. № 1.

15. *Керов В.В.* «Время купли наступает...»: Медиативные функции коррупции в отношениях старообрядчества и власти // Вестник РУДН. Серия «История России». 2004. № 3.

16. *Архипова Е.А.* Купцы-старообрядцы и чиновники: из истории бюрократизма и взяточничества в царствование Николая I // Новый исторический вестник. 2010. № 3 (25).

17. *Пивоварова Н.В.* Старообрядческие памятники Нижегородской губернии в музее христианских древностей императорской академии художеств // Памятники христианской культуры Нижегородского края: Материалы научной конференции. 29 – 30 марта 2001 года. Н. Новгород, 2001.

18. *Аксянова О.В.* Государственные органы власти и старообрядчество во второй четверти XIX века // Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 24 – 26 апреля 2018 г.) / под ред. А.Н. Фортунатова. Н. Новгород, 2018.

19. *Аксянова О.В.* Создание Нижегородского секретного комитета по делам раскольников (1850) // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 3 / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Н. Новгород, 2017.

20. Письма П.И. Мельникова к А.С. Гацискому // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Ч. I.

21. Инструкция статистическим экспедициям, отправляемым в губернии от Министерства Внутренних Дел: утв. Министром внутренних дел 17 мая 1852 // Сборник циркуляров инструкций министерства Внутренних дел. Т. 1. СПб., 1854.

22. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875.
23. Рудаков С.В. Краткая история заволжских скитов. «Мельниковское зорение» // Старообрядец. 1997. № 5.
24. Мельников А. Предисловие // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Ч. II.
25. Центральный архи Нижегородской области. Ф. 2. Оп. 4. Д. 3712.
26. Вышленкова Е.А. Историк в условиях демократического подъема 1850-х – 1860-х годов // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В.С. Парсамова. Саратов, 2003.
27. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М., 2013.
28. Формулярный список о службе П.И. Мельникова // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Часть I.
29. Аннинский Л.А. Три еретика. Повести о А.Ф. Писемском, П.И. Мельникове-Печерском, Н.С. Лескове. М., 1988.
30. Боченков В.В. П.И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев, 2008.
31. Бежанидзе Г.В. Обер-прокурор Святейшего Синода А. П. Толстой и святитель Филарет (Дроздов) // Филаретовский альманах. 2008. № 4.
32. Боченков В.В. «В нем нет ни малейшей доли заносчивости и самомнения...»: к истории взаимоотношений П.И. Мельникова и Н.И. Субботина // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 3 / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Н. Новгород, 2017.
33. Наградов И.С. Расколоть «раскол»: государственная конфессиональная политика и ее влияние на развитие старообрядчества во втор. четв. XIX – первой четв. XX в. Кострома, 2013.
34. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Письма о расколе // Собрание сочинений в 8 томах. М., 1976. Т. 8.
35. Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002.
36. Палкин А.С. Проект пересмотра законодательства о старообрядцах, составленный П.А. Валуевым в 1863 году // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 4 (20).
37. Ершова О.П. Роль министерства внутренних дел в формировании государственной политики в отношении старообрядчества в 60-е годы XIX века // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1996. Вып. 5.

Материалы П.И. Мельникова к «Отчету о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии»: «Дело А.С. Головастика» (1853–1855)

Н.В. Пивоварова

В чиновничьей биографии П.И. Мельникова нижегородская страница богата множеством примечательных фактов и событий. Специализация его деятельности на нижегородских делах, связанных с «искоренением раскола» в Нижегородской и смежной с ней губерниях, определилась уже в первые годы службы по ведомству Министерства внутренних дел, чему способствовал целый ряд обстоятельств. Особую роль сыграли не только происхождение П.И. Мельникова – уроженца Нижнего Новгорода, знатока местной истории и обычаев, но, отчасти, веки служебной карьеры его отца – с 1816 по 1818 г. начальника жандармской команды в Нижнем Новгороде, – а также сближение с В.И. Далем и «знатоком раскола» архиепископом Нижегородским Иаковом. В литературе упомянут факт рекомендации П.И. Мельникова В.И. Далем в Министерство внутренних дел, результатом которой стало причисление к МВД в 1850 г. [1, с. 579]. Впрочем, это причисление произошло скорее благодаря участию графа Д.Н. Толстого, о чем красноречиво свидетельствуют письма к нему П.И. Мельникова [2, с. 54–56], а В.И. Даль – «правая рука» министра Л.А. Перовского в начале 1840-х гг. – к концу десятилетия утратил свои прежние позиции при министре.

Первые поручения по Нижегородской губернии были исполнены П.И. Мельниковым еще до причисления к МВД, в годы службы при нижегородском военном губернаторе князе М.А. Урусове. В 1848 г. он был прикомандирован к чиновнику особых поручений при министре внутренних дел В.А. Алябьеву «для успешного исполнения требования... относительно собрания сведений о раскольнических скитах, существующих в Семеновском уезде» [3, л. 3]. Результатом этой деятельности стали представленные в декабре 1848 г. описи скитских моленных и сведения, включенные в рапорт В.А. Алябьева министру Л.А. Перовскому от 26 февраля 1849 г. [3, л. 84–97 об.].

Спустя четыре года, 1 мая 1853 г., последовало Высочайшее повеление об уничтожении скитов, а 7 июля П.И. Мельников – штатный чиновник МВД – получил от министра особое задание: «привести в точную известность» современное положение раскола в Нижегородской губернии [4, л. 3].

В течение второй половины 1853 – начала 1854 г., совершая разъезды по губернии, он направлял министру подробные рапорты с данными о местопребывании «лжеепископов», распространении «сектаторских» книг и икон, торговле запрещенными к употреблению вещами. Собирая сведения о торговцах на нижегородской ярмарке, П.И. Мельников парализовал «противозаконную деятельность» нижегородского купца А.С. Головастикова, рапорты о котором занимают многие страницы архивных дел [4, л. 74–85 и др.]. Закрытие торговых заведений и конфискация имущества этого «коновода раскола» в Нижегородской губернии на исходе 1853 г. было всецело делом рук П.И. Мельникова [5, с. 81–86; 6, с. 102].

Отдельные части отчета о состоянии «нижегородского раскола» с приложениями, атласами, картами и извлечениями П.И. Мельников присылал министру, начиная с марта 1854 г., а 16 октября препроводил в министерство заключительные разделы своего труда. В их состав вошли и сведения, относившиеся к А.С. Головастикову. Однако лишь немногие из них попали на страницы отчета, увидевшего свет в 1910 г. в IX томе Действий Нижегородской ученой архивной комиссии [7].

Десятым пунктом предписания, направленного министром П.И. Мельникову 7 июля 1853 г., поручалось «дознать... личный состав раскольнических обществ», для чего собрать сведения о «коноводах» раскола, «действующих не по убеждению, а из личных видов корысти, честолюбия и т. п.» [2, л. 57]. Под эту категорию, по убеждению П.И. Мельникова, и подпадал А.С. Головастик. Не случайно, одним из первых приложений к его рапортам стало извлечение из большой записки под заглавием: «О коноводе раскола в Нижегородской Губернии Алексее Головастикове» [4, л. 74–85]. Экстракт был приложен к рапорту от 3 октября 1853 г. [4, л. 72–73].

Как следовало из текста, Алексей Семенович Головастик – раскольник быстрого ума, обширной начитанности и редкой памяти – давно вел торговлю старинными книгами. Он разъезжал по разным губерниям России, скупал книги и письменные памятники русской старины и продавал их в своей лавке на Нижнем базаре и на ярмар-

ке. В 1846 г., когда старшим полицмейстером в Нижнем Новгороде стал бывший коломенский городничий Зенгбуш, а должность частного пристава Макарьевской части занял Коротков, Головастик сблизился с ними и, по их настоянию на городских выборах старшего полицмейстера, был избран ратманом полиции. Вместе с Коротковым и сыщиком полиции Карпом Орловым он «делал множество противозаконностей», но все они оставались без наказания «по причине покровительства старшего полицмейстера, имевшего в свою очередь влияние на губернатора». С этого времени (1848 г.) Головастик начал открыто распродавать в своей лавке книги и вещи, «способствующие к поддержанию раскола» [5, с. 82].

«В то время, когда все торговцы старинными вещами были в страхе, у Головастика открыто стояли на полках Житейники раскольнических святых, Ответы Александра Диакона, Соловецкая челобитная, Скитское покаяние, Стоглав, Лицевой Апокалипсис, разные Цветники и Сборники и проч. С ними рядом стояли отливные кресты и иконы, воспрещенные 121 и 122 ст. уст. о пред. прес. прест. т. XIV, ручные кадила, печатные венчики, употребляемые раскольниками при погребении мертвых, и даже мощи, которые как носились слухи, ратман Головастик фабриковал из бараньих костей» [4, л. 76 – 76 об.].

Как резюмировал П.И. Мельников, «этот распространитель раскольнических вещей» продолжал бы и дальше безнаказанно свои действия под надежным покровительством чиновников, «если бы в складочном месте раскольнических вещей не завел он складочного места и воровских вещей». В конце 1851 г. местный штаб-офицер Корпуса жандармов открыл эти складочные места, однако предписание Уголовной палаты об аресте А.С. Головастика исполнено не было. В 1853 г. торговцу удалось скрыться.

Насколько обоснованными были дальнейшие действия Мельникова, направленные на разорение торговых заведений А.С. Головастика, остается только догадываться. Как он сам отмечал в записке, случаи воровства беспрестанно повторялись в Нижнем Новгороде – к ним оказывались причастными все, начиная от полицейских служителей и нижних чинов внутреннего гарнизонного батальона и кончая торговцами, стекавшимися со всех концов России на Нижегородскую ярмарку [4, л. 77 – 77 об.].

Одним из первых шагов П.И. Мельникова, позволявших избличить А.С. Головастика в торговле запрещенными законом

«раскольничьи вещи и книгами», было приобретение в его палатке нескольких книг и рукописей «самых вредных по своему содержанию». К их числу относились «Ответы» Александра Дякона, две «Соловецкие челобитные» (печатная и письменная, с выписками из толкового Апокалипсиса и другими статьями), Четья Минея «раскольнических святых» с приложением «Соловецкой челобитной» [4, л. 79]. Вслед за ними у сына А.С. Головастика были куплены крест страннический, три креста, носимых странноприимцами, и печать, «которая прикладывается к особым письменным видам странников Сопелковского согласия» [4, л. 80 об. – 81].

В ночь с 30 ноября на 1 декабря 1853 г. в отсутствие хозяина П.И. Мельников запечатал торговые лавку и палатку Головастика и устроил тотальный обыск в его доме [4, л. 191 – 198 об.]. 3 и 4 декабря производились осмотры и описи лавки и палатки, в ходе которых значительная часть вещей была конфискована [4, л. 140–142, 143–145]. Составленные по результатам обысков акты дают представление о масштабах торговых операций А.С. Головастика.

Согласно акту осмотра лавки, в ней находились свыше 600 икон палехской и мстерской работы, книги московской древней и единоверческой печати [4, л. 140]. В складочной палатке обнаружили более 300 икон разной величины палехских, мстерских и древних писем, а также рукописные и печатные книги почтаевской и клинцовской печати [4, л. 143].

Если этот запас товара вполне походил на предметы торговли, то вещи, найденные в разных местах дома, вызвали большие подозрения [4, л. 191 – 198 об.]. Так, в «тайниках» образов Богородицы Смоленской и Святой Троицы обнаружили мощи, Святые дары и миро. В сундуке, в рукаве лисьего салопы, был спрятан крест странноприимца сопелковского согласия; в старом белье – страннический крест поморского литья [4, л. 126 об.]. Здесь же была найдена кипарисная доска с 63 отделениями, в которых помещались укрепленные в мастике мощи, а также завернутые в бумажку отдельные частицы мощей и камешки. Наконец, в доме среди других икон обнаружилась древняя «Днепрская» икона Богородицы, имевшая на обороте надпись: «князем Вечеславом Олегочем благословенна» [4, л. 127].

Разгром, учиненный в доме А.С. Головастика, в подробностях описан в письме его жены Авдотьи Петровны, хранящемся ныне в ИРЛИ [2, с. 61–62]. Действия чиновника поражают волюнтаризмом и жестокостью в отношении семейства торговца. Акты обыска, как ука-

зывала А.П. Головастикова, не были составлены на месте [2, с. 62]. Мы не случайно упомянули в начале статьи о примечательном факте из биографии отца П.И. Мельникова – его службу начальником жандармов в Нижнем Новгороде. Не отсюда ли брала начало поведенческая модель П.И. Мельникова-чиновника? Жандармский произвол – одна из характерных примет борьбы со старообрядчеством в XIX в.

Вывезенные из дома, лавки и палатки иконы, кресты и книги были доставлены в Нижегородскую духовную консисторию для рассмотрения духовным начальством. Акты освидетельствования икон позволяют установить критерии, которыми руководствовалось духовенство, признавая их не годными к употреблению. Подлежащими изъятию признавались иконы с дуперстием, и сугубо старообрядческие сюжеты. На этих основаниях «противными православию» были признаны иконы «Всевидающее Око» и «Церковь»; «Св. Артемий Веркольский, Марой и Фотиния», «Св. София, Вера, Надежда, Любовь и мученик Христофор» и др. [6, с. 116, 118]. На последней иконе, в соответствии со старообрядческой иконографической традицией, мученик Христофор был написан с песьей головой [8, с. 236: кат. 206]. 5 ноября 1855 г., то есть спустя два года после изъятия, запрещенные к употреблению иконы были отправлены в МВД [4, л. 370 об. – 373, 374 об.], а «старообрядческие реликвии» сдали в ризницу кафедрального собора; к соборному ключарю были присланы и вещи, подлежащие по заключению консистории уничтожению. Только четыре Богородичные иконы из числа конфискованных признали «не вредными» и согласились возвратить их владельцу.

А.С. Головастик, полтора года находившийся в бегах, был схвачен 29 июня 1855 г. Вместе с ним были арестованы его жена Авдотья Петровна и трое сыновей, старший из которых – Алексей Алексеевич – во время отлучки отца торговал в его лавке. Все они были заключены в нижегородский тюремный замок и «рассажены порознь» [4, л. 362 – 362 об.].

8 января 1859 г., в ответ на предписания министра внутренних дел от 28 декабря 1853 г., 13 сентября 1855 г. и 25 октября 1856 г. о производстве исследований о «приобретении мещанином Головастиком значительного количества икон и других принадлежностей раскольничьего моления и производстве им торговли сими предметами», начальник Нижегородской губернии доносил в МВД

о результатах следствия. Согласно постановлению Секретного совещательного комитета по делам о раскольниках от 28 ноября 1858 г., А.С. Головастикова подлежал взысканию за «самовольную отлучку» из места жительства без письменного вида в размере «по одной копейке за каждые сутки», а за торговлю иконами и книгами – в размере 100 рублей серебром. Однако ввиду того, что проступки были совершены им до 1856 г., он, на основании Всемилостивейшего манифеста, подлежал совершенному прощению. За сим «дело Головастикова» было прекращено и он был освобожден от следствия и суда [9, л. 13 – 15 об.].

По освобождении понесший убытки торговец тщетно пытался вернуть хотя бы часть конфискованного у него «товара». Не зная о порядке распределения икон, «запрещенных к употреблению», он просил вернуть ему собственность из... Нижегородской духовной консистории [10, л. 1–2]. Между тем большая часть икон оказалась в Санкт-Петербурге в Министерстве внутренних дел и Синоде, откуда они частью поступили в Музей христианских древностей Императорской Академии художеств, частью (четыре образа) были отосланы в Нижний Новгород к преосвященному Иеремии для употребления в единоверческих церквях и миссионерских отделениях, а пять образов были уничтожены «по ветхости и неискусному письму» [4, л. 379, 390 – 390 об., 392; 11, л. 4, 13 об., 29–30; 6, с. 118, 125, 132].

Последнее из известных нам прошений А.С. Головастикова о возврате собственности, составленное на имя императора Александра II, датировано 27 июня 1868 г. [10, л. 1–2; 6, с. 379–380]. Решение по содержанию прошения было вынесено к началу 1872 г. 18 января последовал указ Сената в Министерство внутренних дел, согласно которому, прошение было оставлено без последствий «как удовлетворенное уже в той мере, в какой представлялось возможным» [10, л. 20]. Речь шла о четырех «не противных православию» и уже возвращенных А.С. Головастикову Богородичных иконах.

Ниже публикуется текст прошения А.С. Головастикова императору Александру II. При подготовке к публикации сохранены особенности орфографии оригинала.

Источники и литература

1. Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Т. 3: К–М. М., 1994.
2. Боченков В.В. П.И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев, 2008.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 203 (1848). Д. 221а.
4. РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 571.
5. Пивоварова Н.В. Старообрядческие памятники Нижегородской губернии в Музее христианских древностей Императорской Академии художеств // Памятники христианской культуры Нижегородского края. Материалы научной конференции 29–30 марта 2001 года. Н. Новгород, 2001.
6. Пивоварова Н.В. Старообрядческая икона в историко-культурном контексте XVIII – начала XX века: Опыт систематического анализа. М., 2017.
7. Отчет о современном состоянии раскола П.И. Мельникова. 1854 года // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. IX в память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Ч. II.
8. Образы и символы старой веры: Памятники старообрядческой культуры из собрания Русского музея / концепция и сост. изд. Н.В. Пивоваровой. СПб., 2008.
9. РГИА. Ф. 1284. Оп. 210. Д. 328.
10. РГИА. Ф. 1284. Оп. 219 (1868). Д. 39.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 1592.

Приложение

1868 г., 27 июня – Прощение А.С. Головастикова императору Александру II

30го Ноября 1853го года по неизвестной мне причине отобраны у меня из дому и двух торговых моих лавок Чиновником Особых Поручений Г. Министра Внутренних дел Коллежским Советником Мельниковым духовныя Книги и святыя иконы Строгоновскаго древняго письма и известнаго Художника Андрея Рублева, в особенности замечательный из всех, Образ святыя Троицы с мощами украшенный серебряной с позолотой ризой и дорогими камнями и другия подобныя древния Образа в серебре с позолотой и новаго

достоинства Иконы Палиховского Мастерства, все таковыя были от меня отобраны по описи подписанной Малолетними моими детьми Алексеем и Иваном и мещанином Сорокиным занебытностью моей и представлены в святейший Синод, и по обозрении оным книги и иконы возвращены в Нижегородскую Духовную Консисторию при указе Синода от 23го Августа 1855 года за № 349^м потому как книги и иконы и прочия вещи оказались православию не противными то и велено таковыя мне возвратить; но духовная Консистория не только что невозвратила вещей но даже необъявила мне как бы следовало позакону и упомянутый указ Синода, почему Самому я вынужденным нашелся вновь ходатайствовать предправительством о возвращении вещей, а потому вследствие моих прозб святейшему Синоду и Г. Обер прокурору онаго, указом последовавшим из Синода в Нижегородское Губернское Правление от 16 октября минувшаго 1867 года объявленнаго мне чрез Полицейское управление 13 декабря велено мне о возвращении вещей ходатайствовать чрез светскую власть, почему я и подал прошение Г. Губернатору Одинцову которой передал таковое в Губернское Правление и по подаче от меня в оное прошение зделано Правлением постановление о возвращении моей собственности почему и последовало из Губернского Правления в духовную Консисторию отношение потому что в указе Святейшаго Синода сказано что образ святяты Троицы и прочее хранятся в соборной ризнице, но духовная Консистория не обращая внимания как науказы Святейшаго Синода равно и на распоряжение Губернского Правления, уклонилась от выдачи моей собственности которой отобрано было на многотысячную сумму почему Консистория и наводит меня на сомнение целы ли мои драгоценности находящиеся в хранении Ризницы Кафедрального собора под этим обстоятельством припадая к стопам Вашего Императорского Величества всепокорнейше прошу

Повели Всемилостивейший Государь возвратить мою собственность более 12 лет страждущему безвинно старику при последних днях моей жизни потому я лишился всего имущества не имею больше средств и возможности просить правительство в невозвращении мне имущества духовною Консисториею после двух указанных предписаний Святейшаго Синода и распоряжения Губернского Правления. Июня 27 дня 1868 года сие прошение со слов просителя вчерне сочинял и набело переписывал из дворян Коллежский Регистратор Федор Иванов Костин.

Прошению верно подданныи слуга Нижегородской мещанин Алексеи Семенов Головастиков руку приложил. Жителство же имею в Нижнем Новгороде первой Кремлевской Части ввознесенском приходе в своем доме по № 557.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 219 (1868). Д. 39. Л. 1–2.

Сельцо Ляхово и Казанская церковь в Ближнем Константинове в биографии П.И. Мельникова-Печерского

О. В. Дёгтева

Сельцо (деревня) Ляхово, в имении при котором жил на склоне лет П.И. Мельников-Печерский, возникло в приходе Казанской церкви села Ближнее Константиново (ныне это поселок на территории Приокского района Нижнего Новгорода). Согласно самой ранней «Ведомости Нижегородской округи села Константинова, что под городом Казанской церкви» деревянный приходской храм в Ближнем Константинове был построен и освящен в 1679 г. [1, л. 306 об.].

До революции в алтаре нового, уже каменного, Казанского храма, хранился небольшой восьмиконечный деревянный закладной крест (который устанавливали под престолом), сохранившийся от первоначальной церкви, с нижеследующей надписью: «Освятися алтарь Господа и Бога нашего Иисуса Христа и вдружен бысть крестъ сей церкви Пресвятяты Владычицы наша Богородицы и Присно Девы Марии лета 7188 (приведено исчисление от сотворение мира, или 1679 г. от Рождества Христова. – О. Д.). Октября 21 числа на память преподобного отца нашего Иллариона Великого при благоверном царе и великом князе Феодоре Алексеевиче всея великия и малыя и белыя России самодержцзе Преосвященнейшем митрополите нашем Филарете Никитиче Нижегородском и Алатырском» [2, л. 20].

Кроме закладного креста, в центральном алтаре Казанского храма до 1937 г. хранились льняной церковный антиминс, освященный в 1740-е гг. епископом Нижегородским и Арзамасским

Димитрием (Сеченовым), напрестольное Евангелие в серебряном окладе 1685 г. и другие богослужебные книги XVII в. Украшали сельский храм и иконы, относящиеся к началу XVIII в., перенесенные из иконостаса прежнего, разобранный деревянный храм. Судя по описанию, составленному в 1904 г. священником Александром Маковым старинные образа эти выглядели следующим образом: «Длина этих икон 2 аршина в высоту и 1/2 аршина в ширину. Письмо всех икон ясное с полем по темному (ореховому цвету), что относит происхождение икон к старым монастырским письмам и каждая с золотным по фону венчиком» [2, л. 20 – 20 об.].

К 1798 г. в приходе Казанской церкви числилось «мужского пола 437 душ и потому полагая на каждый двор по четыре души, сто девять дворов и одна душа» [1, л. 307]. Прихожане – крепостные крестьяне разных поместий – проживали не только в самом Ближнем Константинове, но и в его округе. В середине XVIII в. деревня Ляхово и пустошь Горбочиха, находившиеся от церкви на расстоянии всего в полторы версты, принадлежали лейб-гвардии поручику Степану Ивановичу Летицкому. В 1792 г. деревня была куплена у Летицкого женой К.М. Ребиндера – Еленой Федоровной [3, д. 7; 4, с. 71]. В 1798 г. в ней значилось 42 души крестьян мужского пола [1, л. 307 об.].

В «Экономическом описании г. Н-Новгорода и его уезда» составленном на основании 5-й ревизии 1794–1795 гг., про село Ближнее Константиново сказано, что оно находится во владении надворной советницы Татьяны Васильевны Юдиной и капитанши Надежды Алексеевны Ишеевой. Первой помещице принадлежало 9 дворов (26 мужских и 33 женских души), а второй 6 дворов (16 мужских и 19 женских душ). Кроме этого в документах дается краткое описание и самого поселения: «Село на левых сторонах речки Рахмы, и от овражка безымянного, в том селе церковь об одном этаже, Казанская Пресвятой Богородицы, при ней колокольня деревянная; надворной советницы Юдиной дом Господской деревянный, и при нем сад с плодовитыми деревьями...» [5, л. 24].

Среди окрестных деревень на 1795 г. описываются сельцо Анкудиново и четыре деревни: Мордвинцево, Дубенка, Плотцово, а также интересующая нас деревня Ляхово с пустошью Горбачевской, как уже было сказано, находившаяся во владение надворного советника К.М. Ребиндера – 12 дворов (39 мужских и 41 женская душа) [5, 25 об.]. «Селение речки Рахмы и ключа безымянного на левых, а оврага безымянного же на правой сторонах; дача реки Оки,

и Оврагов Смечковского (?) и Безымянного на правой, а речки Рахмы и оврагов Щербинского и безымянного на левых сторонах, и по обе стороны большой столбовой дороги, лежащей из Нижнего в Арзамас и Горбатов, которая к прохождению войск способна...» [5, л. 25 об.].

Таким образом, уже в конце XVIII в. границы Ляховского имения простирались от села Ближнее Константиново до выезда (тракта) из Нижнего Новгорода на Арзамас и Горбатов, вплоть до самого берега Оки. О местных крестьянах в экономическом описании сообщается, что они «...упражняются в хлебопашестве, землю обрабатывают, всю без остатку. Женщины сверх полевой работы, прядут лен, шерсть, ткнут холст и сукна, для своего употребления и на продажу» [5, л. 25 об.].

В начале XIX в. Ближнее Константиново принадлежало одновременно трем владельцам: Татьяне Васильевне Юдиной, Ольге Васильевне Пушкиной и Надежде Александровне Киселевой [4, с.71]. К этому времени местная деревянная Казанская церковь пришла в ветхость. И тогда нижегородские дворяне Набережновы – надворный советник Василий Федорович и его супруга Мария Андреевна – пожертвовали значительные средства на строительство новой каменной церкви. 21 января 1800 г. епископ Нижегородский и Арзамасский Вениамин (Краснопевков) подписал храмозданную грамоту (разрешение на возведение храма) на имя госпожи Набережновой. При этом строительница обязывалась снабдить его необходимой утварью и иконами [2, л. 20 об.].

О М.А. Набережновой известно, что ей принадлежала деревня Спирина на берегу речки Шава (на территории современного Богородского района).

Каменная Казанская церковь была построена в классицистическом стиле по типу «корабль»: алтарь, основной храм, теплая трапезная и колокольня расположены на одной оси. С северной и южной сторон фасады здания украшают пилястры и треугольные фронтоны, а арочные окна помещены в прямоугольные ниши. Основная часть здания была выполнена в форме восьмерика на четверике, свод перекрыт граненым куполом и завершался маковкой на невысоком барабане. Композиция 28-метровой колокольни выстроена в том же стиле: восьмерик на четверике, перекрытый шатровой кровлей с небольшой главкой. При строительстве в фундаменте храма был использован бутовый камень, скрепленный известковым раствором. В трапезной части церкви находились две

большие изразцовые печи, и одна голландская печь размещалась в основном молельном зале [6, л. 696].

Впоследствии кладбище рядом с церковью стало местом упокоения ее строителей – дворян Набережных. До наших дней (с некоторыми утратами) сохранились белокаменные надгробия, описание которых было выполнено в 1909 г. по распоряжению епархиальной власти для предоставления сведений (списков) о лицах погребенных в церквях на кладбищах Нижегородской епархии, которые собирал Великий князь Николай Михайлович. На первом надгробии были надписи: «Под камнем сим лежит тело раба Божия надворного советника Василия Федоровича Набережного»; с другой стороны: «Произошло тело на свет 1718 года генваря в 1 день и по прожитии 63 лет и 7 месяцев скончавшегося 1789 года августа во 2 день» [7, л. 46].

Таким образом, очевидно, что решение Марии Андреевны Набережной построить новый храм в Ближнем Константиново было связано с тем, что здесь был похоронен ее супруг. При этом сама она прожила только год, после того как получила благословение на строительство церкви. На ее могильном памятнике были выполнены такие эпитафии: «На сем месте положено тело рабы Божией Марии Андреевны надворной советницы Набережной»; «скончавшейся течение жизни 1801 года генваря 25 дня на 66 году от рождения ея» [7, л. 46].

15 октября 1801 г. состоялось освящение придельного алтаря в трапезной части церкви в память о ее благодетеле В.Ф. Набережном – в честь святителя Василия Великого [8, л. 3 об.]. Освящение же главного алтаря Казанской церкви состоялось спустя несколько лет. До наших дней (в коллекции Церковно-археологического музея Нижегородской епархии) сохранился святой антиминс из главного алтаря Казанской церкви, освященный 15 октября 1805 г. епископом Вениамином (Краснопевковым) [9, л. 1]. Нижегородские дворяне Набережные были людьми бездетными и поэтому все свои капиталы завещали на строительство сельской церкви. Эта фамилия больше не встречается среди списков нижегородских дворян XIX в.

Про Ляховского же помещика Карла Мануиловича (Максимовича) фон-Ребиндера из архивных документов известно следующее: подданный шведского происхождения, из Эстляндских дворян, которые с 1746 г. были на службе в России; начинал карьеру воен-

ным, ушел в отставку в звании секунд майора; служил в земском суде, потом в Нижегородском губернском правлении, имел чин статского советника; под конец жизни исполнял обязанности председателя Уголовной палаты [10, л. 3 об. – 4]. По вероисповеданию он был лютеранином и поэтому не принимал участия ни в строительстве Казанского храма, ни в его благоукрашении. Но именно он больше других помещиков занимался развитием и расширением Ляховского поместья. В начале XIX в. здесь функционировала ковровая фабрика, которая служила местом ссылки крепостных крестьян господина Ребиндера за разные провинности [4, с. 72]. Будучи большим чиновником и крупным землевладельцем К.М. Ребиндер в Нижнем Новгороде проживал в собственном доме на Большой Покровской улице, а летом жил в другом своем поместье при селе Большое Доскино и деревне Малое Доскино (впоследствии через его дочь Елену Карловну перешедшее во владение Р.А. Остафьева и его детей) [11, л. 40 об., 45].

У Ребиндера было три дочери, которые породнились с представителями других нижегородских дворянских родов: старшая, Елизавета Карловна, стала женой Валерия Васильевича Запольского, средняя, Елена Карловна, вышла замуж за Рафаила Алексеевича Остафьева, младшая – за титулярного советника Александра Евграфовича Бабкина. Между ними после смерти Карла Максимовича и были поделены его вотчины [4, с. 71].

В 1820-е гг. Ляховское имение, доставшееся старшей дочери в качестве приданного, было описано за долги, но снова приобретено К.М. Ребиндером. Карл Максимович по завещанию оставил его своей правнучке Е.А. Рубинской (в ряде публикаций ошибочно указывается, что он являлся ее дедом) [12, с. 155]. Имение было подарено ей на условиях совместного владения с дальней родственницей – Агнессой Андреевной Юргенсон [4, с.71].

Вторая супруга П.А. Мельникова-Печерского Елена Андреевна Рубинская родилась 22 сентября 1836 г. [13, л. 4. об.]. Ее отец камерюнкер, надворный советник Андрей Васильевич Рубинский и мать Мария Евграфовна имели еще троих сыновей: Василия, Евграфа и Николая [14]. На момент знакомства с Павлом Андреевичем ей исполнилось только 16 лет, она была сиротой, воспитанием и образованием которой занимался прадед К.М. Ребиндер. Именно это обстоятельство и послужило причиной того, что таинство их венчания 19 сентября 1853 г. произошло в Казанской церкви села Ближнем

Константиново, а не в самом Нижнем Новгороде. Свадьбу праздновали в имении невесты – в Ляхове.

В числе шаферов (свидетелей), присутствовавших на венчании, были граф писатель Владимир Соллогуб и Александр Аксаков, участник руководимой П.И. Мельниковым экспедиции МВД по изучению раскола. Таинство венчания должен был бы совершить настоятель Казанской церкви священник Павел Малиновский, но, по воспоминаниям сына писателя Андрея Мельникова, венчал его родители приглашенный по просьбе жениха священник из города – протоиерей Александр Добролюбов (1812–1854), отец публициста и критика Николая Добролюбова [15, с. 176–177]. К сожалению, нам не удалось проверить эту информацию по метрическим книгам.

В дальнейшем, начиная с 1874 г., чета Мельниковых на лето стала регулярно ездить в Ляховское имение. Они очень близко дружили с семьей Владимира Даля, работавшего в Нижнем Новгороде в 1849–1859 гг. П.И. Мельников принимал живое участие в начале Далем труде по составлению словаря русского языка. В будущем, когда Павел Иванович уже будет работать в Москве, его семья три года проживала в доме В.И. Даля на Волхонке, вблизи строящегося Храма Христа Спасителя [12]. Не исключено, что и Даль бывал со своей семьей в Ляхове и также по воскресным и праздничным дням молился в Казанской церкви Ближнего Константинова.

16 июля 1863 г. Е.А. Мельникова подписала в Санкт-Петербурге мужу Павлу Ивановичу доверенность на управление Ляховским имением: «Павел Иванович! Прошу тебя принять в полное и совершенное управление принадлежащее мне Ляховское имение, состоящее Нижегородской губернии и уезде из сельца Ляхово с мызою <...>. И что ты по сей доверенности законно учинишь, в том спорить и прекословить не буду. Жена твоя Елена Мельникова» [16, л. 1 – 1 об.]. В 1871 г., после смерти госпожи Юргенсон, Ляхово оказалось в нераздельном владении Е.А. Рубинской.

Во второй половине 1850-х гг. Мельниковы уехали в Петербург. В северной столице семья писателя испытывала материальные затруднения. Павел Иванович вынужден был сдать нижегородское имение в аренду крестьянину Иннокентию Федорову за 300 рублей в год. У Мельниковых, кроме пашен и сенных покосов, в Ляхове находились фруктовый сад и огород, ветряная мельница, рига, амбары и другие хозяйственные постройки при господском одноэтажном доме, а также рыбные ловли и каменоломни [17].

В браке с Еленой Андреевной у писателя родилось шестеро детей: Алексей, Андрей, Николай, София, Мария и Елена. По традиции писатель обращался в Нижегородское дворянское депутатское собрание с прошениями о причислении своих детей к дворянскому сословию.

В 1861 г. Павел Иванович подал первое такое обращение: «От законной жены моей Елены Андреевны урожденной Рубинской имею я детей: 1) сына Андрея, рожденного 1 июня 1855 года, 2) сына Николая, рожденного 4 июля 1856 года 3) дочь Марию, рожденную 14 апреля 1858 года и 4) дочь Елену, рожденную 12 февраля 1861 года. Оба сына родились в Нижнем Новгороде и крещены при Благовещенском соборе протоиереем Павлом Лебедевым; обе дочери родились в Санкт-Петербурге и крещены при церкви Дирекцией Императорских театров протоиереем Михаилом Боголюбовым.

Род наш внесен во вторую часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии. <...>

Сие прошение составил и набело переписал сам я, проситель. Жительство имею в Санкт-Петербурге Московской части 2 квартала по Троицкому переулку № 30 дом Локунова, а в Нижнем Новгороде временно проживаю против Дворянского собрания в гостинице Борботенко ...» [18, л. 1].

В 1868 г., 9 августа, он отправил второе обращение: «Желаю присоединить в дворянской родословной книге Нижегородской губернии к фамилии Мельниковых детей моих, сына Алексея, родившегося в Москве, 10 марта 1867 года, и крещенного в приходе Николы в Хлынове на большой Никитской и дочь Софию, родившуюся в С-Петербурге 20/21 января 1865 года и крещенную в церкви при театральном училище...» [19, л. 2]. Подписывая это письмо он указал свой обратный адрес: «Жительство имею в Москве у зоологического сада в доме Даля» [19, л. 2].

В 1886 г. настоятель Казанской церкви в Ближнем Константинове протоиерей Василий Голубев при составлении описи церковного имущества (ризницы) сделал такие записи: первая – «Ризы белые, парчовые с крестами, обложены белым позументом, кресты и звезда на них мишурная, на желтой коленкоровой подкладке, пожертвовал Павел Иванович Мельников»; вторая – «Ризы священнические, мишурные, белые, с белым позументом, крест и звезда на них фольговые, на белой подкладке, пожертвованы госпожою Мельниковой Еленою Андреевной» [9, л. 24]. Когда были сделаны

данные пожертвования писателем и его супругой в документах не указано. Эти записи свидетельствуют о том, что проживая летом в Ляхове Павел Иванович и его близкие, а также друзья посещали скромный Казанский храм. Священник Василий Голубев (1830–1914) прослужил в нем более 40 лет, и именно он, вероятнее всего, дружил и общался со всеми членами семьи писателя.

В начале 1870-х гг. сгорел господский дом в Ляхове. Парк основательно поредел. Незадачливый арендатор привел усадьбу в запустение и П.И. Мельников решил ее продать. Он обратился к А.С. Гацисскому с предложением арендовать у него часть усадьбы: «У меня поодаль от дома есть флигель с пяти окнами по улице, на прибавку к нему и лесу дам, сколько есть заготовленного, дам Вам к нему сад, и сдам на двенадцать лет с тем, чтобы Вы его отделали, как следует. При нем дам Вам место для садика и для огорода овощного места сколько угодно. Вода будет – для купания выкопаю пруд в будущем году» [15, с. 182]. Однако Гацисский уже купил землю около Бора, а поэтому на данное предложение ответил отказом.

Будучи очень расположенным к нижегородскому имению позднее писатель с семьей переехал из Москвы в Ляхово, чтобы отстроить новый дом. Первое время они поселились в избе сельского старосты Василия Большого. Елена Андреевна с детьми занимала часть дома, Павел Иванович разместился в светелке, очень низенькой и маленькой, с одним окном. [15, с. 174].

В 1875 г. в Ляхове был выстроен новый господский дом по плану и под наблюдением Павла Ивановича. Домовладение было просторное и удобное. С западной стороны дом окружался самой тенистой частью сада. На втором этаже помещалась библиотека. С небольшого балкона, расположенного на втором этаже, лестница спускалась прямо в сад. С южной стороны на обоих этажах находились две просторные террасы [12, с. 156]. От дома открывались живописные виды на деревни Бешенцево, Козловку и село Ближнее Константиново с Казанской церковью. Мельниковы также любовались речкой Рахмой, которая струилась в ближнем овраге, подле крестьянских домов, а вдаль – Кудьмой.

Усадьба в Ляхове стала для писателя не просто местом летнего проживания, она стала его семейным гнездом, куда он возвращался всякий раз.

Само село Ляхово стояло на покатоности холма. Со стороны арзамасского тракта Ляхово скрывала дубовая роща и тенистый сад с

двухсотлетними липовыми аллеями. Направо от почтовой дороги имение оканчивалось обрывистым берегом, откуда открывался великолепный вид на ярмарку и Оку.

В периоды зимнего отсутствия в Ляхове Павел Иванович оставлял смотрителя за домом и лесом. Одно время таким управляющим был тот же А.С. Гацисский. В сохранившейся переписке есть напоминание писателя набить снегом погреба и просьба узнать, заплачены ли проценты за усадьбу в казну, привезены ли купленные в Петербурге луковицы и корни цветов, «отправлены ли они вовремя в деревню и посажены ли в горшки и ящики» [15, с. 182].

Писатель прилагал много сил к своим цветникам, каждую весну заботясь об украшении сада новыми цветами, разведением овощей и ягодных растений. Отовсюду Мельников вез лучшие экземпляры георгинов, ландышей, роз, лилий и других цветущих растений. В саду от липовой аллеи, характерной для русского усадебного парка, он создал аллею с кленами [15, с. 182].

Среди архивной коллекции фотографа М.П. Дмитриева (в фондах ГАрхАДНО) сохранились снимки Ляховского имения П.И. Мельникова-Печерского. На них запечатлены усадебный дом, хозяйственные постройки, окружавший их лесопарк и окрестности. Есть еще снимок с видом на Казанскую церковь, выполненный, возможно, со второго этажа террасы дома А.П. Мельниковым. Из-за большого количества деревьев и дальности расстояния на фото видны лишь шатер колокольни и купол храма.

В 1881 г. Мельниковы переехали на постоянное жительство в Нижний Новгород. Последние два года своей жизни писатель провел в любимом имении. 13 февраля 1883 г. Павел Иванович умер в Нижнем Новгороде в доме на Петропавловской улице. Похороны состоялись 19 февраля на городском Казанском кладбище при Крестовоздвиженском монастыре. В этот день скорбил весь город. Маленькая квартира, где скончался писатель, постоянно была полна приезжими и местными депутациями для возложения памятных венков на гроб. Отпевали Павла Ивановича в Петропавловском храме. «Едва нижегородское дворянство пронесло гроб несколько сажень от ворот Петропавловского кладбища, как на углу Полевой улицы к гробу хлынула целая толпа нагольных тулупов: это были крестьяне Ляхова, всей деревней пришедшие в город хоронить своего барина. Ляховские крестьяне с волостным старшиной Кононовым, с которым отец любил беседовать у себя в кабинете и старос-

той Василием Большим, в светелке которого отцом начато было “На горах”, донесли гроб его до самой могилы» [15, с. 184]. После похорон писателя его погребальные венки перенесли в Казанскую церковь села Ближнее Константиново, где они и хранились много лет [12, с. 157].

Наследники писателя в дальнейшем уже не стали заниматься Ляховской усадьбой. Семья пользовалась ей до 1896 г., а потом Андрей Павлович сдал ее в аренду – сначала на год, затем на 8 лет. К этому времени усадьба была такой: «...земля в количестве 90 десятин, дом деревянный новый, крытый тесом, 9 комнат с коридором, 3 печи, 1 камин, сад большой с березовой рощей, цветниками, фруктовыми деревьями и т. п. при усадьбе, в нем их до 270 (72 сортов). Яблоней 25, кроме того посажено 20 молодых яблонь, вишен до 100 деревьев, сливы 18 деревьев, более 150 кустов смородины – черной и красной и крыжовника, грядки для огурцов, парники. Сад – 1 десятина, 918 сажень» [15, с. 184].

В 1895 г. Иван Митрофанович Рукавишников приобрел 50 десятин земли из имения Мельниковых под строительство первой в России загородной психиатрической колонии. К началу строительных работ от построек прежних владельцев в центре усадьбы остались лишь конюшня и каретный сарай. История создания и развития этого богоугодного заведения подробно описана в краеведческих публикациях [20].

Неизменным оставался лишь Казанский храм в Ближнем Константинове, в котором помнили дворян Мельниковых не только как жертвователей, но и как рачительных хозяев, любивших данную местность. Возможно, что дети Павла Ивановича, приезжали сюда, чтобы помянуть родителей.

К началу XX в. местность рядом с селом стала активно развиваться благодаря наличию железнодорожного сообщения и желанию нижегородцев проводить лето за городом. Преобразился и единственный на всю округу православный храм. На невысокой шатровой колокольне Казанской церкви находилось шесть колоколов, самый большой из них имел вес в 67 пудов и 11 фунтов [9, л. 2]. До революции своды и стены храма не имели росписей, а только были окрашены в белый и зеленый цвета. Пол же был выложен квадратными каменными плитами, которые окрасили в желтый цвет. Кресты на церкви были позолоченные, кровля – из листового железа, окрашенного в зеленый цвет [6, л. 1]. На 1904 г. в этом приходе официально

числилось 657 мужчин и 784 женщины, а также община раскольников поморского согласия – 155 мужчин и 156 женщин [21, с. 160].

При церкви существовал погост, погребения на котором продолжались и в советский период (кладбище официально закрыто в 1973 г.).

На протяжении XIX в. Казанский храм ремонтировался и украшался различными жертвователями, как из числа местных жителей, так и именитых нижегородцев, а также посторонних лиц, волею судеб оказавших в Нижнем Новгороде. Среди них по церковным документам известны такие имена: Е.А. Садовская – жена Якова Александровича Садовского, коллежского асессора, владельца усадьбы в д. Щербинка; дочь нижегородского городского головы Любовь Ивановна Зурова; Григорий Федорович Ермолаев, представитель именитого рода нижегородских пивоваров; Лев Гаврилович Баженов, один из управляющих (бухгалтер) у хлебопромышленника М.Е. Башкирова; купец Иван Гаврилович Привалов и купец 2-й гильдии Афанасий Иванович Смирнов [9, л. 24–30].

В советское время Казанская церковь оставалась действующей до осени 1937 г. После ареста и расстрела 3 сентября 1937 г. последнего священника протоиерея Николая Виноградова храм был закрыт и передан сельсовету [22, с. 29]. Затем было принято решение использовать его как зернохранилище. Оказались уничтоженными многие церковные документы, а также реликвии и предметы, связанные с семьей П.И. Мельникова. С церковного здания сняли кресты и колокола, но внутри, до середины 1960-х гг. сохранялись иконостасы, и другие предметы церковного обихода.

В 1991 г. Казанскую церковь передали Нижегородской епархии, а в 1996 г. в ней возобновились богослужения. В Нижнем Новгороде в честь П.И. Мельникова-Печерского названа одна из улиц, но до сих пор нет отдельного памятника. Может быть, территория рядом с Казанским храмом в Ближнем Константинове могла бы стать таким памятным местом.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 570. Оп. 555 (1798 г.). Д. 233.
2. ЦАНО. Ф. 569. Оп. 1779а. Д. 9.
3. ЦАНО. Ф. 767. Оп. 1. Д. 7.

4. Мельников А. К истории ближайших окрестностей Нижнего Новгорода // Действия НГУАК. Сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. IV. [Н. Новгород], 1900.

5. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 6766. Д. 10.

6. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1013.

7. РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 22.

8. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557 (1848 г.). Д. 312.

9. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 4. Д. 3692.

10. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126. Д. 9806.

11. ЦАНО. Ф. 1830. Оп. 817а. Д. 3.

12. Усов П. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературная деятельность // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / [сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов; предисл. Н. Морохина]. Н. Новгород, 2011.

13. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126. Д. 9857.

14. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126. Д. 9855, 9856.

15. Королева Н., Ветюгова И. Усадьба // Нижний Новгород. 2001. № 4.

16. ЦАНО. Ф. 767. Оп. 1. Д. 34.

17. ЦАНО. Ф. 767. Оп. 1. Д. 18.

18. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126. Д. 8916.

19. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126. Д. 8918.

20. Давыдова А.А. История формирования и развития архитектурного комплекса колонии для душевнобольных при сельце Ляхово (Нижегородская областная психоневрологическая больница № 1) // ЭПИ Открытый текст. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.opentextnn.ru>. (Дата обращения 11.06.2018).

21. Драницын Н.Н. Адрес-календарь Нижегородской епархии на 1904 г. Н. Новгород, 1904.

22. Молоштан П. Пастырский крест самопожертвования. О судьбе нижегородского священника Николая Виноградова (1888–1937) // Да-маскин: Журнал Нижегородской духовной семинарии. 2017. № 1 (38).

П.И. Мельников на страницах старообрядческой периодики конца XIX – начала XX века

В.В. Боченков

Старообрядческая периодика появляется в конце XIX в. в Австро-Венгрии [1]. В качестве примера приведем газету «Древняя Русь», издававшуюся в 1892 г. в Коломые (ныне Ивано-Франковская обл. Украины) [2]. В России легальные старообрядческие издания выходят с 1905 г. В основном они были посвящены общественной жизни старообрядчества. Однако в них печатались и художественные произведения, а также отклики на них. Так на страницах старообрядческой газеты «Слово правды» в 1907 г. увидел свет отрывок из романа Д.Л. Мордовцева «Великий раскол» [3]. Вскоре в той же газете появились статьи Г. Завражного о Глебе Успенском [4], а затем В. Ровенского о П.И. Мельникове [5]. В 1908 г. в журнале «Церковь» публиковались статьи о Д.Л. Мордовцеве [6], Н.С. Лескове [7], В.Г. Короленко (с упоминанием о Мельникове) [8], отрывок из повести «Петр и Алексей» Д.С. Мережковского [9], в 1909 г. – вновь о Г.И. Успенском [10].

Из всех писателей чаще всего на страницах старообрядческих изданий называлось имя П.И. Мельникова-Печерского. Упоминания о нем можно разделить на две группы. Одна, меньшая, – отзывы и критические суждения о самом писателе и его творчестве в целом. Вторая, побольше, – апелляции к его мнению, статьям, историческим работам, другим произведениям для подкрепления собственной позиции того или иного старообрядческого публициста. Обратимся к первой группе.

К сожалению, о В. Ровенском, авторе статьи «Старообрядчество в художественной литературе. П.И. Мельников» в «Слове правды» 1907 г., каких-либо достоверных биографических сведений выявить не удастся. В отзыве о П.И. Мельникове он упоминает другую свою статью, увидевшую свет на газетных полосах несколько ранее и без подписи: «О сущности старообрядчества» [11].

Чтобы судить о том, насколько верно писатель изображает старообрядцев, подчеркивал критик, нужно обладать собственным знанием «подлинной природы старообрядчества и идеи, осмысливающей его существование». Она, эта идея, говорит он, может

быть только религиозной. Изложив биографические сведения о П.И. Мельникове, В. Ровенский отнес его к «тем лицам, которые думали насилем и водворением в России произвола привести ее в цветущий вид» [5, с. 2]. Он привел сведения о преследованиях старообрядцев, в которых П.И. Мельников принимал непосредственное участие, в частности скандальный случай с обыском у купчихи Головастиковой. Но «стоило повеять в высших сферах новому духу, как Мельников сразу изменился». Бывший гонитель выступает в качестве ходатая за гонимых. При всем этом до конца дней он смотрит на старообрядчество как на «порождение грубости и невежества». «Этим основным ложным взглядом... и объясняются недостатки его литературных произведений, проникнутых тенденциозностью» [5, с. 2]. «Мельников как художник может занимать не последнее место в ряду наших отечественных писателей. Богатство и разнообразие наблюдений соединилось у него с красотой изложения; но эта красота теряет свою прелесть, когда она прикрывает собою ложь и рисует предмет в извращенном виде» [5, с. 2]. В. Ровенский едко иронизирует: «Мы знаем, каким благодетелем для старообрядцев был Мельников, когда для славы господствующей церкви конкурировал с ужасами полицейского застенка: нет ничего удивительного и в том, что следы его служебно-сыскной деятельности отразились и на общем характере его романов, рисующих старообрядческую жизнь. В самом деле, прочтите его романы “В Лесах” и “На Горах”, вдумайтесь в их смысл, и найдете в них немало недостатков самого существенного характера. Автор подробно и живо рисует внешний быт старообрядцев, подолгу останавливается на описании пирушек, обедов, русских бань и пр. явлений, но игнорирует, по-видимому, главное, – именно то, что сообщает старообрядчеству право на его осмысленное существование. Старообрядчество под пером Мельникова походит скорее на карикатуру, нежели на правдивое его освещение» [5, с. 2].

Вкратце разбирая далее персонажей, критик оговаривался, что «едва ли не самым лучшим лицом» в ключевой диалогии писателя показана мать Манефа, которая тоже «не свободна от крупных недостатков». Чапурин – «величина в религиозном отношении неопределенная». Остальные действующие лица либо развратники (Василий Борисыч), либо уголовные преступники (Стуколов). «Выдавая всех этих лиц за представителей и выразителей старообрядческого мира, Мельников как будто нарочито имел в виду написать

целый пасквиль на старообрядчество и показать его насколько возможно с одной лишь отрицательной стороны. Старообрядчество по произведениям Мельникова – в лучшем случае вера внешнего покроя» [5, с. 2]. Сущностных основ старообрядческого миропонимания романы не отражают.

Столь категоричный отклик по поводу изображения старообрядчества на страницах мельниковских произведений – не единственный. В статье «К нашей молодежи» редактор и издатель журнала «Старообрядческая мысль» Н.Д. Зенин в 1915 г. отозвался о П.И. Мельникове так: «Писатели церкви господствующей, просто интеллигентные писатели, литераторы, беллетристы и историки, а не миссионеры... часто хотят вывести в своих писаниях старообрядчество как среду положительную, но, не зная старообрядчества, конечно, и не могут изобразить его верным с действительностью. Ближе всех изучил старообрядчество П. Мельников-Печерский, но и в его знаменитых романах “В Лесах” и “На Горах” много выведено такого, чего за старообрядцами нет. Хороши у него “Очерки поповщины”, “Статистика старообрядчества” и мн[огое] другое. Но, повторяю, все целиком брать у него нельзя. Надо снова отбирать полезное и им пользоваться, а вредное отбрасывать» [12, с. 39–40].

Перейдем теперь ко второй группе публикаций.

Имя П.И. Мельникова упоминается уже в первых старообрядческих газетах, издававшихся нелегально за пределами России. В той же «Древней Руси» в неподписанной статье «Исследование о митрополите Амвросии и о крещении греков второю старообрядческою экспедициею в 1892 году» приводятся ссылки на «Очерки поповщины» и «Письма о расколе». Первое произведение автор упоминает вскользь, а что касается другого, то, характеризуя отношение к старообрядцам со стороны правительства, указывает на второе письмо цикла мельниковских статей, где говорилось о запрещении использовать само слово «старообрядец» [13, с. 21]. Доказывая подложность документов, свидетельствующих в пользу реформ патриарха Никона, в частности, так называемого соборного деяния на несуществовавшего еретика Мартина, другой автор газеты, А.И. Поснов, тоже цитирует «Письма о расколе» [14, с. 37–38].

В газете «Слово правды» (№ 81 от 7 октября 1907 года) была опубликована неподписанная статья с характерным заголовком «Распространение старообрядчества опасно ли для государства?» Проблема ставится сразу в первом абзаце со ссылкой на П.И. Мельникова:

«Как только поднимался в России вопрос о предоставлении старообрядчеству религиозной и гражданской свободы, правительствующим Синодом и казенными защитниками господствующего “православия” всегда выдвигалось на сцену как противодействие всяким свободам страшное “пугало”: опасность перехода из господствующей церкви в старообрядчество. “Надобно никогда не забывать, – писал в 1864 г. известный чиновник-литератор П.И. Мельников, что девять десятых российского простонародья, принадлежащего к православию, сочувствуют старообрядчеству и свою новую веру далеко не так уважают, как веру старую. Если простонародье узнает о торжественном покровительстве государя старообрядчеству, оно поголовно перейдет в раскол, и тогда православным архиереям и священникам останется пастырствовать только над дворянством и чиновниками” (П.И. Мельников, изд. Вольфа, стр. 226). Этого исхода бояться и в настоящее время не только духовные, но и гражданские власти» [15, с. 1].

Далее автор стремится выяснить, насколько в действительности оправданы подобные опасения. Он приводит целый ряд высказываний, принадлежащих архиереям официальной церкви, которые резко критикуют ее строй, уклад, канонический порядок. Потом звучит вопрос: «Но, может быть, старообрядчество не менее вредно для государства и народа?» В ответ следует такой же пространственный ряд высказываний, уже положительных, о старообрядчестве. Список снова открывает П.И. Мельников, который доказывал, что «старообрядцы, напротив, не заключают в себе ничего опасного для государства и общественного благоустройства: двухсотлетнее преследование их и ограничение в гражданских правах поэтому было совершенно излишне и даже вредно, и старообрядцы вполне заслуживают того, чтобы пользоваться всеми гражданскими правами (П.И. Мельников, стр. 201)» [15, с. 1]. Далее следуют ссылки на схожие мнения И. Юзова, А.С. Пругавина, автора «Отечественных записок» Я. Абрамова, священника Т. Черкасского – автора «Биржевых ведомостей».

Вывод один, очень простой, звучит в конце: «Приведенной характеристики старообрядчества достаточно для того, чтобы со всей решительностью и основательностью сказать, что старообрядчество не только ничуть не вредно для русского государства и народа, но оно есть лучшая его сила, оно – фундамент нравственной жизни людей, оно – твердыня и оплот народной веры и благочес-

тия» и т. д. [15, с. 1]. Дедуктивный метод прост: главное – отобрать нужные цитаты.

В том же 1907 г. на страницах девятого номера журнала «Старообрядец» упомянул имя П.И. Мельникова архимандрит Михаил (Семенов), впоследствии епископ. За опубликованную в нем критическую статью «Разрушающаяся церковь» номер журнала был конфискован, разошлась только часть тиража. Отец Михаил ссылается на «Доклад Мельникова Александру II». Речь идет о фабрикации Соборного деяния на еретика Мартина-армянина, коим новообрядческие апологеты доказывали, что двоеперстие – «армянская ересь» [16, с. 48]. На эту же служебную записку опирался и автор «Древней Руси» А.И. Поснов. «Записка о русском расколе», упоминаемая ими, готовилась для великого князя Константина Николаевича. Она вошла в изданный в 1860 г. в Лондоне В.И. Кельсиевым «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (Вып. 1), была опубликована в 1900 г. в Браиле (Румыния) в книге «Мнение П.И. Мельникова о старообрядцах, представленное императору Александру II, и прошение браиловских старообрядцев, посланное Николаю II».

В брошюре «Устроение Церкви в XIX столетии», вышедшей в качестве приложения к журналу «Слово Церкви» в конце 1914 г. – завершающей, шестой, книге задуманного редакцией цикла «Чтение для семьи, школы и народа» – епископ Михаил обратился к «Очеркам поповщины». Излагая историю возникновения белокрыничкой иерархии, он использует сведения, указанные писателем, ссылаясь на собрание его сочинений [17, с. 172]. Еще об одном упоминании мы скажем ниже.

Ту же Записку П.И. Мельникова, подготовленную для великого князя Константина Николаевича, приводит в статье «Национализм старообрядчества» И.А. Кириллов [18, с. 164]. Впоследствии она вошла отдельной главой в его книгу «Правда старой веры» (1916 г.) [19, с. 44, 47, 48, 71]. Годом ранее в журнале «Старообрядческая мысль» он же опубликовал статью «Статистика старообрядчества» [20], по-своему развивая проблематику мельниковской работы «Счисление раскольников». Переключка названий очевидна и кажется даже нарочитой.

Со слов московских старообрядцев-старожилов П.И. Мельников упомянул в «Очерках поповщины» о пребывании на Рогожском кладбище казаков атамана Матвея Ивановича Платова, которые подарили прихожанам походную церковь. «С 1813 года литургии

на Рогожском кладбище совершались хотя и редко, в большие только праздники, но без особых предосторожностей и притом в самих часовнях, в алтаре которых раскидывали освященную палатку. Это завелось вот по какому случаю. По изгнании Наполеона из Москвы столицу заняли донские казаки, в числе которых много было старообрядцев. Рогожские попы исправляли им требы, а войсковой атаман граф Платов, сам тоже старообрядец, оставил, как уверяли впоследствии рогожцы, на кладбище походную церковь, освященную во имя Пресвятой Троицы. Тогдашний начальник московской столицы дал им словесное разрешение служить в этой церкви обедни» [21, с. 422]. Говорили, что эту церковь М.И. Платов брал с собою в походы против Наполеона, при ней был постоянный священник.

Это упоминание стало основанием для создания устойчивого мифа о Платове-старообрядце. В № 35 «Церкви» за 1912 год была помещена неподписанная статья «Герой Отечественной войны старообрядец атаман Платов». «Очень немногим известно, – говорилось в ней, – что граф Платов был старообрядец. По обстоятельствам того времени и по тому положению, которое Платов занимал, он вынужден был скрывать свою принадлежность к старообрядчеству» [22, с. 837]. Однако кроме устных свидетельств, на которые опирался П.И. Мельников, а вслед за ним – анонимный автор этой статьи, других подтверждений тому не выявлено. Наоборот, есть и обнаруживаются новые документы, дающие основание усомниться в принадлежности атамана к старой вере.

Например, в начале XX в., обобщая опыт изучения исповедных росписей и метрических книг, а также работы предшественников, писавших о М.И. Платове, историк А.А. Кириллов не обнаружил среди его предков никаких старообрядцев [23, с. 8–10]. И сам Платов, и его отец с матерью, и двое его дядей по исповедным росписям принадлежали к новообрядческим церквям. Иван Федорович Платов с женой Анной Ларионовной и пятеро их детей исповедовались в черкасской церкви св. Петра и Павла [23, с. 9]. К этой же церкви относились и двое братьев Ивана – Демьян Федорович и Дмитрий Федорович Платовы. М.И. Платов был дважды женат, и обеих жен взял отнюдь не из старообрядческой среды, венчался с ними в новообрядческих храмах. Нет никаких оснований утверждать, что М.И. Платов был выходцем из старообрядческой среды. Современный старообрядческий автор священник Иоанн Севастья-

нов обнаружил документы, которые весьма характерно показывают отношение М.И. Платова к старообрядцам: в 1806 г. он дал им категорический отказ на устройство в Черкасске единоверческого храма. В его отрицательном отзыве об этой инициативе, адресованном епископу Арсению (Москвину) Воронежскому и Черкасскому, нет никакого сочувствия старообрядцам [24].

Вопрос о том, когда казаки М.И. Платова «заняли Москву», тоже не совсем ясен. Допустим, у П.И. Мельникова речь идет о небольшом отряде, который посетил Рогожское кладбище и передал походную палатку-церковь. Этот дар, если он и был сделан от имени М.И. Платова, доказывает лишь его благорасположение и внимание к духовным нуждам старообрядцев, но вовсе не собственную принадлежность к старой вере.

Донской военачальник щедро жертвовал деньги и ценности на новообрядческие монастыри. Некоторые факты приводит М.В. Артюшенко в «Московском журнале». Она цитирует сохранившийся приказ М.И. Платова донским полкам о материальной помощи московскому Донскому монастырю. В нем М.И. Платов предписывает «доставить с каждого полка... по полпуду серебра для отправления на богоугодные дела в оный монастырь в Москву. В сем храме Господнем воскурится фимиам благодарности от усердных сердец наших! Отцы духовные ежедневно возносить будут теплые моления к милосердному Творцу о спасении душ наших» [25, с. 69].

В 1815 г. М.И. Платов препроводил из Варшавы квитанцию для Донского монастыря на 15 тысяч рублей ассигнациями. В декабре в Москву по его распоряжению было доставлено десять пудов собранного от разных полков серебра – «чистого, без всякой примеси другого металла, <...> в слитках и в <...> изломанных окладах и утварях церковных состоящего». Спустя некоторое время М.И. Платов снова перевел Донскому монастырю крупную сумму денег [25, с. 69].

Нет никаких свидетельств, чтобы перед смертью М.И. Платов позвал к себе старообрядческого священника. Панихида по нему прошла в соборной церкви Новочеркасска [26, с. 395].

В № 38 за 1912 г. журнал «Церковь» вернулся к статье о Платове. Редакция получила письмо от читателя Тимофея Козмина, который привел устные свидетельства старообрядцев Молдавии, румынского селения Камень (Каркалий) о том, что М.И. Платов молился в старообрядческой церкви и подарил старообрядцам Еванге-

лие, изданное при патриархе Московском Иосифе, сделав на нем собственноручную надпись. «Рассказы о пребывании здесь графа Платова и сделанном им подарке я слышал от местных старожилов, Евангелие же с собственноручной надписью графа я видел сам лично» [27, с. 916].

Что же, старожилы, упоминаемые здесь – не очевидцы, ведь минуло ровно сто лет. Подаренное Евангелие – только знак уважения. Зайти в храм и перекреститься не означает постоянно молиться по старому обряду.

Выражаясь современным языком, журнал в юбилейный год войны для «пиара» уцепился за П.И. Мельникова и некритично использовал не проверенное им свидетельство. Потребовался символ – личность, которая объединяла бы и воплощала собой возвышенные патриотические устремления старообрядцев, действительно искренние. И все началось с одного лишь упоминания в «Очерках поповщины». Созданный журналом миф оказался живучим. При этом когда говорится о старообрядчестве М.И. Платова, снова используется ссылка на П.И. Мельникова, а другие источники игнорируются [28].

В заключение рассмотрим один краткий намек на эпизод из романа «В Лесах» в ранней статье старообрядческого епископа Михаила (Семенова). По-видимому, это единственное его обращение к художественному творчеству П.И. Мельникова и оно требует комментария.

Особенностью публицистики отца Михаила было использование широкого пласта межтекстовых связей. В его статьях часты ссылки, цитаты, аллюзии, упоминания разных отечественных и зарубежных писателей. В статье из цикла «Беседы с читателями...» из журнала «Русский паломник» за 1904 г. вскользь упомянут и П.И. Мельников, точнее, его псевдоним [29, с. 4]. Здесь говорится о семье Истратенко, они привезли из Сибири в Петербург почти целую тачку золота, а оно оказалось колчеданом. Их счастье было призрачным, заключает автор, опирающийся, по всей видимости, на газетные публикации тех лет об этом трагикомическом случае. Эта аллегорическая картинка, образ обманчивого счастья, подкрепляется аллюзией к «повести Печерского», в которой «золотоискатели (вроде Истратенковых) набрали тачку металла, очень похожего на золото», а оно оказалось «сернистым колчеданом» [29, с. 4]. Аллегорический образ семьи, проделавшей долгий и напрасный путь в

надежде обогатиться, и аллюзия, указывающая на «повесть Печерского», повторяются в паре друг с другом в статье без заглавия в книге отца Михаила «Святые минуты» [30, с. 1]. Статья в этом сборнике с упоминанием П.И. Мельникова (по псевдониму) – переработка (в сторону сокращения) все той же «Беседы...» из «Русского паломника». Рассказ об Истратенко в третий раз приводится в статье «К Новому году» в № 1 журнала «Церковь» за 1909 г. [31]. Здесь он также имеет значение аллюзии: золото рядом, вокруг, и нужно лишь, не отчаиваясь, разрабатывать подлинные духовные «россыпи». Упоминания о «повести Печерского» уже нет.

Отец Михаил имел в виду в своих статьях эпизод из семнадцатой главы первой части первой книги романа «В лесах». Здесь Колышкин разясняет Потапу Чапурину, как мошенники выдают за золото тот самый злополучный серный колчедан [32, с. 305–306]. Эпизод из романа, накладываясь на сообщения об обманувшейся семье, послужил для создания аллюзии призрачного счастья.

Изучая старообрядческую периодику, можно, разумеется, выявить больше цитат и упоминаний. Мы старались отобрать известные имена публицистов, яркие примеры (случай с атаманом Платовым невозможно обойти стороной). Деление на две разных группы упоминаний при этом сохранится. Исторические работы П.И. Мельникова и его публицистика (а служебные записки можно рассматривать как ее разновидность) в целом чаще востребованы. Они служат источником необходимых сведений и фактов, используются при разработке таких тем, как разоблачение подлогов, отстаивание свободы совести, заслуги старообрядцев в развитии государства. Оценка художественных произведений писателя звучит реже. Она в основном касается изображения старообрядцев, что естественно, и достаточно критична (В. Ровенский, Н.Д. Зенин). Основной упрек писателю – непонимание сущности старообрядчества, секрета его внутренних сил. Тем не менее, несмотря на активное участие П.И. Мельникова в ликвидации старообрядческих скиотов в первой половине 1850-х гг., «Православный старообрядческий церковный календарь», официальное издание митрополии Московской и всея Руси РПСЦ, откликнулся на 200-летний юбилей писателя короткой статьей, ставя ему в особую заслугу гражданскую позицию – голос за прекращение преследований за веру [33].

Источники и литература

1. См.: *Гордеева М.В.* Старообрядческая периодика в конце XIX – начале XX вв.: Издания, авторы, проблематика (краткий обзор) // *МедиаАльманах*. 2016. № 6.
2. Древняя Русь. Коломыя, 1892. Год I.
3. Сожжение Аввакума // *Слово правды*. 1907. № 7, 21 января.
4. [*Сорский*] Глеб Успенский и поволжские старообрядцы // *Слово правды*. 1907. № 11, 4 февраля.
5. *Ровенский В.* Старообрядчество в художественной литературе. П.И. Мельников // *Слово правды*. 1907. № 92, 15 ноября.
6. [*Правдин*] Старообрядчество в произведениях Мордовцева // *Церковь*. 1908. № 49. С. 1684–1686; № 50.
7. Старообрядчество в произведениях Н.С. Лескова // *Церковь*. 1908. № 1.
8. [*Д-ский*]. Озеро Светлояр // *Церковь*. 1908. № 25.
9. В Неделю православия // *Церковь*. 1908. № 8.
10. *Кириллов И.А.* Взгляд на старообрядчество Глеба Ивановича Успенского // *Церковь*. 1909. № 10.
11. О сущности старообрядчества // *Слово правды*. 1907. № 78 от 27 сентября. С. 1; № 84 от 18 октября.
12. *Зенин Н.Д.* К нашей молодежи. М., 1916. Журнальная публикация: Старообрядческая мысль. 1915. № 12.
13. Исследование о митрополите Амвросии и о крещении греков второю старообрядческою экспедициею в 1892 году // *Древняя Русь*. Коломыя. 1892. Год I, число 4, 1 июля.
14. *Поснов А.И.* Замечание на книгу «Житие преподобн[ого] Алекс[андра] Ошевенского» // *Древняя Русь*. Коломыя. 1892. Год I, число 6, 1 сентября.
15. Распространение старообрядчества опасно ли для государства? // *Слово правды*. 1907. № 81, 7 октября.
16. *Михаил (Семенов), архим.* Разрушающаяся церковь // *Михаил (Семенов), еп.* Собрание сочинений. М. – Ржев, 2011. Т. 1.
17. *Михаил (Семенов), еп.* Устроение Церкви в XIX столетии. М., 1914.
18. *Кириллов И.А.* Национализм старообрядчества // *Слово Церкви*. 1914. № 6.
19. *Кириллов И.А.* Правда старой веры. Барнаул, 2008.
20. *Кириллов И.А.* Статистика старообрядчества // *Старообрядческая мысль*. 1913. № 1. С. 20–26; № 2. С. 138–142; № 3.

21. *Мельников П.И.* Очерки поповщины // *Собрание сочинений*: в 8 т. М., 1976. Т. 7.
22. Герой Отечественной войны старообрядец граф Платов // *Церковь*. 1912. № 35.
23. *Кириллов А.А.* Войсковой атаман Войска Донского граф Матвей Иванович Платов и его административная деятельность // *Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета*. Вып. 11. Новочеркасск, 1912 (на обложке – 1913).
24. См.: *Севастьянов Иоанн, свящ.* Был ли атаман Платов старообрядцем? // Самарское староверие [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samstar.ucoz.ru/news/ierej_ioann_sevastjanov_byl_li_ataman_platov_staroobrjadcem/2012-01-13-5206 (15.05.2018).
25. См.: *Артюшенко М.В.* «Во славу веры донцов»: Московский Донской монастырь и казачество // *Московский журнал*. 2015. № 1.
26. *Лесин В.И.* Атаман Платов. М., 2005.
27. *Козьмин Т.* Еще о графе М.И. Платове // *Церковь*. 1912. № 38. С. 916.
28. См.: 200 лет со дня упокоения атамана Платова // *Православный старообрядческий церковный календарь на 2018 год / изд. по благословению высокопреосвященнейшего митр. Корнилия Московского и всея Руси*. М., 2017.
29. *Михаил (Семенов), иером.* Беседы с читателями «Русского паломника» // *Русский паломник*. 1904. № 1.
30. *Святые минуты*. СПб., 1907.
31. *Михаил (Семенов), еп.* К Новому году // *Собрание сочинений*. М. – Ржев, 2012. Т. 2.
32. *Мельников П. И.* В лесах // *Собрание сочинений*: в 8 т. М., 1976. Т. 2.
33. 200 лет со дня рождения П.И. Мельникова (псевд. Андрей Печерский) // *Православный старообрядческий церковный календарь / изд. по благословению высокопреосвященнейшего митрополита Корнилия Московского и всея Руси*. М., 2017.

П.И. Мельников-Печерский: новые материалы к библиографии

Л.П. Селезнева

Нижегородское литературное краеведение – одно из главных направлений деятельности Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина (далее – НГОУНБ). Информационные ресурсы по краеведению нашли свое отражение в ряде научно-вспомогательных библиографических пособий НГОУНБ, посвященных связям классиков отечественной литературы – А.С. Пушкина [1], А.П. Чехова [2], А.М. Горького [3] – с Нижегородской губернией. Большинство из них было подготовлено специалистами информационно-библиографического отдела в сотрудничестве с ведущими учеными Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского и снискало признание у специалистов и общественности. Так, библиографический указатель «А.С. Пушкин и Нижегородский край» получил высокую оценку Всероссийского музея А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург). Библиографический указатель «А.П. Чехов и Нижегородский край» стал лауреатом премии Нижегородской области им. А.М. Горького 2012 года в номинации «Культурно-просветительская деятельность». Оба указателя переведены в цифровой формат и находятся в свободном доступе на сайте НГОУНБ в разделе «Краеведение», подраздел «Краеведческие библиографические указатели».

В этом ряду стоит и научно-вспомогательный ретроспективный библиографический указатель, посвященный жизни и творчеству П.И. Мельникова-Печерского [4]. Он был подготовлен в 2013 г. в преддверии 195-летнего юбилея писателя. Издание является наиболее полным современным опытом научно-библиографического исследования его творческого наследия. Указатель включает перечень изданий произведений писателя, а также работы о его творчестве с середины XIX в. до 2013 г. включительно.

Главным ресурсом пополнения библиографии произведений самого П.И. Мельникова при создании указателя являлась газета «Нижегородские губернские ведомости», неофициальную часть которой писатель редактировал с февраля 1845 по май 1850 г. Па-

вел Иванович очень много писал для газеты, но часто свои тексты не подписывал.

«Нижегородские губернские ведомости» выходили еженедельно с 1839 по 1918 г. В них публиковались статьи церковно-исторического содержания, путевые заметки о Нижегородском крае, Нижегородской ярмарке, по археологии, медицине, астрономии и метеорологии, о театре, литературе и искусстве. В 1920-х гг. Николай Иванович Драницын – библиограф, краевед, активный деятель Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, много лет проработавший в Центральной губернской общественно-научной библиотеке (ныне – НГОУНБ) – предпринял попытку создать навигатор в этом море информации и составил «Систематический указатель к газете Нижегородские губернские ведомости (1831–1902)». До недавнего времени этот указатель существовал только в рукописном виде, но сотрудниками отдела редких книг и рукописей НГОУНБ была подготовлена его электронная копия (CD-диск), который доступен только пользователям библиотеки.

Хотелось бы обратить внимание краеведов и историков на тот факт, что среди громадного массива исследований о П.И. Мельникове-Печерском до сих пор нет работ, посвященных выявлению текстов писателя на страницах «Нижегородских губернских ведомостей». Ведь с исследовательской точки зрения безусловную ценность представляет каждый текст писателя, а на сегодняшний день существуют методики, позволяющие специалистам атрибутировать текст почти со стопроцентной вероятностью. Надеемся, что наш указатель будет способствовать появлению таких исследований.

Библиографическое пособие «П.И. Мельников-Печерский: жизнь и творчество» получило признание ученых, занимающихся творчеством П.И. Мельникова, и стало лауреатом премии города Нижнего Новгорода 2014 года в номинации «Краеведение». На сегодняшний день тираж издания полностью реализован, а его электронная копия представлена на сайте НГОУНБ. – Режим доступа: <http://www.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/nnregion/pdf/melnikov.pdf>.

После выхода в свет библиографического указателя работа по сбору и систематизации материала о П.И. Мельникове в НГОУНБ не прекращалась, как и не угасал интерес исследователей к его творчеству. За пять лет было проведено несколько диссертационных исследований в Казани, Вологде и Нижнем Новгороде.

В преддверии празднования 200-летия писателя мы представляем материалы к библиографии, которые не включены в предыдущее издание или были изданы после его выхода (отбор материалов закончен 1 апреля 2018 г.). Надеемся, что они будут полезны исследователям творчества П.И. Мельникова, филологам, историкам, студентам и аспирантам, а также всем, кто интересуется личностью и творчеством нашего выдающегося земляка.

П.И. Мельников-Печерский: материалы к библиографии (2012–2018)

2012

1. АНДРЕЕВ, О.Е. Деятельность Губернского статистического комитета по изучению жизни и быта нижегородцев второй половины XIX века / О.Е. Андреев, Ю.А. Курдин // Карповские чтения: сб. ст. / отв. ред. Е.П. Титков, С.Н. Пяткин. – Арзамас, 2012. – Вып. 4. – С. 264–277.

Из содерж.: С. 265–266: *О работе чиновника особых поручений П.И. Мельникова.*

2. ГОЛУБЧИК, Г.Н. Мельников-Печерский (Мельников) Павел Иванович (25.10(06.11).1818, Н. Новгород – 01(13)02.1883, Н. Новгород // Нижегородское землячество. – Нижний Новгород, 2012. – С. 339–340.

3. ДМИТРИЕВ, А.П. Преодоление «Вероисповедной ксенофобии»: тема старообрядчества в русской литературе 1870 – 1880-х гг. (И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, Н.С. Лесков и др.) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2012. – № 4. – С. 180–189.

Упоминается тема старообрядчества и раскола в произведениях П.И. Мельникова.

4. МОКШИНА, Е.Н. Историография религиозной жизни мордовского народа // Регионология. – 2012. – № 4. – С. 164–170.

Упоминаются исследования о мордве П.И. Мельникова.

5. МОРОХИН, Н.В. По дороге Мельникова-Печерского // Воскресенская жизнь. – 2012. – 16 ноября. – С. 9.

О деятельности П.И. Мельникова по проектированию железнодорожной ветки Н. Новгород – Котельнич.

6. ФРАНК, А.ДЖ. Мордовские святыни и вопросы

христианизации мордвы // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.). – Нижний Новгород, 2012. – С. 211–226.

Из содерж.: С. 215–216: *описание П.И. Мельниковым мордовских святынь в Нижегородской губернии напоминает подробнее описанную в источниках марийскую социальную структуру.*

2013

7. ВИНОГРАДОВ, Д.В. Образ бурлака в пословицах и поговорках // Русская речь. – 2013. – № 2. – С. 125–127.

Анализ произведений русских писателей, в т. ч. П.И. Мельникова, В.И. Даля.

8. ГАВРИЛОВА, А.Е. С.Т. Аксаков и П.И. Мельников-Печерский (к истории празднования пятьдесят третьей годовщины Казанского университета) // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. — 2013. — Т. 155, № 2. – С. 15–20.

9. ЗАРЕЧНЕВА, Л.В. Туристские походы по Нижегородской земле с книгами П.И. Мельникова-Печерского // Российские чтения-конкурс памяти нижегородских ученых, (посвящ. 100-летию со дня рождения В.С. Троицкого: сб. науч. статей и тезисов исслед. работ / [под общ. ред. И.А. Лукичевой]. — Нижний Новгород, 2013. — Т. 2. – С. 152–155.

10. МАРУШКИНА, Н.С. Отражение русской национальной традиции питания в диалогии Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 3. – С. 29.

11. МЕМОРИАЛЬНЫЕ доски деятелям литературы, искусства, архитектуры и спорта: [в т. ч. о мемориальной доске П.И. Мельникову] // Нижний Новгород. Историческое и культурное наследие / [авт.-сост.: Б.С. Извеков, А.В. Кессель; авт. ст.: С.Л. Агафонов и др.]. – Нижний Новгород, 2013. – С. 193–232.

12. НАУМОВА, О.И. «Он еще цел...»: [дом, где родился П.И. Мельников-Печерский: ул. Ульянова, 42] // 100 биографий домов Нижнего: каждый дом – своя судьба / О. Наумова. – Нижний Новгород, 2013. – С. 88–89.

13. П.И. МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ. Жизнь и творчество: библиографический указатель / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В. И. Ленина; [сост.: Л.Е. Кудрина, Л.П. Селезнева]. –

Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2013. – 224 с. – Режим доступа: <http://www.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/nnregion/pdf/melnikov.pdf> (дата обращения 30.03.2018).

14. ПЫЖИКОВ, А.В. Грани русского раскола: заметки о нашей истории от XVII в. до 1917 года / А.В. Пыжиков. – Москва: Древлехранилище, 2013. – 646 с.

Из содерж.: С. 42–45: *П.И. Мельников из ревностного гонителя раскольников превратился в их защитника. Он стал приверженцем староверия и ратовал за всестороннее и бережное изучение этого самобытного явления русской жизни.*

15. СЕЛЕЗНЕВ, Ф.А. Павел Иванович Мельников-Печерский – писатель, историк, краевед // П.И. Мельников-Печерский. Жизнь и творчество: библиографический указатель / [сост.: Л.Е. Кудрина, Л.П. Селезнева]. – Нижний Новгород, 2013. – С. 9–40.

16. УТКИНА, Н. Предки музеев // Нижегородская коллекция. – 2013. – № 3. – С. 52–54.

Из истории музейного дела в Нижнем Новгороде. О роли П.И. Мельникова, архимандрита Макария, Н.И. Храмцовского, А.С. Гацицкого в исторических разысканиях.

17. ФЕДОРОВ, В. Тайны кремля // Земля нижегородская. – 2013. – № 29 (19 июля). – С. 12.

Упоминаются предположения П.И. Мельникова о возможном расположении под Нижегородским кремлем древнего города и подземных ходов.

18. ШАЛДЕНКОВА, М.В. Исследователь мордвы П.И. Мельников: [об «Очерках мордвы»] // Вопросы истории. – 2013. – № 7. – С. 147–149.

19. ШАМШУРИН, В.А. Из народа в народ // Нижегородский почерк: литературные страницы. – Нижний Новгород, 2013. – С. 74–77.

О В. Дале, А. Улыбышеве, П. Мельникове в Нижнем Новгороде.

20. ШЕШУНОВА, С.В. П.И. Мельников-Печерский и И.С. Шмелев (к постановке вопроса) // Нижегородский текст русской словесности: сб. по материалам IV междунар. конф. – Нижний Новгород, 2013. – С. 70–76.

2014

21. АЛЕКСЕЕВА, Л.В. Диалогия П.И. Мельникова-

Печерского «В лесах» и «На горах»: исторический материал в художественном тексте // Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития: материалы междунар. форума. – Петрозаводск, 2014. – С. 108–110.

22. АЛЕКСЕЕВА, Л.В. Локус Комаровский скит в диалогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Проблемы исторической поэтики. – 2014. – Т. 12. – С. 328–349.

23. АЛЕКСЕЕВА, Л.В. Образы старообрядцев в диалогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Проблемы исторической поэтики. – 2014. – Т. 12. – С. 349–371.

24. АЛЕКСЕЕВА, Л.В. Патриархальный мир русского старообрядчества в изображении П.И. Мельникова-Печерского (на материале романа «В лесах») // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 74–77.

25. ВАРЕНЦОВА, Л.Ю. «Из воспоминаний о сельской жизни и школьном быте 50-60 лет назад»: рукопись заслуженного профессора Санкт-Петербургской духовной академии А.И. Садова. 1912 г. // Исторический архив. – 2014. – № 2. – С. 127–143.

Из содерж.: С. 129: *«Близость центров нижегородского раскола, раскинутых в Семеновском уезде и с таким мастерством описанных покойным П.И. Мельниковым (Печерским) в его бытовых картинках «В лесах», и влияние тогдашних сильных покровителей раскола из нижегородского купечества отразились и на рожновском приходе...».* – А.И. Садов.

26. ГРАНИ раскола: старообрядчество: тайны и явь: [альбом] / [В.А. Азарова и др. ; гл. ред. и сост.: Я.И. Гройсман]. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2014. – 215 с.

Из содерж.: В «Лесах» Нижегородской губернии, XIX век: [грань вторая: о прототипах романа П.И. Мельникова-Печерского «В лесах»] / [материал сопровождается фот. М.П. Дмитриева и ил. П. Боклевского]. – С. 44–83; Единство противоположностей Павла Мельникова. – С. 64–67; Старообрядцы «В лесах» и в жизни, XIX век [грань третья: об истории создания романа П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» (сопоставление фактуры романа «В лесах» и действительных реалий старообрядческого быта)]. – С. 84–127.

27. КОЗЛОВ, А.Е. Анекдоты о градоначальниках в

провинциальном тексте русской литературы XIX века // Сюжетология и сюжетография. – 2014. – № 1. – С. 22–30.

Анализируется рассказ П.И. Мельникова «Именинный пирог».

28. КУЗНЕЦОВ, А.А. Основание и ранняя история Нижнего Новгорода // Вестник Нижегородского ун-та. – 2014. – № 5. – С. 9–17.

Упоминается предание об Абрамовом городке и о старом и новом городках в Нижнем Новгороде П.И. Мельникова.

29. КУРДИН, Ю.А. А.С. Гациский и П.И. Мельников о проблемах демографии Нижегородской губернии в 60-е гг. XIX века // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе / ред. В.И. Грубов. – Арзамас, 2014. – Вып. 9. – С. 15–26.

30. МЕЛЬНИКОВ, П.И. В лесах: [роман] / Павел Мельников (Андрей Печерский). – Москва: АСТ, 2014. – 895 с.

31. МЕЛЬНИКОВ Павел Иванович (Андрей Печерский; 1818–1883) // Энциклопедия Воскресенского района / Н. В. Морохин; отв. за вып. Н.А. Софронов. – Нижний Новгород, 2014. – С. 303–304.

32. МУСЯНКОВА, Н. Костюм модерна в произведениях Михаила Нестерова // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2014. – Вып. 31. – С. 12–35.

В т. ч. о картине «На горах» (1896; Киевский национальный музей русского искусства), которую считают иллюстрацией к одноименному роману П.И. Мельникова (Андрея Печерского).

33. СЕЛЕЗНЕВ, Ф.А. Особые поручения чиновника Мельникова: писатель Андрей Печерский на государственной службе / Ф.А. Селезнев // Родина. – 2014. – № 2. – С. 37–40.

34. СЕЛЕЗНЕВ, Ф.А. Павел Иванович Мельников-Печерский – основоположник нижегородского краеведения // Нижегородская старина. – 2014. – №39/40. – С. 11–23.

Статья богато иллюстрирована: *портрет П.И. Мельникова кисти Крамского; дом, в котором родился Мельников (дореволюц. фот. и фот. 2014); мемориальная доска на доме (фот. 2014); дом, в котором умер П.И. Мельников; портрет П.И. Мельникова (худ. В. Шпак); портрет Мельникова (фот. А. Карелина); могила П.И. Мельникова на кладбище Крестовоздвиженского женского монастыря; могила П.И. Мельникова на Бугровском кладбище после перезахоронения (фот. 2014).*

35. НЕЧАЯННАЯ слава: жизнь и труды Павла Ивановича Мельникова-Андрея Печерского // Нижний Новгород. – 2014. – № 2. – С. 195–212.

Фрагмент будущей книги «Нечаянная слава» (биография П.И. Мельникова).

36. ФОРТУНАТОВ, Н.М. Нечаянная слава: жизнь и труды Павла Ивановича Мельникова – Андрея Печерского : из будущих книг // Земляки: нижегородский альманах / сост.: А.И. Иудин, О.А. Рябов. – Нижний Новгород, 2014. – Вып. 17. – 2014. – С. 238–275.

37. ШАЛДЕНКОВА, М.В. Исследование церковного раскола в работах П.И. Мельникова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического ун-та. – 2014. – № 3. – С. 123–125.

38. ШАЛДЕНКОВА, М.В. Феномен старообрядчества в диалогии П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах»: культурно-художественный аспект // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2, ч. 2 – С. 336–339.

Анализируются культурно-художественные аспекты изображения старообрядцев в диалогии П.И. Мельникова, уточняется жанровая специфика произведения.

39. ШЕШУНОВА, С.В. П.И. Мельников-Печерский и И.С. Шмелев (к постановке вопроса) // Традиции в русской литературе: междунар. сб. науч. тр. / отв. ред. В.Т. Захарова, Е.М. Дзюба. – Нижний Новгород, 2014. – С. 67–74.

Рассматриваются интертекстуальные связи между романами П.Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» и И.С. Шмелева «История любви» и «Пути небесные»

2015

40. БОЧЕНКОВ, В.В. Борьба со штампами / В.В. Боченков; беседовал И. Степанов // Нижегородский рабочий. – 2015. – № 5 (11 февр.). – С. 18.

Интервью с автором книги «П.И. Мельников-Печерский (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество».

41. ИВАНОВА, Т.Ю. Чиновник особых поручений П.И. Мельников (1847–1856 гг.) // Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы IV науч. конф.: [сборник] / ред. кол.: В.Н. Беляева и др. – Нижний Новгород, 2015. – С. 61–69.

42. ИЮЛЬСКАЯ, В. Два альбома и много тайн // Город и горожане. – 2015. – № 4 (4–10 февр.). – С. 14.

О выходе в свет альбомов издательства «Деком»: «Грани раскола. Старообрядчество: тайны и явь» и «Нижегородский историко-архивный музей-заповедник, Особая кладовая».

43. КРАВЧУК, И.А. «Сок народа»: конструируя раскольников // Русская литература. – 2015. – № 4. – С. 28–42.

О печатной полемике 1860-х годов по вопросам раскола, участи в ней П.И. Мельникова.

44. КУЗНЕЦОВ, А.А. Нижегородское детство К.Н. Бестужева-Рюмина и С.В. Ешевского: к вопросу о формировании русских историков // Провинциальная Россия. – 2015. – № 1. – С. 11–23.

В статье уделяется большое внимание влиянию П.И. Мельникова на его учеников в нижегородской гимназии, ставших впоследствии известными историками.

45. КУРОЧКИНА, А.А. Традиционный посевной календарь в романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 232–236.

46. ЛЯХОВО. Усадьба Мельникова-Печерского: воспоминания сына писателя, Андрея Мельникова // Мгновения прошлого и настоящего: фотолетопись Приокского района, 1935–2015: 80 лет / [текст. материалы Э.С. Иткина ; подгот. Е.Н. Емельянова]. – Нижний Новгород, 2015. – С. 6.

47. МЕЛЬНИКОВ, П.И. В лесах: роман: фрагменты / П.И. Мельников // Нижегородский откос: хрестоматия: для внеклассного чтения учащимся школ, лицеев и гимназий / [сост. О.А. Рябов; под общ. ред. В.Ю. Белоноговой]. – Нижний Новгород, 2015. – С. 133–139.

48. МИХАЙЛОВ, С.С. «Поп» – Сушило» в Гуслицах в XIX столетии // Жизнь провинции: история и современность : сб. ст. по материалам всерос. конф. / отв. ред. М.Г. Уртминцева. – Нижний Новгород, 2015. – С. 240–247. – Библиогр.: 9 назв.

Образ священника в романе П. И. Мельникова «В лесах».

49. НАЗАРОВА, А.В. Китеж как миф о возрождении России в романе Е.Н. Чирикова «Отчий дом» // Нижегородский текст русской словесности: сб. ст. по материалам V междунар. науч. конф. – Нижний Новгород, 2015. – С. 247–252.

Упоминается образ града Китежа у П.И. Мельникова-Печерского (рассказ «Гриша», роман «В лесах»).

50. П.И. МЕЛЬНИКОВ (А. Печерский) // Мгновения прошлого и настоящего: фотолетопись Приокского района, 1935–2015: 80 лет / [текстовые материалы Э.С. Иткина ; подгот. Е.Н. Емельянова]. – Нижний Новгород, 2015. – С. 5.

51. ПИВКИНА, С.В. Образ богини Анге-Патяй-Паз в мордовском фольклоре: к вопросу о мифологической природе персонажа // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы науч.-практ. конф. – Ханты-Мансийск, 2015. – С. 85–89.

В статье рассматривается образ богини Анге-Патяй-Паз, в т. ч. в «Очерках мордвы».

52. ПИВКИНА, С.В. Представление П.И. Мельниковым-Печерским эрзянской свадьбы-умыкания // Нижегородский текст русской словесности: сб. ст. по материалам V междунар. науч. конф. – Нижний Новгород, 2015. – С. 32–37.

53. ПИВКИНА, С.В. Рецепция П.И. Мельниковым-Печерским мордовских мифов о сотворении человека // Научный альманах. – 2015. – № 8. – С. 1666–1668.

54. ПУДАЛОВ, Б.М. Изучение источника и «шлейф» историографии: борьба противоположностей // История и политика в меняющемся мире: [сб. науч. статей] / [редкол.: А.А. Халин, С.А. Тихонина, А.В. Дахин]. – Нижний Новгород, 2015. – С. 13–23.

Автор дает оценку обращению П.И. Мельникова с историческими источниками.

55. САВИНА, Л.Н. Русские писатели-этнографы XIX века о меднолитых иконах, крестах и складнях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2015. – С. 412–416.

56. СЕЛЕЗНЕВ, Ф.А. П.И. Мельников в Шарпанском скиту (1848 год): документы ЦАНО: публикации источников / Ф.А. Селезнев, Т.Ю. Иванова // Нижегородский краевед: сб. науч. ст. / отв. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород, 2015. – Вып. 1. – С. 98–110.

57. СМИРНОВ, С.А. Мельников Павел Иванович (25.10.1818. Н. Новгород – 1.2.1883, там же) // Крестовоздвиженский женский монастырь в истории Нижнего Новгорода: 650-летие основания и 200-летие переноса на Московский тракт. – Нижний Новгород, 2015. – С. 32.

58. УРТМИНЦЕВА, М.Г. «Леса» и «Горы» Андрея Печерского // Нижегородский откос: хрестоматия: для внеклассного чтения учащимся школ, лицеев и гимназий / [сост. О.А. Рябов ; под общ. ред. В.Ю. Белоноговой]. – Нижний Новгород, 2015. – С. 131–133.

О творчестве П.И. Мельникова (Андрея Печерского).

59. ХАМИДУЛИН, А.М. Богословие русских мистических сект // Труды Нижегородской духовной семинарии. – 2015. – Вып. 15. – С. 117–121.

П.И. Мельников упоминается среди авторов, занимавшихся изучением раскола.

60. ШЕШУНОВА, С.В. Повесть П.И. Мельникова-Печерского «Гриша» в контексте русской литературы // Нижегородский текст русской словесности: сб. по материалам V междунар. конф. – Нижний Новгород, 2015. – С. 151–156.

61. ШИЯН, Л.И. К вопросу об истории краеведческих объединений в Нижегородском крае / Л.И. Шиян, И.Г. Горностаева // Нижегородский краевед: сборник научных статей / отв. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород, 2016. – Вып. 2 – С. 5–21.

О краеведческой деятельности П.И. Мельникова во время его работы правителем дел Нижегородского губернского статистического комитета – первого центра систематической краеведческой работы в Нижегородской губернии.

62. ЮРЧЕНКОВА, Н.Г. Мельников Павел Иванович // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2015. – № 1. – С. 206–208.

2016

63. АЛЕКСЕЕВА, Л.В. Мотив странничества в раннем творчестве П.И. Мельникова-Печерского // Проблемы исторической поэтики. – 2016. – Т. 14. – С. 223–243.

64. АЛЕКСЕЕВА, Л.В. Художественная деталь в поэтике повести П.И. Мельникова-Печерского «Гриша» // Проблемы исторической поэтики. – 2016. – Т. 14. – С. 244–261.

65. БАРАНОВСКИЙ, К. Мельников-Печерский: кого ловил, о тех и писал // Курс-Н. – 2016. – № 36 (30 сент.). – С. 16.

66. ДАВЫДОВ, А.И. Дом, в котором родился П.И. Мельников (Андрей Печерский) // Исследования по истории архитектуры и нижегородскому краеведению: [сб. ст.] – Нижний Новгород, 2016. – С. 61–65.

67. КАРПОВ, А.В. «Очерки мордвы» П.И. Мельникова и проблема этнической интерпретации «восстания волхвов» (1071 г.) // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2016. – № 12. Режим доступа: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4110> (дата обращения 27.11.2016).

68. КУДРИНА, Л.Е. М. Горький и П.И. Мельников-Печерский (по материалам библиографического указателя «П.И. Мельников-Печерский. Жизнь и творчество») / Л.Е. Кудрина, Л.П. Селезнева // Горький: уроки истории. Горьковские чтения 2014: материалы XXXVI междунар. науч. конф. – Нижний Новгород, 2016. – С. 349–359.

69. МИТРОФАНОВ, Д.Е. Тема старообрядчества в дилогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», «На горах» // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2016. – Т. 18, №2-2. – С. 191–194.

70. ОТ НАУЧНОГО романтизма к позитивизму: изучение финно-угров в XIX в. // Финно-угорские народы России / отв. ред. В.А. Юрченков. – Саранск, 2016. – С. 754.

В т. ч. о работе П.И. Мельникова в отделении этнографии Русского географического общества, где сферой его научных интересов являлись религиозные верования и обряды мордвы.

71. ПИВКИНА, С.В. Мордовские эпические песни, легенды и сказания в работах П.И. Мельникова-Печерского // Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем: материалы Междунар. симпозиума / отв. ред. М.В. Мосин. – Москва, 2016. – С. 155–160.

72. ПИВКИНА, С.В. Рецепция П.И. Мельниковым-Печерским эрзянских и мокшанских мифов о сотворении человека // Современная финно-угорская филология: теория и практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. IV Югорские чтения. – Ижевск, 2016. – С. 181–186.

73. РАЗЖИВИНА, С.Б. П.И. Мельников-Печерский – выдающийся народовед второй половины XIX века // Молодой ученый. – 2016. – №11-2 (115). – С. 27–30.

74. ТАРАСОВА, С.А. К вопросу о социальной стратификации в литературном процессе XIX века (на примере дилогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах») / С.А. Тарасова, В.Д. Мацнева // Сборник научных трудов, посвящ. 85-летию Мичурин. гос. аграр. ун-та. В 4 т. – Мичуринск, 2016. – Т. 1. Образование и педагогические науки. – С. 271–275.

75. ТАРАСОВА, С.А. Этнографизм в литературном процессе XIX века (на примере дилогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах») // Русский язык и литература в контексте современного гуманитарного знания: сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. / ред. Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. – Нижний Новгород, 2016. – С. 53–59.

2017

76. БОЧЕНКОВ, В.В. «В нем нет ни малейшей доли заносчивости и самомнения...»: к истории взаимоотношений П.И. Мельникова и Н.И. Субботина // Нижегородский краевед: сб. науч. статей / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород, 2017. – Вып. 3. – С. 127–137.

77. ВЫДАЮЩИЕСЯ деятели науки, просветительства, культуры // История Нижегородского края XIX – начала XX века. 9 класс: учебное пособие для учащихся / [Ф.А. Селезнев, Э.С. Иткин, В.К. Романовский; под ред. В. К. Романовского]. – Нижний Новгород, 2017. – С. 231–246.

О В.И. Дале, П.Д. Боборыкине, В.Г. Короленко, М. Горьком, П.И. Мельникове, Н.И. Храмцовском, А.С. Гациском, А.А. Савельеве, Н.П. Суловой и В.Ю. Виллуане.

78. КУРОЧКИНА, А.А. Роман П.И. Мельникова-Печерского «На горах» как источник данных для научных исследований по фольклористике // Жизнь провинции: история и современность: сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. – Нижний Новгород, 2017. – С. 20–24.

79. КУРОЧКИНА, А.А. Содержательные и структурные корреляции «Нижегородского сборника» А.С. Гациского и романа П.И. Мельникова-Печерского «На горах» // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 1. – С. 320–322.

80. КУРОЧКИНА, А.А. Фольклорно-этнографические источники описания дожиночной обрядности в романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах» // Грехневские чтения. Литературное произведение в системе контекстов / отв. ред. И.С. Юхнова. – Нижний Новгород, 2017. – С. 175–183.

81. КУРОЧКИНА, А.А. Фольклорно-этнографические источники описания календарно приуроченного кулачного боя в романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах» // Традиционная культура. – 2017. – № 2. – С. 86–92.

82. КУРОЧКИНА, А.А. Фольклорно-этнографические источники описания крестин в романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах» // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 57–62.

83. КУРОЧКИНА, А.А. Фольклорно-этнографические источники описания народного обычая «капустки» в романе П.И. Мельникова-

Печерского «На горах» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2. – С. 33–36.

84. МЕЛЬНИКОВ, П.И. В лесах: [роман : 16+] / Павел Мельников (Андрей Печерский). – Москва: Э, 2017. – 942 с.

85. МЕЛЬНИКОВ, П.И. На горах: [роман : 16+] / Павел Мельников (Андрей Печерский). – Москва: Э, 2017. – 942 с.

86. МЕЛЬНИКОВ Павел Иванович (псевдоним – Андрей Печерский, 1818–1883) // Варнавинский район: путеводитель / [отв. за вып.: А.А. Андреев, С.А. Смирнов; текст: Н.В. Морохин]. – Нижний Новгород, 2017. – С. 193.

87. СУРНИНА, И.А. Деловая пресса России: к вопросу о закрытии «Промышленного листка» М.Я. Киттары (вторая половина XIX в.) // МедиаАльманах. – 2017. – № 5. – С. 143–150.

О соединении «Промышленного листка» М.Я. Киттары и «Русского дневника» М.П. Мельникова-Печерского.

2018

88. КОМАРОВА, М. Ученый о писателе // Земля нижегородская. – 2018. – № 10 (16 марта). – С. 6.

О Валентине Соколовой, исследовательнице жизни и творчества П.И. Мельникова-Печерского, уроженке деревни Вязовая (Уренский район).

89. СЕЛЕЗНЕВ, Ф.А. П.И. Мельников и легенда о закрытии Строгановской церкви Петром I // Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.Н. Фортунатова. – Нижний Новгород, 2018. – С. 92–98.

Служба в Строгановской церкви не велась из-за неподготовленности иконостаса, а не потому, что храм закрыл Петр I, как предположил в свое время П.И. Мельников.

Авторефераты диссертаций

90. ПИВКИНА, С.В. П.И. Мельников-Печерский как собиратель и исследователь фольклора Нижегородской мордвы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / С.В. Пивкина. – Казань, 2013. – 23 с.

91. АЛЕКСЕЕВА, Л.В. Русское старообрядчество в изображении П.И. Мельникова-Печерского: историко-культурный и художественный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Л.В. Алексеева. – Вологда, 2015. – 24 с.

92. КУРОЧКИНА А.А. Фольклорно-этнографические источники романа П.И. Мельникова-Печерского «На горах»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.А. Курочкина. – Нижний Новгород, 2017. – 22 с.

Источники и литература

1. А.С. Пушкин и Нижегородский край: библиогр. указ. / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина; сост. Л.Е. Кудрина; вступ. ст. Н.М. Фортунатова. – 2 изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2009. – 224 с.
2. А.П. Чехов и Нижегородский край: библиогр. указ. / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина, ИБО; сост. Л.П. Селезнева. – Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2010. – 80 с.
3. Литературное окружение Максима Горького (1892–1904 гг.): библиографический справочник / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина; [сост.: Л.Е. Кудрина и др.; вступ. ст. М.Г. Уртминцевой; отв. за вып. М.Г. Уртминцева]. – Нижний Новгород: БегемотНН, 2017. – 303 с.
4. П.И. Мельников-Печерский. Жизнь и творчество: библиограф. указ. / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина; [сост.: Л.Е. Кудрина, Л.П. Селезнева]. – Нижний Новгород : РИО НГОУНБ, 2013. – 224 с.

ИЗ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

О музыкальной жизни Нижнего Новгорода в 1877 году (по письмам С.А. Ляпуновой)

Н.А. Пакшина

Нижний вообще «музицировал»
и музицировал так, как не всякому городу удается
А.С. Гациский

К вопросам истории культуры Нижнего Новгорода XIX в. обращались многие искусствоведы, краеведы, писатели. Интереснейшие воспоминания о музыкальной и театральной жизни города середины XIX в. оставил уроженец Нижнего Новгорода М.П. Веселовский [1, л. 272 об. – 273]. Темы культурного досуга и музыкальной жизни Нижнего Новгорода этого периода касались известные краеведы А.С. Гациский и Н.И. Храмцовский [2; 3]. Среди исследователей XX в. можно назвать Н.В. Рязанову [4].

Кажется, к этому трудно добавить что-либо новое, но все же попробуем. В качестве источников информации в данной статье будем преимущественно использовать письма жительницы Нижнего Новгорода того времени, статской советницы, вдовы директора Демидовского лицея Софьи Александровны Ляпуновой. Она – мама двух академиков (математика Александра Михайловича Ляпунова и филолога Бориса Михайловича Ляпунова) и выдающегося музыканта и композитора Сергея Михайловича Ляпунова. Семья Ляпуновых жила в Нижнем Новгороде в период обучения сыновей в Губернской мужской гимназии. После поступления старшего сына Александра в Санкт-Петербургский университет и его отъезда в столицу в 1876 г., Софья Александровна регулярно (еженедельно) обменивалась с ним письмами. Часть этой переписки сохранилась в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук [5].

Из писем мы и узнали некоторые подробности музыкальной жизни Нижнего Новгорода того периода, а также особенности досуга гимназистов-нижегородцев. Конечно, это были частные письма, и Софья Александровна вовсе не задавалась целью обобщать и

давать характеристику всем происходящим событиям. Она писала только о своих младших детях Сергее и Борисе и о племянниках, детях сестры Натальи, Софье, Надежде, Сергее, то есть о том, чем занимались эти близкие ей люди. Однако, на наш взгляд, именно частностями и деталями эта переписка и ценна.

Немало исследователей считают письма субъективными документами и относятся к ним настороженно. Автор придерживается мнения известного специалиста в области источниковедения профессора Н.Г. Георгиевой, которая писала: «...исторические источники того или иного типа и вида не имеют преимуществ в познавательном процессе, нацеленном на реставрацию прошлого, – *каждый тип и вид исторических источников обладает своей гносеологической ценностью...*» [6, с. 226].

Приведем выдержки из некоторых писем, опуская информацию сугубо личного характера и акцентируя внимание на интересующих нас вопросах. После чего попробуем прокомментировать отдельные моменты и дадим краткие справки по участникам описанных событий.

Письмо от 7 февраля 1877 г.:

...Сергея был раз в концерте. Что касается до Нади, она опять гуляла по балам и веселилась... Напиши, как провел масленицу, были ли блины и где... [5, л. 55].

Упоминается сын Сергей Ляпунов – ученик 8-го класса Губернской гимназии, и племянница Надя Веселовская – 16-летняя гимназистка Мариинской женской гимназии, что располагалась на Ильинской улице.

Рассматриваемый нами период характеризовался, прежде всего, тем, что после того, как в 1873 г. появилось Нижегородское отделение Императорского Российского Музыкального Общества (НО ИРМО), концертная деятельность стала более интенсивной.

При отделении были организованы музыкальные классы, которые правомерно назвать новым учебным заведением. Открылись они 12 ноября 1873 г. и, кроме просветительской цели, должны были способствовать развитию в городе профессионального музыкального образования. Вот тогда и начались для Сергея Ляпунова систематические занятия музыкой. Учился Сергей у Василия Юль-

евича Виллуана (1850–1922), выпускника Московской консерватории, ученика П.И. Чайковского и Н.Г. Рубинштейна. В.Ю. Виллуан являлся педагогом Сергея Ляпунова по специальности (фортепиано) и по теоретическим дисциплинам (гармония и контрапункт). Следует отметить, что В.Ю. Виллуан был разносторонне одаренным музыкантом: он блестяще играл на скрипке, рояле, дирижировал оркестром. Будучи учеником музыкальных классов, Сергей Ляпунов мог бесплатно посещать музыкальные собрания (концерты) НО ИРМО с участием учеников и педагогов классов. В.Ю. Виллуан являлся не только организатором, но и сам выступал на таких собраниях как дирижер симфонического оркестра, солист-скрипач, в составе струнного квартета. На этих концертах Сергей Ляпунов и познакомился с произведениями Гайдна, Моцарта, Шумана, а также Глинки, Даргомыжского, Чайковского, Римского-Корсакова и др. [7].

Письмо от 24 февраля 1877 г.:

...вчера Сережа был в Концерте, играли две молоденькие артистки на скрипке. Говорят, играли очень мило, зала была полна, потому что всем интересно было послушать и посмотреть играющих на скрипках девушек... [5, л. 64].

Речь вновь идет о сыне Сергее, который регулярно посещал, проходящие в Нижнем Новгороде концерты. В эти годы в городе начали достаточно часто выступать и приезжие музыканты. На всю жизнь запомнилась Сергею игра Николая Григорьевича Рубинштейна, исполнявшего отдельные произведения Бетховена, Шопена, Мендельсона, Листа. Уже в пожилом возрасте он рассказывал о том потрясающем впечатлении, которое производило на него исполнение Н.Г. Рубинштейна [8, с. 90]. Безусловно, все это имело большое значение для формирования взглядов будущего композитора на музыкальное искусство. Проходили концерты чаще всего в здании Дворянского собрания, которое и поныне стоит на Большой Покровской улице. Более того, и само общество с 1873 по 1878 гг. (когда учился Сергей Ляпунов) располагалось именно в этом здании. Помещение, которым бесплатно пользовалось НО ИРМО, было предоставлено Дворянским собранием.

Письмо от 18 сентября 1877 г.:

...а после мы пошли с ним к Наде, где было собрание молодежи, ... все танцевали, играли в разные игры [5, л. 106 об.].

Надя Веселовская – упомянутая ранее племянница, про которую ее родственники позже напишут, что она «...хорошо владела фортепиано» [9, с. 17]. Отметим, что она была не только музыкальна, но и достаточно музыкально образованна.

Письмо от 16 ноября 1877 г.:

...Наконец, предполагаемый вечер в гимназии состоялся; Сережа играл трио с виолончелью и скрипкой, с Ожельянским и Розоновым; еще играл он один, ему аплодировали, вызывали его несколько раз, кричали «bis», Одним словом шума и крика было больше; директор, кажется, был очень доволен, подходил ко мне, чтобы выразить все похвалы на счет игры Сережи. Пели гимназисты трио и хор, очень недурно, и у некоторых голоса очень хорошие. Играл Каратаев на фортепиано, так же очень порядочно; Смолин, товарищ Сережи, читал свои сочинения о значении Карамзина в русской литературе; и я нашла, что и это было довольно хорошо, хотя особо нового не высказал в этом сочинении. Только все это одно за другим шло быстро, что вечер продлился очень недолго.

Сережа меня познакомил с Ожельянским и Розоновым, я их звала к себе, чтобы приходили иногда играть с Сережей. Теперь же пока в гимназии стоит рояль, Сережа ходит с ними играть туда. Кажется, перед праздниками у них еще будут вечера в гимназии. Зала только очень мала...

...Вчера Наташа зашла ко мне с Нижнего базара и осталась обедать. Надя ее все что-то прихварывает, такая стала бледная, худая, высокая...

Теперь у них идут танцклассы каждую субботу и среду, по субботам и мы с Борей туда ходим.

Соня кажется только и думает теперь об танцах, на это у нее способности есть, но вообще... озорства много в ней.

Сережа погрузился в набожность... Недавно получил письмо из Сергиевой Лавры, куда он посылал свой рубль, так он получил, ка-

жется образочек и был чрезвычайно доволен, когда я пришла к ним, он мне все это показывал... [5, л. 123].

В этом письме упомянуты гимназисты Ожельянский, Розанов, Каратаев и Смолин и директор гимназии. Далее перечисляются члены семьи Веселовских: Наталья Александровна (родная сестра Софьи Александровны), ее дочери Надежда, Софья и сын-подросток Сергей.

Одноклассник Сергея Николай Смолин учился хорошо, и за 7-й класс был удостоен награды II степени, о чем можно прочесть в одном из протоколов заседаний педагогического совета Нижегородской губернской гимназии за 1876/1877 учебный год [10]. Гимназист Александр Каратаев был младше Сергея и учился в другом классе.

Розанов – в будущем известный философ и писатель Василий Васильевич Розанов. В описываемый период 20-летний восьмиклассник Губернской гимназии, оставивший о ней удивительно интересные воспоминания и давший меткие характеристики ее обитателям [11; 12; 13].

Судя по некоторым его высказываниям, Вася Розанов был человеком общительным и добрым, к которому также по-доброму относились окружающие. В качестве примеров приведем две цитаты: «...Добрые гимназисты. Никогда их не забуду. Если что из “Российской Державы” я оставил бы, то – гимназистов», «...все семь лет учения меня, безусловно, любили все товарищи... И едва произносилась моя фамилия, как моментально спереди, сзади, с боков – все оставляли друг с другом разговоры, бросали рассеянность, вообще бросали свои дела и начинали мне подсказывать...» [11, с. 41; 14, с. 128]. Как видим, обстановка в гимназических классах была весьма дружелюбной.

Мальчики учились вместе в последних 7-м и 8-м классах и, судя по записи классного наставника о замечании «Ляпунову и Розанову за разговор между собой на уроке истории», были в приятельских отношениях [15, л. 57 об.]. Позже они оба поедут поступать учиться в Москву: Сергей – в консерваторию, а Василий – в университет.

Директором гимназии в тот период был Константин Иванович Садоков. Кроме того, он являлся классным наставником младшего из братьев Ляпуновых – Бориса [16, л. 1]. Фигура Садокова на редкость противоречивая и неоднозначная. Отзывивы, оставленные о нем современниками, настолько не похожи друг на друга, что порой

кажется, что речь идет о разных людях. Побочный сын А.Д. Улыбышева И.С. Покровский считал его человеком крайне скупым и властным, на что указывает его семейное прозвище «Распорядитель» [1; 17, с. 26]. В то же время известно, что в 1871 г. именно по инициативе К.Н. Садокова было организовано братство святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, которое занималось оказанием помощи бедным гимназистам в виде денежных пособий, одежды, обуви, бесплатной медицинской помощи и др.

А так вспоминал о директоре Василий Розанов: «Я учился в этой гимназии в директорство Садокова... Он был очень умен, деятельен, предусмотрителен, влиятелен и даже очень влиятелен в городе. Голос его, авторитет его везде имели вес. В трудах он был неутомим. Гуманен. Но, я имею грех, что почему-то никогда не любил его...» [12]; «Крепкий русский человек, обаятельно спокойный и ласковый, с железной волей и неустанный с утра до ночи, несмотря на 60 лет» [13, с. 214].

Впрочем, вернемся к музыкальному досугу. Садоков был женат на дочери известного музыкального критика и литератора А.Д. Улыбышева, в доме которого по четвергам и субботам устраивались вечера камерной и симфонической музыки. На них исполнялись такие произведения, как трио из «Жизни за царя», духовные концерты Бортнянского и др. [17, с. 112]. И это не были мини-концерты или посиделки: современники отмечали, что в доме Улыбышева иногда звучал оркестр из 100 музыкантов! [17, с. 41]. К.И. Садоков был лично знаком со многими нижегородскими музыкантами и сам принимал в этих вечерах деятельное участие. Например, А.С. Гацицкий писал: «На чрезвычайных музыкальных собраниях исполнялись большие партии вроде Stabat Mater, Requiem (русский текст для Requiem'a сделан был К.И. Садоковым)» [2, с. 28]. Иногда он исполнял и вокальные пьесы [1, с. 175].

Теперь расскажем об авторе писем – Софье Александровне Ляпуновой и ее среднем сыне Сергее. Сергей Михайлович Ляпунов (1859–1924) – выдающийся пианист и композитор, дирижер и музыковед, фольклорист и педагог. Его деятельность как музыканта столь многогранна, что всегда возникает вопрос, что же поставить на первое место [18, с. 292]. Напомним читателям, что Софья Александровна была вдовой, воспитывающей троих несовершеннолетних сыновей. Их семья, вне всяких сомнений, в нижегородский период испытывала определенные финансовые затруднения, по той

причине, что жили они на пенсию, назначенную за безвременно умершего мужа. И были случаи когда Софье Александровне приходилось обращаться в Казань по поводу выплаты пенсии не в полном объеме [19, с. 117]. Большинство прикурмышских земель, доставшихся ей от отца в окрестностях деревни Новая (Ляпуновка тож), еще в сентябре 1871 г. было выкуплено крестьянами [20, л. 1].

Что касается учебы среднего сына в гимназии, то проблем с этим не было никогда. Классный наставник так оценивал первоклассника Сергея Ляпунова: «П сын благороднообразованной матери, Ляпунов поступил в гимназию хорошо подготовленным, почему учиться по всем предметам хорошо... Поведения отличного» [15, л. 135]. Хотелось бы обратить внимание читателей на слово «благороднообразованной». Именно такое впечатление производила Софья Александровна на преподавателей гимназии. На протяжении всего гимназического периода (с 1870 по 1878 г.) Сережа получал неизменно хорошие и отличные отметки. При этом именно гимназия была для него необходимым этапом для получения и музыкального образования. Поэтому, говоря о будущем выдающемся музыканте Сергее Ляпунове, следует осветить не столько обучение в гимназии, сколько занятия музыкой, приобщение к музыкальной культуре в этот период.

Мы не раз упоминали о посещении Сергеем концертов и об участии в некоторых из них. Кроме того, он и сам начинал сочинять музыку. Из нижегородского периода жизни композитора известна «Концертная пьеса» для скрипки и фортепиано. Это произведение впервые исполнялось в Нижнем Новгороде во время фестиваля, посвященного 150-летию со дня рождения С.М. Ляпунова в декабре 2009 г. [21, с. 107].

Первым учителем игры на фортепиано у Сергея была мама Софья Александровна Ляпунова (урожд. Шипилова). Мы не случайно упомянули ее девичью фамилию. Во многих источниках ее отца богатого курмышского помещика, титулярного советника Александра Петровича Шипилова называют «ценителем искусств» [22, с. 65]. Этим во многом определялся уклад семьи Шипиловых. Характерным для российской провинции являлось домашнее музицирование в родственном кругу, общность музыкальных интересов. Софья Александровна получила по тем временам неплохое домашнее образование, в котором большое внимание уделялось языкам и музыке. В процессе обучения родители приглашали поочередно трех

учителей [21, с. 106]. Позднее в автобиографии С.М. Ляпунов напишет об интересах матери следующее слова: «Она... вообще выказывала более интереса к музыке и знакомству с музыкальной литературой, чем это обыкновенно в то время бывало...» [23, с. 8].

И не случайно самое раннее из дошедших до нас произведений, которое было написано 17 сентября 1877 г. в Нижнем Новгороде, посвящено Софье Александровне – это Рондо G-dur для фортепиано [24, с. 31]. Скорее всего, этот подарок был приурочен к именинам мамы. Сейчас православные отмечают память четырех мучениц – Веры, Надежды, Любви и матери их Софии 30 сентября, а по старому стилю этот праздник приходился как раз на 17 сентября. По переписке матери со старшим сыном Александром нетрудно заметить, что в семье Ляпуновых всегда поздравляли друг друга с именинами. Например, письмо Александра от 13 сентября 1876 г. начинается словами «Милая мама! Целую тебя и поздравляю с наступающим днем твоего Ангела...» [25, л. 130].

Что касается участников танцевальных вечеров у Веселовских, то, к сожалению, об их судьбе известно не столь много.

Про Соню (Софью Васильевну Веселовскую) можно сказать, что она выйдет замуж за Евгения Георгиевича фон Эмме (von Oehme) (1858–1920), и в этом браке родятся четверо сыновей: Макарий, Ростислав, Виктор и Валентин. Виктор Евгеньевич фон Эмме (1889–1938) – военный инженер I ранга, минер, во время Первой мировой войны совершил немало героических поступков. Например, в августе 1914 г. он спас миноносец и всех находившихся на нем от верной гибели, за что ему был пожалован орден Святой Анны III степени с мечами и бантом. А в 1918 г. сумел провести через заминированные воды Балтийского моря суда из Ревеля в Кронштадт без единой аварии. Спустя сто лет один из авторов так напишет о нем: «На мой взгляд, этот подвиг достоин ордена Св. Георгия... Сменился век, в очередной раз строй, отгремела на Балтике более страшная война, а о подвиге лейтенанта Эмме помнят – это дорожке всяких побрякушек...» [26].

Сестра Софьи Васильевны Надежда Васильевна Веселовская (в замужестве Касьянова) будет на протяжении всей жизни находиться в переписке и тесном общении с двоюродным братом Сергеем Ляпуновым и его семьей. Имение Касьяновых располагалось в селе Боллобово Курмышского уезда Симбирской губернии рядом с именем Ляпуновых. Но дело не только в территориальном со-

седстве – большую роль в этом играла общность музыкальных интересов. Надежда и позже, будучи взрослой, постоянно музицировала, например, часто обращалась к клавиру «Князя Игоря».

После выхода замуж она родила четырех сыновей – Сергея, Александра, Василия, Георгия (Юрия) – и дочери Марии. Все ее дети отличались музыкальностью. Один из сыновей, Александр Александрович Касьянов, будет учиться у Сергея Михайловича Ляпунова в Санкт-Петербургской консерватории и станет известным нижегородским композитором и педагогом.

Но все это произойдет потом. Мы же вновь мысленно вернемся в Нижний Новгород 1877 года и попытаемся подытожить все выше сказанное.

В конце 1870-х гг. в Нижнем Новгороде наблюдался подъем в сфере концертной деятельности, как профессиональной, так и самодеятельной. Происходило это во многом благодаря появлению в городе отделения ИРМО и активности человека, стоявшего во главе – В.Ю. Виллуана. Почва для его деятельности оказалась благодатной благодаря тому в середине XIX в. она была подготовлена известным нижегородцем музыкантом-любителем и одним из первых русских музыкальных критиков А.Д. Улыбышевым (автором «Новой биографии Моцарта»). Культурную жизнь Нижнего Новгорода всегда питали два источника – один шел извне, другой рождался на месте, как собственное творчество и музыкальное исполнительство. Рассказывая о театральных и музыкальных событиях середины века, Улыбышев отмечал: «К счастью, наш Нижний Новгород составляет в этом отношении нечто среднее между губернским городом и столицей. Ежегодно посещают нас во время ярмарки, а иногда и зимой, артисты с именами, известными всей России, и даже прославленные в Западной Европе» [27].

В настоящей публикации нами рассмотрены вопросы культурного досуга дворянской молодежи. Особое внимание уделено концертной деятельности и танцевальным вечерам, в которых участвовали нижегородские гимназисты. Письма Софьи Александровны Ляпуновой позволяют уточнить некоторые особенности и характерные черты ушедшей эпохи.

Мы познакомились с мелкими деталями, которых порой не касаются в диссертационных исследованиях или научных обзорах. Например, с тем, что оказывается публичное исполнение музыкальных произведений женщинами было не столь широко распро-

странено и вызывало неподдельный интерес горожан. Увидели будущего писателя и философа Василия Розанова в роли участника гимназического концерта. Любопытен и тот факт, что танцевальные классы иногда проводились не в специально арендованных помещениях или в учебных заведениях, а на квартирах учениц и в присутствии представителей старшего поколения, как в случае с Веселовскими. Самое главное же, знакомство с письмами позволяет представить атмосферу, в которой проходили такие концерты, танцевальные вечера и родственные встречи.

Источники и литература

1. Российская национальная библиотека. Рукописный отдел. Ф. 550. Ф. IV. 861.
2. *Гациский А.С.* Люди Нижегородского Поволжья. Биографические очерки. Кн. 1. Н. Новгород, 1887.
3. *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. 3-е изд. Н. Новгород, 2005.
4. *Рязанова Н.В.* Развитие культуры Нижнего Новгорода в 1896–1917 гг.: Исторический аспект: автореф. дисс... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2003.
5. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Ф. 257. Оп. 3. Д. 47.
6. *Георгиева Н.Г.* Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник для вузов. М., 2016.
7. *Красногорова О.А.* Фортепианная музыка нижегородских композиторов: стилевые особенности и вопросы исполнения: автореф. дисс... канд. искусствоведения. Н. Новгород, 2007.
8. *Ляпунова А.С.* С.М. Ляпунов // Советская музыка. 1950. № 9.
9. *Колесников В.С.* Творческая личность А.А. Касьянова в биографических и историко-ведческих аспектах: дисс. ... канд. искусствоведения. Н. Новгород, 2008.
10. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 520. Оп. 478. Д. 438.
11. *Розанов В.В.* Опавшие листья (Короб второй и последний). М., 2015.
12. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей // Открытый текст: Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. URL: http://www.opentextnn.ru/history/rushist/B.S.Izvekov.A.V.Kessel.Memorial_boards/?id=2621&txt=1 (дата обращения 05.12.2016).

13. *Розанов В.В.* Русский Нил // Адрианов Ю.А., Шамшурин В.А. Старый Нижний: Историко-литературные очерки. Н. Новгород, 1994.
14. *Поваляева О.Н.* Биографические истоки образовательной концепции В.В. Розанова // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4-1 (111).
15. ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 438.
16. ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 422.
17. *Белоногова В.Ю.* «Дети жемчужины». О потомках А.Д. Улыбышева // Нижегородский музей. 2014. № 27.
18. *Пакишина Н.А.* Сергей Михайлович Ляпунов как педагог и организатор // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3–2.
19. *Пакишина Н.А.* Александр Ляпунов: гимназические годы. Н. Новгород, 2017.
20. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676а. Д. 1441.
21. *Пакишина Н.А.* Домашнее музыкальное образование в дворянской среде на примере семьи Ляпуновых // Социально-культурная жизнь российской провинции XVIII – начала XX века: коллективная научная монография. Новосибирск, 2014.
22. *Голубовский М.Д.* А.А. Ляпунов и полтора века интеллектуальной династии // Природа. 2012. № 3. С. 60–68.
23. Шифман М.Е. С.М. Ляпунов: очерк жизни и творчества [1859–1924]. М., 1960.
24. *Онегина О.В.* Неизвестные фортепианные сочинения С.М. Ляпунова // Музыковедение. 2009. № 3.
25. СПбФ АРАН. Ф. 257. Оп. 3. Д. 42.
26. Подвиг лейтенанта Эмме // Журнал «Кортик» [Электронный ресурс]. URL: <http://wap.kortic.borda.ru/?1-15-60-00000003-000-0-0-1278189194> (дата обращения 18.04.2018)
27. IV Международный фестиваль искусств имени А.Д. Сахарова «Русское искусство и мир» 18–25 августа 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sakharov.innov.ru/hist1996.htm> (дата обращения 10.04.2018).

«Кулацкая операция» НКВД 1937 года в Горьковской области

С.А. Смирнов

Одним из последствий революции 1917 г. был перманентный политический террор, нацеленный на ее действительных, а чаще – мнимых противников, да и просто лиц, принадлежащих к сословиям и классам, объявленных советской властью «контрреволюционными», «бывшими». При этом динамика такого террора носила волнообразный характер, достигая пиков в 1918, 1930 и 1937 гг.

Репрессии второй половины тридцатых годов в свою очередь также имели свою кульминацию в виде оперативного приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», именуемого в чекистском обиходе «кулацкой операцией». Число арестов в Горьковской области в ходе этой масштабной акции, длившейся с июля по декабрь 1937 г., достигло 10 тысяч человек, а интенсивность расстрелов превзошла масштабы красного террора двадцатилетней давности.

В преддверии «кулацкой операции» в Горьковском УНКВД, как и всей советской спецслужбе, прошла кадровая чистка, нацеленная на выкорчевывание окружения прежнего наркома Генриха Ягоды, а в Горьком – его фаворита начальника управления Матвея Погребинского, застрелившегося в служебном кабинете 4 апреля 1937 г. [1, с. 17] Первым подвергся аресту начальник отдела контрразведки Николай Грац. Его вызвали в Москву 7 мая и арестовали в гостинице «Селект», расстреляв полтора месяца спустя «в особом порядке». Таким же образом 16 июня 1937 г. был ликвидирован заместитель начальника областного УНКВД Лев Иванов, работавший помощником и замом Погребинского с первого дня его переезда в Горький из Уфы. Подобная участь постигла и других горьковских чекистов.

Все эти события носили скрытый от общества характер и никак не отражались на набиравшей мощь кампании террора. На места прежних работников заступали новые, переведенные из других управлений или получившие повышение.

Преемником Матвея Погребинского стал комиссар госбезопасности 3-го ранга Израиль Яковлевич Дагин. Его перевод в Горький

последовал 15 апреля 1937 г. Как водится, шеф потянул за собой преданных сотрудников. В итоге в мае – июне в кабинетах на Воробьевке обосновались прибывшие из Орджоникидзе (ныне Владикавказ) приближенные Израиля Дагина. Капитаны госбезопасности Борис Комаров и Николай Зарифов получили те же посты, которые они занимали в Орджоникидзе (соответственно, начальника контрольно-ревизионного отдела и секретаря управления). Бывший руководитель секретно-политического отдела УНКВД по Северокавказскому краю майор госбезопасности Иван Лаврушин стал заместителем Дагина.

Пробыв в Горьком два месяца, Дагин укатил в Москву, где возглавил 1-й отдел Главного управления ГБ (охрана членов правительства). С собой он забрал Комарова и Зарифова, а должность начальника управления передал Ивану Лаврушину. Замом новоиспеченного главы УНКВД стал еще один выходец из органов Северного Кавказа, капитан госбезопасности Артур Михельсон. Им и их подчиненным предстояло самое трудное – исполнение приказов наркома Ежова о массовых операциях [2, с. 165, 261, 306].

Многие выходцы из партийно-государственной элиты, подвергшиеся репрессиям в 1930-е гг., впоследствии поведают о своем горьком опыте, сформировав в обществе картину «сталинских репрессий». Эта картина доминирует в общественном сознании до сих пор. Однако жертвами сталинских чисток стали не столько партийные работники, военачальники и руководящий состав фабрик и заводов, сколько рядовые граждане: рабочие, крестьяне, скромные служащие.

Именно эти социальные слои стали главной мишенью приказа № 00447, разработанного на Лубянке по инициативе И.В. Сталина и подписанного наркомом Н.И. Ежовым 30 июля 1937 г.

Весь июль в аппарате ЦК партии, на Лубянке и в региональных структурах НКВД кипела работа по выверке списков антисоветски настроенных лиц. Было приказано не только взять на учет все враждебные элементы, но и вернуть из судов все дела «деревенских, кулацких, повстанческих и церковных контрреволюционеров» с последующей передачей их в органы НКВД. Для каждой из 64 областей и республик, а также тюрем и лагерей ГУЛага готовились лимиты на аресты и расстрелы. Решениями Политбюро оформлялись чрезвычайные органы – «тройки» с правом ускоренного вынесения приговоров на региональном уровне. Сотрудники ГБ вызыва-

лись из отпусков, в управлениях проводились экстренные совещания. В это время были арестованы некоторые начальники областных НКВД, вызвавшие подозрения в неспособности исполнить приказ. По первоначальному плану предусматривался арест 268 950 человек, из них 75 950 подлежало расстрелу (первая категория) и 193 000 – заключению в лагеря сроком на 8–10 лет (вторая категория) [3, с. 103]. Общее руководство операцией Ежов возложил на своего заместителя Фриновского. Прокурор СССР Вышинский дал указание подчиненным на местах активно содействовать операции и войти в состав «троек», подчеркнув при этом, что «соблюдения процессуальных норм и предварительных санкций на арест не требуется».

«Кулацкая операция» в большинстве областей РСФСР и УССР началась 5 августа 1937 г., на ее проведение отводилось четыре месяца.

Приказ № 00447 требовал рассматривать дела особыми «тройками», причем, первую категорию (расстрел) надлежало судить в первоочередном порядке. Предписывалось разбивать область или край на сектора с закреплением их за оперативными группами. При арестах, кроме прочего, – изымать драгоценные металлы в монете, слитках и изделиях, а также переписку. Заводить на арестованного дело, следствие вести ускоренно и в упрощенном порядке, приговоры приводить в исполнение по указанию председателей «троек» – начальников областных УНКВД, справку об исполнении приговора в отдельном конверте приобщать к делу. О ходе операции доносить особыми сводками через каждые пять дней.

В Горьковской области была назначена «тройка» в составе начальника УНКВД майора госбезопасности Лаврушина, секретаря обкома партии Огурцова и прокурора области Устюжанина. В октябре Огурцов будет переведен на должность секретаря Челябинского обкома ВКП(б), и его место в «тройке» займет первый секретарь Горьковского обкома Ю.М. Каганович. Области определялся лимит репрессий в 4 500 человек, в том числе 1 500 человек предстояло репрессировать по первой категории (расстрел) [4, с. 261].

Из показаний свидетелей, привлеченных в начале 1939 г. по делу «о контрреволюционной право-троцкистской организации в Горьковском УНКВД во главе с майором ГБ Лаврушиным и злоупотреблениях властью», следует, что заседания «тройки» проходили в «штабе» управления НКВД на улице Воробьева, а именно,

в кабинете начальника секретно-политического отдела, расположенном на первом этаже правого крыла здания. Обвиняемые из тюрьмы на Арзамасском шоссе перевозились в спецмашинах «воронках» и помещались во внутренней тюрьме НКВД, соединенной с административным зданием подземным переходом. Перед заседанием «тройки» два конвоира через боковую дверь из коридора приводили подсудимых в кабинет начальника СПО Примильского, туда же через комнату секретаря отдела заходили члены «тройки».

«При входе в кабинет, – вспоминал очевидец Н.А. Додулин, – я увидел в нем сидящих за столом начальника отдела трех незнакомых мне лиц. Это были начальник УНКВД, секретарь обкома партии и председатель облисполкома. Подсудимого, стоящего посреди комнаты, спросили, признает ли он себя виновным, тот ответил, что не признает. Объявили: приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. После этого конвоиры брали осужденного под руки, сопровождали через боковую дверь в коридор и по лестнице сводили в подвальный этаж. Приговор приводился в исполнение немедленно» [5, с. 98–99].

По некоторым данным, часть приговоров приводилась в исполнение в тюрьме на Арзамасском шоссе, захоронения производились в первое время на Красном кладбище, где в 1990-е гг. был воздвигнут мемориал жертвам репрессий, и на кладбище Марьино роща, хотя при огромных масштабах казней в период массовых операций могли быть и другие расстрельные полигоны и места устройства братских могил.

Еще при подготовке операции руководитель обкома Ю.М. Каганович сообщил телеграммой в Москву, что по области планировалось репрессировать 1000 кулаков по первой категории и 650 – по второй, уголовников, соответственно, – 675 и 435. Кроме того, из числа кулаков, избежавших высылки и покинувших постоянное место жительства, предлагалось приговорить 620 человек к расстрелу и 3200 к заключению в лагерь. Таким образом, Горьковская область требовала лимит на репрессии в отношении 6 580 человек, из них 2 295 человек – по первой категории. На первых порах запрос не был удовлетворен и первоначальный лимит, повторим, составил только 4500 человек. Всего же в ходе «кулацкой операции» в Горьковской области был арестован 9 691 человек. (Отметим, что базой для подсчета служила областная Книга памяти, содержащиеся же в ней данные о количественном и именном составе репресси-

рованных нельзя считать полными). Таким образом, первоначальный лимит благодаря настойчивости партийно-чекистского руководства был превышен более чем вдвое [6, с. 33].

Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области, содержащая 11 417 биографических справок по репрессированным за период 1937–1938 гг., позволяет выявить динамику арестов и расстрелов по приговорам «тройки», а также распределение осужденных по мерам наказания, возрасту, полу, профессиям, национальной принадлежности и социальному составу.

Анализ показывает, что в первый месяц операции аресты проводились весьма активно и, согласно Книге памяти, число арестованных в августе составило 1139 человек, втрое превысив показатель июля. В сентябре произошел небольшой спад (до 780 человек), но в дальнейшем темп снова возрос. В телеграмме от 7 октября Юлий Каганович сообщал наверх, что по области репрессировано 2100 человек, в том числе 1000 человек по первой категории, вскрыто и ликвидировано 16 кулацко-эсеровских террористических организаций и 121 группа. В это время отпущенный Москвой лимит был почти исчерпан. Партийный лидер области попросил увеличить его на 1000 человек по первой категории. Его просьба была удовлетворена. После этого чекисты заработали с удвоенной энергией, и на октябрь пришлось уже 1742 ареста, то есть почти на тысячу больше итога предыдущего месяца. В ноябре было арестовано 1837 человек, а в декабре террор достиг апогея, поднявшись до уровня в 3586 арестов.

В феврале Каганович обратился к Сталину и Ежову за разрешением продлить «кулацкую операцию», увеличив лимит еще на 5000 человек. К тому времени в Горьковской области в рамках операции уже было арестовано 9600 человек. В ответ замнаркома Фриновский направил Лаврушину телеграмму с отказом, предложив все дела, сверх установленной квоты оформлять через Особое совещание при НКВД СССР или спецколлегии областного суда [6, с. 33]. Отсюда заметное падение кривой арестов, наблюдавшееся с января 1938 г.

В Горьком было репрессировано 3014 человек из 576 тысяч его жителей (0,5 %), в Дзержинске – 351 человек из 70 тысяч. При доле русских в 93 % от населения области их сегмент в количестве жертв составил 8002 человек, или 70 %. Поляков было арестовано 336 (3 %), немцев – 327 (3 %), евреев – 242 (2 %), латышей – 180 (1,6 %), татар – 168 (1,5 %), китайцев – 21 (0,2 %) человек.

Социальный состав репрессированных был таким: 3150 (28 %) служащих, 2991 (26 %) рабочих, 1309 (11,5 %) крестьян-единоличников, 1285 (11,3 %) колхозников, 1090 (9,5 %) священнослужителей, 157 (1,4 %) членов комсостава РККА, 132 (1,2 %) сотрудников НКВД. Наибольшая доля смертных приговоров пришлась на священнослужителей (более 80 % от числа осужденных этой социальной группы) и крестьян-единоличников (свыше 40 %) [6, с. 37–38].

В качестве примеров приведем сведения о некоторых лицах, репрессированных в период «кулацкой операции»:

Альбов Иван Павлович, 1881 г. р., уроженец с. Пурех, житель с. Фомино Чкаловского р-на, священник Пурехской церкви. Арестован 16.11.1937 г. Приговорен «тройкой» 15.12.1937 г. к высшей мере наказания. Расстрелян 22.12.1937 г.;

Бебешин Василий Васильевич, 1866 г. р., уроженец и житель г. Арзамаса, бывший купец, городской голова, в 1937 г. без определенных занятий, инвалид (слепой). Арестован 15.12.1937 г. Приговорен «тройкой» к высшей мере наказания. Расстрелян 10.01.1938 г.;

Варакин Анисим Романович, 1874 г. р., уроженец и житель с. Ляпуново Городецкого р-на, крестьянин-единоличник, бывший торговец. Арестован 17.02.1930 г. Приговорен «тройкой» ОГПУ 26.05.1930 г. к 3 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1937 г. житель Городца, вагранщик трудовой коммуны НКВД «Красный Молот». Арестован 26.08.1937 г., приговорен «тройкой» 8.09.1937 г. к высшей мере наказания. Расстрелян 4.09.1937 г.;

Галактионов Федор Петрович, 1865 г. р., уроженец и житель с. Большое Мурашкино, бывший заводчик овчинного производства, бывший церковный староста. Арестован 19.11.1937 г. Приговорен «тройкой» 2.12.1937 г. к высшей мере наказания. Расстрелян 27.01.1938 г.;

Заруба Кирилл Николаевич, 1861 г. р., уроженец Гродненской губернии, житель г. Горького. До 1917 г. пристав 1-й Кремлевской части г. Н. Новгорода. В 1918 г. арестовывался органами ВЧК. В 1920-е гг. лишенец. Арестован 15.08.1937 г. Приговорен «тройкой» 21.08.1937 г. к высшей мере наказания. Расстрелян 29.08.1937 г. В Книгу памяти не внесен. Реабилитирован 1.07.2016 г.;

Линденбаум Леонид Евгеньевич, 1868 г. р., уроженец Варшавы, житель г. Горького, инструктор металлопластики Дворца пионеров. В прошлом герой Первой мировой войны, генерал-майор, начальник 3-й Кавказской стрелковой дивизии, за отличия в боях награжден

ден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Арестован 31.12.1937 г., приговорен «тройкой» к высшей мере наказания, расстрелян 27.01.1938 г.;

Логонов Василий Васильевич, 1917 г. р., уроженец и житель слободы Казачьей Курмышского района, крестьянин-единоличник. Арестован 13.10.1937 г. Приговорен «тройкой» 11.11.1937 г. к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в больнице Отдела мест заключения УНКВД 2.07.1938 г.;

Мазурин Всеволод Иванович, 1902 г. р., уроженец г. Остроленки Ломжинской губ., житель г. Горького, инженер-конструктор завода «Красное Сормово». Сын начальника Нижегородского жандармского управления И.П. Мазурина, расстрелянного ЧК в 1918 году. Учился в Томском реальном училище, Нижегородском кадетском корпусе, позднее окончил Нижегородский университет. Арестован 22.08.1937 г., скончался 18.05.1938 г. в больнице Отдела мест заключения УНКВД. Жена Людмила Николаевна арестована в 1937 г., содержалась в тюрьме 1 год 1 месяц;

Тараканов Григорий Иванович, 1865 г. р., уроженец и житель г. Лыскова, без определенных занятий, бывший владелец чугунолитейного и механического завода, бывший член «Союза русского народа». Арестован 21.11.1937 г. Приговорен «тройкой» 2.12.1937 г. к высшей мере наказания. Расстрелян 14.12.1937 г.

Для «кулацкой операции» было характерно создание разного рода фиктивных, существовавших лишь на бумаге, повстанческих и диверсионно-террористических групп. В них включались бывшие царские офицеры, белогвардейцы офицерского и рядового звания, участники крестьянских восстаний двадцатилетней давности, кулаки, подвергавшиеся репрессиям в период коллективизации и вернувшиеся из мест заключения, и люди, связанные с ними дружескими, служебными и родственными узами. Признания в принадлежности к таким организациям выбивались побоями и пытками.

Характерный пример сфабрикованного дела привел на VI областной партконференции начальник УНКВД Лаврушин. По его словам разветвленная «повстанческая офицерская эсеровская террористическая организация» возникла в Ветлуге и имела филиалы в Уренском и Семеновской районах. Во главе нее стоял бывший офицер, сын попа, заведующий педагогическим училищем Введенский. В руководящее ядро также входили бывший подпоручик белой армии Русов, бывший поручик Лупинин, учитель Виноградов, кулак Монахов. Лупинин с целью завладеть оружием пробрался в Осоавиахим, где имелось 20 винтовок. В селах названных районов

создавались повстанческие группы для свержения советской власти и две террористические группы. По этому делу, сообщил чекист, арестовано 52 врага, в том числе 22 бывших офицера, 15 повстанцев, 8 кулаков, 5 сыновей попов [7, л. 123]. Большинство репрессированных по этому делу было оправдано в ходе бериевской оттепели 1939–1940 гг.

Помимо кампании по выполнению приказа № 00447 и предшествовавшего ей разгрома право-троцкистского заговора в областной организации ВКП(б) в пик террора проводилось несколько массовых операций, получивших названия «национальных». Первой в этом ряду стояла «немецкая линия» согласно оперативному приказу № 00439 от 25 июля 1937 г. об операции по репрессированию германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР. За ней 11 августа последовала «польская операция» по приказу № 00483 о ликвидации польских шпионско-диверсионных групп. Оперативный приказ Ежова № 00486 предусматривал репрессии ЧСИР – членов семей изменников родины с заключением в концлагеря жен врагов народа и помещением в детские дома их детей. Архивист М.Ю. Гусев выявил свыше 200 латышско-горьковчан, репрессированных в ходе национальных операций [8]. К слову, среди них оказалось большое количество бывших красных стрелков и сотрудников органов ВЧК – ОГПУ и милиции, сыгравших большую роль в захвате и упрочении власти большевиков. В 1937 г. все они в одночасье превратились из почетных карателей в презренных узников тюрем и жертв расстрельного конвейера.

Для операции по «польской», «латышской», «немецкой» и другим «линиям» характерен высокий процент смертных приговоров. В «немецкой операции» впервые был опробован и затем распространен на другие контингенты «альбомный» порядок репрессий, когда судьба арестованных решалась не индивидуально, а по спискам. Это было новшество органов НКВД. Альбомный порядок состоял в подготовке чекистом-оперативником по результатам следствия справок на обвиняемого с предложением того или иного приговора (расстрел или 5–10 лет исправительно-трудовых лагерей). Из таких справок комплектовался особый список – альбом, который подписывался начальником УНКВД и прокурором и отсылался в Москву на подпись Ежову и Вышинскому. Приговор приводился в исполнение по возвращении альбома в местное УНКВД. С начала 1938 г. национальные операции стали главными, а «кулацкая» постепенно свертывалась.

Для иллюстрации сказанного приведем краткие сведения о кадровом составе УГБ УНКВД по Горьковской области периода «кулацкой операции».

Возглавлял эту наиболее массовую и кровавую из всех чекистских кампаний начальник управления Иван Яковлевич Лаврушин, 37 лет, родом из Орла, сын владельца трактира, образование начальное. В Февральскую революцию участвовал в разоружении полиции, с лета 1919 г. – красноармеец при штабе 1-й Конной армии, с 1920 г. – на службе в ВЧК, с 1925 по 1937 г. – в органах ОГПУ – НКВД Северо-Кавказского края, последняя должность – начальник 4-го отдела. С июня 1937 г. – начальник УНКВД по Горьковской области. Отличался погромной риторикой по адресу врагов народа, особенно православного духовенства.

Другие высокопоставленные участники операции: Артур Иванович Михельсон, заместитель начальника УНКВД; Рафаил Александрович Листенгурт, заместитель начальника УНКВД; Семен Николаевич Куршаков, секретарь УНКВД, 2-й отдел УГБ – Оперативный, или Оперод; Константин Иванович Смелов, начальник; Василий Иванович Чернов, заместитель начальника. 3-й отдел – контрразведки, или КРО: Моисей Абрамович Примильский, начальник; Сергей Антонович Губин, заместитель начальника; Николай Григорьевич Сарсков, помощник начальника. 4-й отдел – секретно-политический, или СПО: Иван Феофанович Мартынов, начальник (до 25.09.1937 г.); Аркадий Наумович Каминский, начальник; Николай Иванович Курсанов, помощник начальника; 5 отдел – Особый, или ОО: Альберт Янович Спаринский, начальник; 6-й отдел – Транспортный, или ТО (в августе 1937 г. реорганизован в Дорожно-транспортный и напрямую подчинен Главному управлению госбезопасности НКВД): Александр Дмитриевич Антоновский, начальник; Николай Степанович Шумский, заместитель начальника; 11-й отдел (водный): Евгений Иванович Зубков, начальник (до 26.12.1937 г.); В.В. Маслеев, начальник; Николай Степанович Шумский, заместитель начальника; Алексей Иванович Яковлев, начальник административно-хозяйственного отдела; Николай Леонтьевич Соловьев, комендант; Михаил Иванович Бобков, помощник коменданта; И.Г. Русанов, помощник коменданта [9].

«Кулацкая операция» сопровождалась шумной кампанией в печати. По времени разгар операции совпал с кампанией по выборам в Верховный Совет СССР. Это были первые после 1917 г. выборы на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, и операция планировалась с тем расчетом, чтобы завершить ее ко дню голосования 12 декабря. В Горьком по Автозаводскому избирательному округу баллотировался нарком НКВД генеральный комиссар госбезопасности Николай Ежов, по Арзамасскому округу – начальник областного управления НКВД Иван Лаврушин. Партийные пропагандисты не жалели красок для их прославления.

В декабре 1937 г. в Горький на встречу с избирателями прибыл Николай Ежов. На многотысячном митинге в радиаторном цехе Автозавода сталинский нарком обрушился на врагов народа с разоблачениями и угрозами беспощадной расправы. А несколько дней спустя прошло пышное празднование юбилея ВЧК – ОГПУ – НКВД. В адрес чекистов звучало много восторженных похвал. По случаю праздника газета «Горьковская коммуна» сообщила о вручении высоких государственных наград особо отличившимся сотрудникам УНКВД.

Массовые операции продолжились в первом полугодии 1938 г., в то время как «кулацкая», пик которой пришелся на осень и зиму 1937 г., была завершена.

Параллельно в недрах ВКП(б) разворачивалась критика органов НКВД, все громче звучали обвинения их в незаконных репрессиях. Всем этим, понятно, дирижировал Сталин. Важнейшим звеном такой кампании стало ноябрьское постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем говорилось о ликвидации «троек» и прекращении массовых операций и подвергались сокрушительному разгрому «враги народа и шпионы иностранных разведок, внедрившиеся в органы государственной безопасности и систему судопроизводства, которые сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты», «совершали подлоги, фальсифицируя следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и без оснований, создавали с провокационной целью “дела” против невинных людей» [3, с. 177–178].

Неделю спустя Ежов был уволен с поста руководителя НКВД, а весной следующего года арестован и 6 февраля 1940 г. расстрелян. В ноябре 1938 г. руководителем НКВД СССР стал Л.П. Берия. При нем прошла первая волна реабилитации жертв политических репрессий. Одновременно в органах НКВД началась чистка от «ежовцев», включая и тех, кто в 1937–1938 гг. работал в Горьком. Были арестованы и расстреляны Листенгурт (октябрь 1938 г.), Дагин (ноябрь 1938 г.), Михельсон и Лаврушин (декабрь 1938 г.). Каминский был осужден Особым совещанием на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, Примильский (трибуналом войск НКВД) – на 10 лет. Были арестованы и расстреляны начальники 3-го отдела Л.М. Перлин и С.В. Ратнер [10]. В то же время репрессиям подвергся целый ряд чекистов среднего звена.

Источники и литература

1. *Шатохин А.* Разные судьбы. Н. Новгород, 2007.

2. *Петров Н.В.* Кто руководил НКВД 1934–1941: справочник / Н.В. Петров, К.В. Скоркин. М., 1999.

3. *Петров Н.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов / Н. Петров, М. Янсен. М., 2009.

4. Забвению не подлежит. Неизвестные страницы Нижегородской истории (1918–1984 годы). Кн. 2. Н. Новгород, 1994.

5. Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. Т. 2. Н. Новгород, 2001.

6. *Лягушкина Л.А.* Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.). [Электронный ресурс]. URL: http://kleio.asu.ru/2012/1/hcsj-12012_30-43.pdf (дата обращения 10.05.2018).

7. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2121. Переписка отдела кадров Горьковского обкома ВКП(б) с предприятиями, учреждениями, органами НКВД.

8. *Гусев М.Ю.* Биографические справки на латышей, проживавших на территории Нижегородского – Горьковского края и подвергшихся репрессиям в 1930-е годы // Открытый текст [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/rushist/personalia/?id=3603> (дата обращения 10.05.2018).

9. Послужные списки работников НКВД СССР 1934–1938 гг. // Сайт О.Б. Мозохина – Форум истории ВЧК ОГПУ НКВД МГБ [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.mozohin.ru/index.php/topic,394.0.html> (дата обращения 10.05.2018).

10. *Тумишис М.А.* Евреи в НКВД СССР 1936–1938 гг. / М.А. Тумишис, В.А. Золотарев. Самара, 2012.

Из истории одной интриги. Ссылка М.М. Сперанского в Нижний Новгород

А.В. Беляков

Это случилось более 200 лет назад, в марте 1812 г. Факт ссылки видного государственного деятеля М.М. Сперанского подробно изложен в знаменитой биографии М.А. Корфа [1, с. 46–70] на основе многочисленных документов, прежде всего переданных ему Е.М. Фроловой-Багреевой, дочерью М.М. Сперанского. Интересный материал по теме содержится в исследованиях академика А.Ф. Бычкова [2, с. 5–44, 231–262], Н.К. Шильдера [3, с. 44–45, 292–293]. Н.К. Шильдер ввел в оборот неопубликованное ранее письмо М.М. Сперанского, сразу же по приезду 21 марта 1812 г. в Нижний Новгород переданное лично сопровождавшему его приставу Шипулинскому. Лишь много десятилетий позже этот документ был найден в бумагах графа К.В. Нессельроде. Также интересный документальный материал публиковался в журналах «Русский архив», «Русская старина», в воспоминаниях известных деятелей XIX в.

Важное значение в исследовании данной темы имели публикации нижегородских краеведов Н.Н. Овсяникова [4], А.С. Гациского [5, с. 43], А.Ф. Можаровского, А.К. Кабанова [6]. При этом краеведческий материал не отличался большим разнообразием опубликованных документов в силу высокой степени закрытости темы.

Так, упомянутый А.С. Гациский пытался рассмотреть сюжет о пребывании Сперанского в Нижнем Новгороде, но материал о нем по решению цензурного комитета в феврале 1878 г. не был разрешен к опубликованию в «Очерках прошлого Нижегородского Поволжья». Одно из положений касалось нашей темы: «Автором на пяти страницах (92–97) распечатаны подробности ссылки Сперанского в Нижний, где выставляется в ложном виде бдительность полицейского надзора, усердие власти, должностных и частных лиц». В заключении цензурой отмечалось: «В виду выше изложенных соображений при небольшом объеме и доступности изложения

“Очерки прошлого Нижегородского Поволжья” могут получить нежелательное распространение в малоразвитой публике и особенно быстро после перепечатывания этой брошюры» [7, л. 19 об. – 20].

В 1910 г. на заседании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии доклад к столетию пребывания М.М. Сперанского сделал известный краевед А.К. Кабанов [6, с. 9]. Справку о пребывании Сперанского в Нижнем, которая была получена при содействии А.Б. Нейдгарта, нижегородского предводителя дворянства, зятя П.А. Столыпина, а через него – самого Столыпина, зачитал А.Я. Садовский. «Решил не говорить об этом пока никому и поднести все это сюрпризом членам арх[ивной] комиссии на заседании 23 марта», – писал он в своем дневнике [8, с. 10].

Одна из немногих статей о пребывании М.М. Сперанского в Нижнем Новгороде была опубликована советским историком, профессором Горьковского госуниверситета А.И. Парусовым в 1941 г. [9, с. 62–65]. В современной литературе, как представляется, лишь В.А. Томсинов в монографии, вышедшей в свет в 2006 г., в отдельной главе «Падение» [10], и в статье П.Д. Николаенко о роли А.Д. Балашова на базе оценок дореволюционных историков, показаны причины заговора против М.М. Сперанского и место в нем главных лиц [11, с. 27–34].

В первой половине XIX в. долгое время имя Михаила Михайловича Сперанского было окутано завесой тайны. Она витала в кругах высшего общества до тех пор, пока не была опубликована знаменитая книга М.А. Корфа. На документальном материале в ней достаточно подробно расписано пребывание М.М. Сперанского в Нижнем Новгороде. При этом сознательно опускался материал о непримиримых противниках М.М. Сперанского. Неопубликованный материал из книги М.А. Корфа позднее был напечатан с комментариями академика А.Ф. Бычкова. Было отмечено, что в «низвержении Сперанского» участвовали как «прямые деятели», «косвенные», так и «непреднамеренные». Здесь же приводятся слова М.А. Корфа о том, что «мог ли я высказываться о причинах катастрофы Сперанского и подробностях, что добрасывает мрачную тень на память Александра, пускаться в полную характеристику и оценку участников этой катастрофы?» [12, с. 473].

Было ясно, что непримиримыми противниками государственного секретаря являлись члены императорской фамилии: вдовствующая императрица Мария Федоровна, сестра императора великая

княгиня Екатерина Павловна и ее муж герцог Г. Ольденбургский, недовольные проведением социально-экономических реформ и реализацией политических проектов. Они переводили неудачи этих проектов не на императора Александра I, а на государственного секретаря, разрабатывавшего их в деталях. В числе заметных критиков Сперанского оказались Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин, которые пользовались расположением великой княгини Екатерины Павловны.

Ловкие царедворцы – министр полиции А.Д. Балашов, о котором князь И.М. Долгоруков писал как о человеке, «владеющим тончайшей степенью шпионского искусства и по сердцу привязанный к сему ремеслу. Называвший мудростью – лукавство, а пронырство – государственным достоинством» [13, с. 72], и Густав-Модест Армфельдт, подданный Швеции, оказавшийся в России еще при Екатерине Великой, исполнявший отдельные дипломатические поручения в Западной Европе, занимавшийся делами Финляндии, – с благословения высочайших особ разыграли интригу со свержением М.М. Сперанского.

Вместе с тем Балашов и Армфельдт между собой выступали как соперники, где первенство держал все же Армфельдт, яростный противник Наполеона. Получивший назначение министром полиции А.Д. Балашов явно страдал от недостаточной, как ему казалось, компетенции вверенного ему ведомства. По сообщению начальника Особенной канцелярии Министерства полиции Я.И. де Санглена, по рекомендации императора А.Д. Балашов не ранее декабря 1811 г. активно включился в проверку достоверности доносов, поступавших на М.М. Сперанского [14, с. 31]. Оказавшись в кабинете Сперанского в один из декабрьских вечеров, Балашов и Армфельдт заговорили о создании комитета по управлению государственными делами. Сперанский позже поделился содержанием этой беседы с М.Л. Магницким, который предложил не откладывая рассказать об этом императору.

В одной из встреч с Балашовым М.М. Сперанский якобы сказал: «Вы знаете мнительный характер императора. Все, что им ни делается, делается в половину. Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым» [14, с. 48].

Но еще оставались обвинения, которые Сперанскому без решения императора было не под силу отместить, что «составляет, по признанию реформатора, единственное пятно моего в народе обви-

нения <...> жестокое предубеждение о связях моих с Францией» [15, с. 108].

Судьбоносный для Сперанского разговор с императором в ночь с 16 на 17 марта 1812 г. интерпретируется по-разному. В одном изложении Александр I, пригласив его в свой кабинет, отметил: «Я тебя любил, а ты пользовался моим доверием, предложив Балашову и Армфельдту создать триумvirат. – Это они, государь, все предлагали устроить в доме Балашова. – А зачем ты не пришел передать мне все это, а Армфельдт смог. – Я не виноват, государь» [16, с. 351].

В более правдоподобной версии М.М. Сперанского Александр встретил нервно ходившим по кабинету взад-вперед. Поздоровались. Затем, немного помолчав, государь подошел к Сперанскому поближе и спросил: «Скажи мне по совести, Михайло Михайлович, не имеешь ли ты чего на совести против меня?» Сперанский сначала растерялся, но Александр, не дав ему вымолвить и слова, продолжал: «Повторяю, скажи, что имеешь?» «Решительно ничего», – ответил Сперанский. Тогда Александр произнес: «Обстоятельства требуют, чтобы на время мы расстались. Во всякое другое время я бы употребил год и даже два, чтобы исследовать истину полученных мною против тебя обвинений и нареканий. Теперь же, когда неприятель готов войти в пределы России, я обязан моим подданным удалить тебя от себя» [17, с. 201].

Александр I на этой встрече говорил о расстройстве финансов и сборе налогов, реформировании Сената, о подозрениях к Сперанскому в использовании французской системы управления, стремлении расширить функции государственного секретаря и наконец – о предполагаемой государственной измене, создании триумvirата. «Все обвинения, кроме последнего, Михаил Михайлович мог легко парировать, *однако последняя превысила все иные*», – отмечал академик А.Ф. Бычков [18, с. 7].

В ночь на 17 марта Сперанский в сопровождении пристава одной из полицейских частей надворного советника Шипулинского был отправлен в Нижний Новгород. Туда он прибыл ранним утром 21 марта и был принят изумленным губернатором А.М. Руновским. Ехали так быстро, что М.М. Сперанский весной 1834 г., пригласив к себе А.С. Пушкина рассказать о своем изгнании, с горькой иронией отмечал, как помогал полицейскому быстрее доставить его по месту назначения, договариваясь с почтовыми смотрителями о смене лошадей. Действительно, на одной из станций случился забав-

ный казус – не давали лошадей, и сопровождавший его пристав пришел к нему, арестанту, просить покровительства: «Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают» [19, с. 193].

21 марта Шипулинский уже мчался из Нижнего Новгорода с письмом Сперанского императору, написанном на французском языке. Лишь много десятилетий позже оно было опубликовано в монографии Н.К. Шильдера: «Рано или поздно, Ваше величество, вернетесь к мыслям, они запечатлены в Вашем сердце. Они не были предложены мной. Я нашел их вполне образовавшимися в Вашем уме и если осуществление их на деле может и должно быть изменено или отложено для спокойного времени, то принцип их останется неприкосновенным» [12, с. 490]. Он отмечал, что все предложения государственных реформ шли от имени Александра I или разрабатывались с его, Александра, ведома. В письме из Нижнего Новгорода отмечались глубокое уважение и признательность императору.

В столице же через несколько дней после отъезда последовало предписание Министерства внутренних дел. В нем отмечалось, что «переписка Сперанского должна докладываться государю; необходимо доносить о лицах, с которыми ссыльный имеет тесную связь или частное обращение; доносить обо всем, что имеет применение; тайному советнику, по Табелю о рангах – генерал-лейтенанту Сперанскому во время его пребывания в Нижнем Новгороде должно оказываться уважение, пристойное его чину» [1, с. 47].

С этого времени его переписка находилась под надзором министра полиции. Император лично извинился перед близким окружением М.М. Сперанского (князем Голицыным, графом Нессельроде, Фесслером, Краммером, Массальским), что «у меня отняли правую руку. Я принес его (Сперанского – *прим. авт.*) в жертву. Он мне не изменял» [20, с. 1147]. Позднее, на годовщине смерти М.М. Сперанского, Николай I отмечал, что «Сперанского не все понимали и ценили. В начале и я с ним был несогласен. Мне столько было наговорено о его либеральных идеях. Но все обвинения рассыпались как карточный дом. Теперь все знают, чем Россия ему обязана. Единственный упрек к покойному брату Александру» [21, с. 318].

В литературе много отмечалось о роли Ф.В. Ростопчина, назначенного губернатором Москвы в канун войны 1812 года, в отставке М.М. Сперанского. Представляется, что это не так. Честолюбивый человек, он оказал безусловное влияние на судьбу М.М. Сперанско-

го немного позже, в период после Бородинской битвы и сдачи Москвы французам, когда ему всюду мерещились шпионы (о высшем командовании русской армии, в том числе М.И. Кутузове, Ростопчин был самого плохого мнения).

Ф.В. Ростопчин и А.Д. Балашов следили за М.М. Сперанским в ссылке через своих людей, находившихся с ними в длительных контактах. У А.Д. Балашова сослуживцами по армии были нижегородский полицмейстер Е.С. Бабушкин и отставной штабс-капитан нижегородский помещик А.В. Астафьев. За крутой нрав и низкорослую коренастую фигуру нижегородцы прозвали Егора Бабушкина «голландским быком». Исполнительный А.В. Астафьев нередко выполнял обязанности курьера для доставки почты сановным особам. Ф.В. Ростопчин был хорошо знаком с семьей вице-губернатора А.С. Крюкова (позже – нижегородского губернатора). Вот этот человек и был доверенным лицом Ростопчина, от которого тот получал разнообразную информацию, в том числе о М.М. Сперанском. Предупреждая царя об озлобленности Сперанского, он отмечал, что таких лиц, как Сперанский «и им подобных шпионов в центре России много и с целью противодействия им следует назначить людей достойных, с титулами» [22, с. 26].

М.М. Сперанский, прибыв в Нижний Новгород один, познакомился с городом и отдельными горожанами. Некоторые люди к нему питали симпатию, но в большинстве отнеслись с подозрением. Здесь он и услышал в свой адрес нелицеприятное слово «Мазепа». Затем к нему прибыла дочь Елизавета со свекровью и приемной дочерью Аней. Они разместились вначале в доме Шишковой близ Покровской церкви, а затем купили дом вдовы надворного советника Скуридина рядом с Нижним Новгородом (в Панских Буграх на берегу Волги). Сперанский имел прямой доступ к губернатору, часто бывал у епископа Моисея. Члены семьи, особенно женщины, привыкли к дому Крюковых (жена П.А. Крюкова имела княжеское происхождение, хорошо владела английским языком). М.М. Сперанскому очень нравился город, он любил бродить по его улицам, хотя и ощущая пристальные взгляды полицейских.

Известно, что пристав второй кремлевской части коллежский ассессор Козлов нес персональную ответственность за контакты М.М. Сперанского с прежними его друзьями из Саратова и Симбирска (Столыпным, Злобиным, Костромитиным). Ссылный сановник вел переписку с Б.М. Тевкелевым, П.Г. Уваровым, И.А. Фесле-

ром, Ф.И. Цейлером, М.Л. Магницким. Неоднократно бывал на Макарьевской ярмарке [15, с. 70].

М.П. Погодин в своей работе приводит беседу, якобы состоявшуюся в Нижнем Новгороде летом 1812 г. между М.М. Сперанским и предводителем нижегородского дворянства Г.А. Грузинским. Михаил Михайлович рассказывал, что А.Д. Балашов «упреждал это происшествие (ссылку) двумя неделями, а то последовало бы то же с ним, что случилось со Сперанским» [23, с. 1129]. Г. Армфельдт недолго радовался своей победе. Его не стало в 1814 г. По сообщению историка Н. Овсянникова в губернской газете нижегородская элита (тот же князь Г.А. Грузинский) общалась со Сперанским сдержанно. Как и историк Н.М. Карамзин, яркий представитель консервативного направления отечественной политической мысли, которого Сперанский видел в последний день пребывания в Нижнем [4].

Нижний Новгород и губерния в период войны с Наполеоном находились в зоне прифронтового тыла. В Нижний Новгород было отправлено имущество и эвакуирован профессорско-преподавательский состав Московского университета. Много известных в стране людей тогда нашли здесь кров в качестве беженцев [24].

Атмосфера всеобщего подозрения, напряженное ожидание худших последствий, привело к ухудшению положения М.М. Сперанского. В конце XIX в. нижегородский краевед А.Ф. Можаровский разыскал в архиве губернского суда дело Петра Иванова в связи с именем М.М. Сперанского. Как отмечал Можаровский, в Нижнем Новгороде в Кокаревском трактире крепостной помещика Доможирова П. Иванов, цирюльник по ремеслу, был у епископа Моисея, которому «отворял кровь» и стал уверять бывших в трактире, что французы скоро освободят крестьян от крепостной зависимости, а оброк они платить не будут. Подошел дворовый князя Грузинского Шайдаков, в адрес которого Иванов произнес, что такие как вы, изменники московские, и свергли Сперанского. Эти слова имели для Иванова роковое последствие: князь Г.А. Грузинский, в молодые годы работавший судебным следователем, лично рекомендовал суду вынести постановление об осуждении Иванова как государственного преступника с вырыванием ноздрей, клеймением и отправлением на каторгу в Сибирь [25].

М.А. Корфом подробно рассказано о сообщении вице-губернатором А.С. Крюковым Ф.В. Ростопчину ситуации в связи с епископом Моисеем. Якобы Наполеон пришел дать духовенству свободу. На беду Сперанского стало известно, что сам Наполеон был восхищен широкой эрудицией Михаила Михайловича и просил его у Александра I в начале XIX в. в обмен на несколько королевств.

15 сентября упомянутый нами отставной штабс-капитан А.В. Астафьев довез письмо Александра I П.А.Толстому, командующему резервной армией, дислоцированной в Нижнем Новгороде, с распоряжением «отправить сего вредного человека под караулом в Пермь с предписанием губернатору». В ночь на 15 сентября М.М. Сперанский был отправлен в Пермь с сопровождением пристава второй кремлевской части коллежского асессора Козлова.

Через 9 лет М.М. Сперанский после ссылки в Нижний Новгород, Пермь и в свое поместье в Новгородской губернии, губернаторства в Поволжье, Сибири вернулся в столицу. Несмотря на предательство императора и сослуживцев, он еще многое сделал для России как государственный деятель, юрист, философ, гражданин. Александр I, так страстно желавший проучить своего бывшего государственного секретаря, искупавшись в лучах славы после победы русской армии над Наполеоном, ощутил необходимость продолжения реформ. Понял он и тщетность усилий по преследованию когда-то безгранично преданного ему и не потерявшего гражданского мужества, получившего впоследствии еще большую известность и уважение Михаила Михайловича Сперанского. Представляются логичными слова академика А.Ф. Бычкова: «Нам нужен Сперанский не в блестящих подробностях, а в слабостях, близких всем земным людям» [12, с. 473].

С именем М.М. Сперанского в России исторически связаны идеалы справедливости, законности. Широко использовалось его теоретическое наследие при создании в России первых юридических обществ. Так, нижегородская интеллигенция в 1864 г. основала юридическое общество при активном участии юриста и краеведа А.С. Гациского. В его уставе, в частности, заявлялось: «Мы, сочувствуя разумной справедливости, и желая посылить содействовать успешному восприятию и укоренению в обществе нашего строя, полагаем, что одним из действительнейших средств к тому было бы разъяснение и распространение в обществе здравого положи-

тельного понятия и духа справедливости русского законодательства» [26, л. 10]. Имя М.М. Сперанского носит современное нижегородское юридическое общество. Так профессиональные юристы-нижегородцы высоко оценивают личный вклад великого реформатора в юридическую науку и практику.

Источники и литература

1. *Корф М.А.* Жизнь графа М.М.Сперанского. Т. 1. Часть 2. СПб, 1860.
2. *Бычков А.Ф.* О пребывании М.М. Сперанского в Нижнем Новгороде и Перми // Русская старина. 1900. № 4.
3. *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1898.
4. *Овсяников Н.Н.* О пребывании Сперанского в Н.Новгороде // Нижегородские губернские ведомости. 1861. 18 января.
5. *Гациский А.С.* Нижегородка. Путеводитель по городу Нижнему Новгороду. Н Новгород, 1875.
6. Сообщение краеведа А.К. Кабанова о пребывании М.М. Сперанского в Нижнем Новгороде на заседании Нижегородской губернской ученой комиссии // Действия НГУАК с февраля 1910 по октябрь 1911 гг. Н. Новгород, 1913.
7. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 765. Оп. 597. Д. 77.
8. *Митрофанов В.В.* Дневник и воспоминания А.Я. Садовского // Нижегородский музей. 2014. № 28.
9. *Парусов А.И.* Сперанский в Нижнем Новгороде // Горьковская коммуна. 1937. 1 марта.
10. *Томсинов В.А.* Сперанский. М., 2006.
11. *Николаенко П.Д.* Министр полиции А.Д. Балашов и опала М.М. Сперанского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД РФ. 2016. № 1 (69).
12. *Корф М. А.* Деятели и участники в падении Сперанского. Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» барона М.А. Корфа (Из бумаг академика А.Ф. Бычкова) // Русская старина. 1902. Т. 109. № 3.
13. Князь И.М. Долгоуков о А.Д. Балашове // Русский архив. 1890. Кн. 1.
14. *Минаева Н.В.* М.М. Сперанский в воспоминаниях современников: конец XVIII – первая половина XIX веков. М., 2009.
15. Пермское письмо Сперанского к императору Александру I // Русский архив. 1892. № 1.

16. Рассказы о Сперанском // Русская старина. 1880. № 5.
17. *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991.
18. Бычков А.Ф. Ссылка Сперанского в 1812 году // Русская старина. 1902. № 4.
19. *Пушкин А.С.* Из дневника. Обед у Сперанского, запись 2 апреля 1834 г. // Сочинения в 10 томах. Т. VII. М., 1959–1962.
20. Письма Сперанского к А.А. Столыпину // Русский архив. 1870. Вып. 4–5.
21. Речь Николая I на годовщине смерти М.М. Сперанского // Русская старина. 1893. № 1.
22. Письма Ф.В. Ростопчина // Русский архив. 1909. № 1.
23. Погодин М.П. Сперанский // Русский архив. 1871. № 6.
24. *Галай Ю.Г.* Здесь я нашел всю Москву // Горьковский рабочий. 1982. 3 декабря.
25. *Можаровский А.Ф.* Дело П. Иванова в уголовной палате Нижегородского губернского суда // Нижегородские губернские ведомости. 1893. 20 января.
26. ЦАНО. Ф. 765. Оп. 597. Д. 176.

Придворный садовник Франц Пельцель: нижегородский след

В.В. Краснов

Почти сорок лет назад Н.Ф. Филатов установил автора проектов Александровского и Кремлевского садов в Нижнем Новгороде, ограничившись лишь очень краткими сведениями о садовнике по фамилии Пельцель [21, с. 148; 22, с. 119]. Последующие исследователи также не останавливались на его личности [2, с. 131; 5, с. 61–67]. Поэтому этот человек оставался своеобразной загадкой нижегородского краеведения.

Лишь относительно недавно вопрос о Пельцеле получил продолжение в монографии О.Н. Ворониной. Бегло коснувшись истории создания Александровского сада на Нижегородском Откосе, автор делает следующее заключение: «В 1836 году для детальной проработки общественного сада император Николай I прислал при-

дворного садовника Карла Петцольда (Карл Эдуард Адольф Петцольд), приглашенного в Россию из Германии. В литературных источниках его фамилия искажена и звучит как Пельцель. К. Петцольд был достаточно широко известен в Германии, где работал вместе с Пюклером Мюскау над формированием парка Браниц в городе Коттбусс [Котбус. – В. К.]. Можно предположить, что садовое искусство К. Петцольда было замечено Российским императором в парке Бельведер в городе Веймаре, где император любил гостить вместе с семьей» [4, с. 22].

Тем же «крупнейшим ландшафтным зодчим своего времени» был запроектирован, по мнению О.Н. Ворониной, и сад при резиденции нижегородских губернаторов в Нижегородском кремле [4, с. 30].

Смелое утверждение требует доказательств. Однако проведение полноценных архивно-библиографических изысканий О.Н. Ворониной считала для себя излишним. На удивление быстро версия о Петцольде-Пельцеле распространилась в Интернете и нашла отражение в добротной справочной литературе [9, с. 286–287; 16, с. 89–93].

Никого не смутил тот факт, что Карл Петцольд (1815–1891), «лучший ученик гениального князя» Германа Пюклера фон Мускау, ко времени устройства садов в Нижнем Новгороде только начинал свою карьеру паркостроителя (его первая самостоятельная работа относится к 1835–1838 годам). Должность садовода в Веймаре Петцольд получил в 1844 году. Впрочем, по другим данным, когда в 1845 году Пюклер из-за долгов продал принцу Фридриху Нидерландскому свое владение Мускау, то «уступил... в придачу своего лучшего ученика, высокоталантливого Е. Petzold, тогда же произведенного принцем в должность главного директора его парков и садов» [19, с. 112, 118]. В любом случае, в эти годы основной объем работ в Нижнем Новгороде был уже выполнен. Не был принят во внимание и вывод некоторых исследователей об опосредованном влиянии «пюклеровского круга» на садово-парковое искусство России, начиная приблизительно с середины XIX века [11, с. 113–121].

Вряд ли современники могли исказить фамилию Петцольд (Petzold / Petzholdt). Конечно, встречалась она нечасто, но была известна. Например, в «Словаре» Н.П. Собко приводятся сведения сразу о четырех обладателях фамилии Петцольд / Петцольдт / Пе(т)цольд, живших в России в середине XVIII – первой половине XIX века [20, стб. 211–213]. Еще пять человек перечислены в азбучном указателе «Биографического словаря» Императорского Рус-

ского исторического общества [1, с. 152]. Примеры можно продолжить.

Неизвестными для О.Н. Ворониной остались воспоминания М.К. Рейхель (Эрн), близкого друга семьи А.И. Герцена. Рассказывая о своей юности и обучении в одном из московских пансионов, Мария Каспаровна пишет: «...Теперь замечу, что и в нашей однообразной жизни бывали просветы... Случалось, что мы с Луизой Ивановной [мать А.И. Герцена. – В. К.] вставали утром, часа в четыре; большая коляска, запряженная четверней, везла нас в Александринский сад, что возле Нескучного. Красивое местоположение сада, огромное количество цветочных куртин и множество цветов, которые поражали своим разнообразием и богатством красок, – все вместе приводило меня в неописанный восторг. А когда главный садовник, почтенный Пельцель, вручал мне несколько пакетиков с цветочными семенами für die Kleine Sibierin, как он называл меня, восторгу моему не было конца. Наглядевшись и нагулявшись в романтическом Нескучном, мы спешили в обратный путь... Перед отъездом из сада, Пельцель ставил нам в коляску много цветочных горшков, и мы ехали назад...» [13, с. 25].

В приведенном отрывке Пельцель назван «почтенным», то есть во второй половине 1830-х годов современники считали его солидным, опытным человеком. Важно, что М.К. Рейхель указывает на место службы и занимаемую должность Пельцеля – главный садовник Александринского сада.

Точно таким же образом он именуется в известных нам документах, начиная с 1836 года, когда с устройством садов в Нижнем Новгороде определились окончательно – «главный садовник собственного Его Величества дворца Александрии». Дополнительные сведения содержатся в письме барона Л.К. Бодену на имя военного губернатора М.П. Бутурлина: «Московская дворцовая контора от 26-го сего августа [1836 года] уведомила... о командировании к Вам на короткое время, вследствие Высочайшей воли, ведомства ее главного садовника Пельцеля для составления проекта сада на указанном Его Величеством месте. Означенного г. Пельцеля, который будет иметь честь представить... сие письмо, прошу покорнейше принять в милостивое ваше расположение и оказать ему всевозможное... покровительство и пособие – все сие он в полной мере заслуживает. А так как он по занятиям своим нужен и дворцовой конторе, то я прошу покорнейше... не удерживать его в городе до-

лее того времени, которое потребно будет для выполнения Высочайшей воли» [24, л. 6 – 6 об.].

Дошли до наших дней и автографы садовника, написанные латиницей и кириллицей. В первом случае подпись, нанесенная на варианте проекта Александровского сада 1838 года (хранится в фондах НГИИМЗ), читается как «*F. Poelzel*». Во втором – содержится под текстом «накладной записки» на имя М.П. Бутурлина от 16 июля 1837 года. Сообщая о двух расписках на приобретение и доставку в Нижний Новгород «англинских лопат», он засвидетельствовал свое почтение в соответствии с нормами эпистолярного этикета: «В продчем имею честь быть Вашего Превосходительства, милостивейший государь, всепокорнейший слуга *Ф. Пельцель*» [24, л. 70 – 70 об.].

Все эти детали позволяют говорить о том, что перед нами – Франц Семенович Пельцель, принятый в 1828 году на должность главного садовника Экспедиции Кремлевского строения (позднее – Московская дворцовая контора Министерства императорского двора и уделов) по предложению ее Главноуправляющего князя Н.Б. Юсупова. До того «весьма искусный садовник Пельцель, из Франконии» отмечен в «подмосковной» графа А.К. Разумовского – Горенках, славившейся исключительными оранжереями и ботаническим садом [10, с. 40–41; 12, с. 237–238]. В этом имении Алексей Кириллович, оказавшейся не у дел в 1816 году, продолжал заниматься «масонством и ботаникой», выписав «лучших тогдашних европейских садовников» для своего сада.

Вполне закономерным представляется выбор кандидатуры Франца Пельцеля для Нижнего Новгорода – он уже имел опыт «переделки» паркового пространства в условиях сложного рельефа местности. Таковым стал сад при указанном выше императорском Александринском (Майском) дворце в Москве, у Калужской заставы (перестроенный дом графа А.Г. Орлова-Чесменского; в советское время здесь размещался Президиум АН СССР). Устроенный под руководством главного архитектора Московской дворцовой конторы Е.Д. Тюрина, сад занял участок крутых и овражистых склонов высокого правого берега Москвы-реки. Являясь частью более обширного пространства – Нескучного сада, в окончательном виде «составившегося» в начале 1840-х годов (ныне территория ЦПКиО им. М. Горького), сад летней царской резиденции неоднократно упоминается в литературе. Так, очарованный этим местом Ю.И. Шамурин писал в начале XX века: «Парк Нескучного – лучший под Москвой. Он занимает огромное пространство на крутом

берегу Москвы-реки и самое расположение его на неровной, уступчатой поверхности дает богатые декоративные возможности... Дорожки парка перебрасываются через овраги, огибают холмы, открывают живописные виды на Москву-реку, на дворец, на светлеющие среди зелени павильоны... Часть парка, примыкающего к Александринскому дворцу, устроил «на английский манер» садовник Пельцель в 1834 году... В пустынном парке... застыли хрупкие, как музыкальная мелодия, образы прошлого, образы вечной красоты, для которой нет ни прошлого, ни будущего!...» [23, с. 55–56].

Порученное ему в Нижнем Новгороде немолодой Пельцель воспринял как тяжелую обузу, периодически упоминая в переписке о своих более важных делах «по должностным» (заметим, что работы по «наружному устройству» Нижнего Новгорода относились к ведению МВД). Например, в июне 1838 года он указывал, что приехать в город «по весьма большим занятиям во вверенных мне от дворцовой канторы местах, ныне сделать весьма затруднительно, ибо мне предписано... во-первых, сдать Слабодский сад в ведение Московского кадетского корпуса, при чем я необходимо должен быть, во-вторых, при Царицынских оранжереях должна производиться в течении сего лета починка и перестройка оранжерей, – и прочие, при других садовых заведениях, садовые работы, требующие непременно моего личного надзора, отлучиться теперь не позволяют» [24, л. 86].

Но, не помыслив ослушаться царской воли и зная строгие требования руководства дворцовой канторы, пресекавшей даже малейшие отступления от «начальнических предписаний», Франц Пельцель выполнил не только проекты (пересоставив затем их «сообразно местному положению») и сметы, но и лично контролировал ход работ, временами навещая в Нижний Новгород. Надежды на его помощника – австрийского подданного Ивана Ивановича Свободу, не оправдались. Заявив, что «все... назначенные садовые работы, как-то: в крепости и по Волжскому Откоосу могу исполнить без особенного его [Пельцеля] надсмотрения» [24, л. 60], в устройстве сада «на скосе» Георгиевской горы Свобода не преуспел. Озлобившийся М.П. Бутурлин заявил даже, что если Свобода не закончит сада, то он распорядится «отпускать... жалованье по мере успеха, а не по времени, ибо я примечаю, что прошедшие времена с получением жалованья, делает Вас слишком покойным» [24, л. 28, 131 об.; 25, л. 44 – 48 об.]. Форсирование темпов работ привело к тому, что в последующие десятилетия этот участок в северо-

восточной части кремля стал большой проблемой для местных властей [5, с. 61–67].

Что же касается Александровского сада, то к нему долго не могли приступить, так как решили «для пользы казны» устройство производить не иначе, как «совокупно с работами самого Волжского Откоса» [24, л. 42]. Но они затянулись, велись напряженно и довольно хаотично. Лишь 11 июля 1841 года М.П. Бутурлин сообщил руководителю строительных работ П.Д. Готману: «По Высочайшей воле придворный садовник Пельцель прибыл ныне... рекомендую... сделать распоряжение, чтобы ежедневно было к нему посылаемо вольнонаемных хороших рабочих людей 25-ть человек, а потом, когда потребует, и до 50-ти умножать; людям сим быть с садовником Свободою на Волжском же Откосе, где Пельцель будет разводить сад. Причем рекомендую... находиться и получать от Пельцеля все подлежащие по сему предмету сведения... капитану Яфимовичу, которого совершенно успешно устройство в Кремлевском саду дает мне полную надежду, что и на Волжском Откосе он с таковым же усердием и успехом и сей сад к желаемому устройству приведет» [26, л. 15 – 15 об.].

Месяц спустя, 12 августа 1841 года, из канцелярии губернатора на имя П.Д. Готмана ушло очередное уведомление: «Придворный садовник Пельцель, возвращаясь к своему месту в Москву, имеет быть сюда в течение сентября месяца, доложил мне, что он для безостановочного продолжения работ по саду на Волжском Откосе сделал на месте все надлежащие указания, как-то: назначены выемка по местам и насыпки куда следует земли, обозначение клумб и дорожек и... отделки сих последних, равно и назначение той местности, которая к выстилке дерном подлежит» [26, л. 22 – 22 об.].

Другим человеком, на которого рассчитывал М.П. Бутурлин, был Мурашкин – помощник Свободы, производивший работы «как при Пельцеле, так и в отсутствие его... с большим усердием и успехом, признаваемым и по возвращении Пельцеля из Москвы». Толково проявил себя и подрядчик – нижегородский купец 1-й гильдии Д.И. Климов, принявший в октябре 1841 года поставку деревьев для сада на Откосе «согласно предъявленному мне отношению главного садовника Пельцеля» [26, л. 26 об., 28 – 28 об., 89].

Наконец, в ноябре 1841 года в письме на имя Главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий генерал-адъютанта графа К.Ф. Толя М.П. Бутурлин сообщал, что «отделка сада производима была в нынешнем лете главным придворным садовником Пельцелем весьма успешно, так что начав работу в конце лета, он

отделал почти половину сада, более же потому не мог распространить отделку, что местность не вся еще свободна от земли, которую должно свезти на окончание работ Откоса и исправление сделавшихся на оном обвалов» [27, л. 105 об.]. Вероятно, не стало особой помехой и аномальное погодное явление – снег, выпавший в Нижнем Новгороде в первых числах сентября и покрывший землю «до 5 дюймов» (около 13 см) [17, с. 303].

Основные работы продолжались до 1844 года. Примерно в это же время (в сентябре 1843 года?) прекратились и поездки Пельцеля в Нижний Новгород, растянувшись, таким образом, почти на восемь лет. Одним из последних свидетельств его пребывания в городе стал рапорт на имя М.П. Бутурлина от 6 октября 1842 года, в котором он сообщал о необходимости устройства колодца «для поливки дерев в саду, устраиваемом при Волжском Откосе» [24, л. 129 – 129 об., 138 – 138 об.; 28, л. 1 – 1 об.].

После завершения дел в Нижнем Новгороде, Пельцель оставался главным садовником оранжерей при Александринском дворце, являлся инспектором садов дворцового ведомства, а также состоял действительным членом Российского общества любителей садоводства и принимал участие в устраиваемых Обществом выставках [6, с. 98; 7, с. 111, 116, 117–118]. В преддверии одной из них, в апреле 1856 года, Ф.С. Пельцель был награжден малой золотой медалью «за сорокалетние вполне добросовестные труды по садоводству» [3]. Год спустя сообщалось об избрании его действительным членом Комитета акклиматизации растений, учрежденного при Императорском Московском обществе сельского хозяйства с целью «содействия к отысканию, водворению и распространению полезных растений в России» [18].

В справочниках Москвы 1850-х годов можно обнаружить баварского подданного *Франца Пальцера*, проживавшего в Серпуховской части Москвы, «в д[оме] Александринск[ого] дворца» [14, с. 211; 15, с. 200]. Видимо, речь идет о все том же Ф.С. Пельцеле. Это тем более вероятно, что Франкония, (уроженцем которой он, скорее всего, являлся), вошедшая в самом начале XIX столетия в состав Баварии, к середине века уже прочно ассоциировалась с этим королевством.

Более детальный портрет садовника можно представить в ходе дальнейшего изучения источников, в частности, документов из фонда Дворцового отдела Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва). Не исключено, что содержа-

щиеся в них сведения внесут некоторые коррективы и дадут возможность более подробно осветить его «нижегородский след».

Тем не менее, все вышесказанное позволяет уже сейчас сделать вполне определенный вывод: Карл Петцольд, автор блестящих произведений, выполненных в ряде стран, не имел никакого отношения к устройству Александровского и Кремлевского садов. Напротив, добросовестный ремесленник-садовод Франц Семенович Пельцель (? – после 1861) – человек, причастный к масштабным градостроительным преобразованиям Нижнего Новгорода эпохи Николая I.

Источники и литература

1. Азбучный указатель имен русских деятелей, имеющих быть помещенными в «Биографический словарь», издаваемый Императорским русским историческим обществом. Часть II // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 62. СПб., 1888.

2. *Баулина В.В.* Сады и парки Горьковской области. Горький, 1981.

3. Внутренние известия // Московские ведомости. 1856. № 56, 10 мая.

4. *Воронина О.Н.* Ландшафтная архитектура нижегородских парков: монография. Н. Новгород, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bibl.nngasu.ru/electronicresources/uchmetod/landscape_arch/848701.pdf (дата обращения 15.06.2018).

5. *Еремин И.О.* Противооползневые работы на территории при доме военного губернатора: исторический опыт и перспективы // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 года. Н. Новгород, 2002.

6. Журнал садоводства, издаваемый Российским обществом любителей садоводства. 1861. Т. I. № 5. Май.

7. Журнал садоводства, издаваемый Российским обществом любителей садоводства. 1861. № 6. Июнь.

8. Журнал садоводства, издаваемый Российским обществом любителей садоводства. 1861. № 11. Ноябрь.

9. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, расположенных на территории Нижнего Новгорода: в двух книгах / [отв. ред. А.Л. Гельфонд]. Н. Новгород, 2017. Кн. I.

10. *Касаткин А.* Село Царицыно. Рукопись, извлеченная из архива / публикация, предисловие и примечания Е.Д. Кокоревой // Московский журнал. 2012. № 8.

11. *Кицук Алла*. Пюклер фон Мускау, выдающийся паркостроитель XIX века, и его влияние на устройство садов и парков Западной Европы и России // Садово-парковая культура России: материалы III научно-практической конференции памяти В.А. Агальцовой «Сады и парки России» (16–20 мая 2012 года) и научно-практической конференции «Вклад европейских ландшафтных архитекторов в формирование садово-парковой культуры России» (4–8 сентября 2013 года): [сб. ст.]. Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2014.

12. *Любецкий С.М.* Окрестности Москвы в историческом отношении и в современном их виде. Для выбора дач и гуляний... Изд. 2-е. М., 1880.

13. Материалы для биографии А.И. Герцена. Вып. I. Отрывки из воспоминаний М.К. Рейхель и письма к ней А.И. Герцена. М., 1909.

14. *Нистрем К.* Книга адресов жителей Москвы. Ч. 2: Алфавит купечества, чиновников неслужащих и иностранцев в Москве. М., 1856.

15. *Нистрем К.* Книга адресов жителей Москвы. Ч. 2: Книга лиц неслужащих. М., 1857.

16. *Орельская О.В., Петряев С.В.* Набережные Нижнего Новгорода. Правобережье. Верхние набережные. Н. Новгород, 2016.

17. Происшествия // Нижегородские губернские ведомости. 1841. Прибавление к № 44.

18. Протокол экстраординарного собрания Комитетов акклиматизации растений и животных // Московские ведомости. 1857. № 91, 30 июля.

19. *Регель А.* Изящное садоводство и художественные сады: историко-дидактический очерк. СПб., 1896.

20. *Собко Н.П.* Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч. С древнейших времен до наших дней (XI–XIX вв.). Том III. Вып. 1: П (700 имен). СПб., 1899.

21. *Филатов Н.Ф.* Нижегородское зодчество XVII – начала XX века. Горький, 1980.

22. *Филатов Н.Ф.* Нижний Новгород. Архитектура XIV – начала XX в. Н. Новгород, 1994.

23. *Шамурин Юрий.* Подмосковные. Книга вторая. М., 1914.

24. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 669. Оп. 318. Д. 311.

25. Там же. Д. 1049.

26. Там же. Д. 597.

27. Там же. Д. 721.

28. Там же. Д. 881.

Максим Горький и Ольга Каменская: к истории взаимоотношений

Н.Ю. Толмачева

Есть люди, которые оставляют глубокий след в памяти, в душе человека, невзирая на то, что общение их было недолгим и далеко не безоблачным. Так однажды совершенно случайно молодой нижегородский цеховой Алексей Пешков встретил в 1889 г. в своем родном городе обаятельную неординарную женщину, которую безумно полюбил. Внезапно вспыхнувшая любовь к прекрасной незнакомке доставила молодому человеку много душевных и физических мук. Это была Ольга Юльевна Каменская, урожденная Гюнтер. К моменту их знакомства Каменская была замужем и имела маленькую дочь Ольгу. В то время Горький работал писмоводителем у адвоката А.И. Ланина, квартира которого находилась в первом этаже доходного дома С.М. Андреева. Дом сохранился до наших дней (в несколько измененном виде). Сейчас это дом № 18 на улице Минина (бывшей Жуковской).

В этом же доме по соседству с Пешковым поселилась и Каменская после высылки ее полицией на родину вместе с гражданским мужем Болеславом Корсаком, политическим ссыльным, за плечами которого было пять лет каторги.

Кто же такая Ольга Каменская и какую роль она сыграла в жизни начинающего писателя?

Ольга Юльевна была старше Алексея Максимовича почти на десять лет. Родилась она в 1859 г. в Нижнем Новгороде в многодетной семье врача и акушерки Гюнтер. Воспитывалась у тетки в Белостоке, где окончила Институт благородных девиц. Затем училась в Москве на Высших акушерских курсах, вышла замуж за студента сельхозакадемии Ф.Ф. Каменского, в браке с которым у них родилась дочь Ольга. Через несколько лет из-за тяжелого психического заболевания мужа Каменская была вынуждена уехать от него. И вскоре Ольга Юльевна стала гражданской женой политического ссыльного, друга ее мужа, Б.П. Корсака, с которым и приехала в сентябре 1888 г. в Нижний Новгород. С ними жила и маленькая дочь Каменской, к которой Алексей Максимович сразу же проникся нежным искренним чувством.

Каменская покорила молодого Пешкова не только своей красотой. Эта женщина обладала веселым нравом, легко переносила жизненные трудности и была очень талантлива. Алексей Максимович безумно любил ее и пытался уговорить свою возлюбленную оставить Корсака и уйти к нему. Но обстоятельства сложились так, что его новые знакомые вскоре уехали из Нижнего за границу: сначала Корсак, а чуть позже и Ольга Юльевна с дочерью. В полном отчаянии весной 1891 г. Алексей Максимович ушел из родного города с целью добраться до Парижа и разыскать там свою возлюбленную. Но на границе его не пропустили, и будущий писатель продолжил путь по Бессарабии, Кавказу, Крыму (результатом этих странствий станет цикл рассказов «По Руси»). И только в 1892 г. он случайно в Тифлисе вновь встретил О.Ю. Каменскую и предложил ей жить вместе. 4 декабря 1892 г. Ольга Юльевна с дочерью приехала к Алексею Максимовичу в Нижний Новгород. До декабря 1894 г. они жили одной семьей.

О совместной жизни с Каменской Горький поведал в автобиографическом рассказе «О первой любви», который был написан под впечатлением ошибочного известия о смерти некогда любимой им женщины, полученного писателем в 1921 г. В этом произведении Горький показал Каменскую не только как красивую, интересную женщину, но и как талантливого человека. Из простого материала она могла сшить прелестный наряд, из обрывков тканей соорудить модную шляпку. Каменская переводила зарубежные романы, рисовала портреты, делала чертежи на заказ, имела сценический талант. Горький отметил, что «она была правдива в желаниях, мыслях и словах» [1, с. 230].

Однако совместная жизнь Горького с Каменской была непродолжительной, начиная с помещения, в котором они квартировали. «Мы сняли, за два рубля в месяц, особняк – старую баню в саду у попа. Я поселился в предбаннике, а супруга в самой бане, которая служила и гостиной. Особнячок был не совсем пригоден для семейной жизни, он промерзал в углах и по пазам. Ночами, работая, я окутывался всей одеждой, какая была у меня, а сверх ее – ковром и все-таки приобрел серьезнейший ревматизм» [1, с. 224], – констатировал Горький. Судя по откровению писателя, условия жизни в этом доме были вредными для здоровья. Но они задолжали попу и не могли переехать на другую квартиру. Дом этот не сохранился. По свидетельству горьковедов А.И. Елисеева [2, с. 40], он стоял при-

мерно на месте дома № 119 на улице Максима Горького (бывшей Полевой). В «поповой бане» были написаны «Дед Архип и Ленька», «Старуха Изергиль», «Челкаш», цикл новелл «Маленькие истории», повесть «Горемыка Павел» и другие произведения.

Как отметил писатель, его любимая женщина никогда не жаловалась на житейские трудности. Но, с другой стороны, как следует из текста рассказа, едва заработав немного денег, по инициативе Каменской они приглашали на ужины людей, любящих «сытно поесть и хорошо выпить». Эти люди были совершенно чужды писателю, он считал их пустыми. К тому же, Ольга Юльевна кокетничала с некоторыми из них, а Горький «не любил пошлых людей» [1, с. 229]. Молодому человеку не нравилось, что его «неугомонно веселая женщина» возбуждает эмоции «не очень высокого качества». И через два года Алексею Максимовичу стало невмоготу вести подобный образ жизни: «На третий год совместной жизни я стал замечать, в душе у меня что-то зловеще поскрипывает и – все звучнее, заметней. Я непрерывно, жадно учился и начал серьезно увлекаться литературной работой; мне все более мешали гости, люди малоинтересные, они количественно разрастались» [1, с. 231]; «Я чувствовал, что такая жизнь может вывихнуть меня с пути, которым я иду. Я уже начинал думать, что иного места в жизни, кроме литературы, – нет для меня. В этих условиях невозможно было работать» [1, с. 235].

Ольга Юльевна понимала, что гости мешали Алексею Максимовичу сосредоточиться, но по приглашению его жизнерадостной спутницы шумные кампании все равно приходили. Позже Каменская вспоминала, как Горький выпроваживал надоевших гостей: «Случалось, выйдет, встанет у дверей, посмотрит на всех сумрачно и скажет, сильно напирая, по обыкновению, на букву “о”. – В Китае есть такой обычай – гости посидят, посидят и уйдут» [3, с. 48]. К тому же Горькому не нравились участвовавшие отъезды Каменской к Корсаку, вернувшемуся в Россию. Когда она уезжала, Горький писал ей письма, в которых признавался в любви, сетовал на свое одинокое безрадостное существование и размышлял об их совместной жизни. К примеру, в письме, датированном 1 июня 1893 г., он рассуждал: «Жили мы больше скверно, чем хорошо. Еще так жить я бы не мог. И мне очень больно чувствовать, что я люблю тебя» [4, с. 47].

Следует отметить, что ответы на письма Горький получал далеко не всегда. В письме от 18 июня 1893 г. он снова дал оценку своему чувству к любимой женщине: «Мое настоящее чувство к тебе

едва ли любовь, для любви оно грустно и больно. <...> Мне дорога ты, Леля, как все лучшее в моей жизни» [4, с. 52]. И в этом же письме Горький предложил Каменской жить в Тифлисе одной семьей с ним и Б. Корсаком. «Ты была бы нашей общей и очень плохой – хозяйкой, Лелька училась бы. Хорошо! У меня была бы семья! Тогда и всем было б хорошо, ибо я не покладая рук работал бы и деньги мы огребали б лопатой» [4, с. 52], – предположил Горький. Подобное заявление удивило и озадачило Каменскую. И она уехала из Петербурга в Нижний, а Корсак отправился на Кавказ один. Несколько недель счастья, и снова размолвки.

Слишком разное отношение к жизни, разный духовный уровень, разные устремления были у Горького и Каменской. «В ее философии я чувствовал избыток гинекологии, и мне казалось, что евангелием ей служит «Курс акушерства» <...>. Плохо действовал на меня ее институтско-парижский нигилизм» [1, с. 230], – признался Горький. По словам писателя, Каменская не считала нужным осложнять жизнь «поисками какого-то особенного смысла в ней». Для Горького, напротив, «жизнь была серьезной задачей». Он стремился постичь смысл жизни и найти свое место в ней.

Продолжая работать письмоводителем у Ланина, Горький также писал рассказы, которые с 1893 г. стали появляться на страницах нижегородской газеты «Волгарь».

И когда однажды его любимая женщина уснула утром во время чтения Горьким только что написанного им рассказа «Старуха Изергиль», он испытал «боль глубокого укола обиды». Надежды молодого писателя на взаимопонимание с Каменской рухнули, следствием чего стал разрыв их отношений. В конце февраля 1895 г. по совету и с рекомендацией В.Г. Короленко Горький уехал в Самару, где начался новый этап становления писателя. Но Алексей Максимович все же был благодарен своей первой женщине за тот жизненный опыт, который обрел с ней.

Однако несмотря на то что Горький уехал, Ольга Юльевна сразу стала ему писать с целью возобновления их отношений. Видимо, ей не хотелось верить, что разрыв окончательный. Горький тут же ответил бывшей возлюбленной: «Я <...> не виню тебя ни в чем и ни в чем не оправдываю себя, я только убежден, что из дальнейших отношений у нас не выйдет ничего. Т. е. может выйти много худого. Кончим. Будет. <...>. Днем позднее, днем раньше – мы разошлись бы все-таки. Прощай!» [4, с. 74–75]. Но и после такого кон-

кретного ответа Каменская не сразу успокоилась, а продолжала писать Горькому. На вопрос Каменской об их будущих отношениях Горький отвечал: «С невозможностью продолжать наши старые отношения – помирись, тогда <...> я могу вполне свободно <...> отдать тебе мою дружбу <...>. Если ты способна не говорить со мной о твоей любви ко мне – о чувстве, в которое я не верю и которое больше не нужно мне, <...> можешь всегда смотреть на меня как на человека тебе близкого и всегда готового помочь тебе жить» [4, с. 79]. Писала Горькому в Самару и дочка Каменской. В ответном письме от 2 апреля 1895 г. Алексей Максимович дал ей напутствие, как надо жить, чтобы не быть одинокой: «Цени людей и дорожи их вниманием к тебе. Это очень важно для жизни. <...> Не нужно никому позволять брать над собой верха, не нужно подчиняться людям без желания, нужно смотреть на каждого как на равного себе, не выше, – но никогда и не ниже себя» [4, с. 82]. Причину разрыва с ее матерью он объяснил девочке так: «Твоя мама не дорожила людьми – и вот осталась одна, тоже будет и с тобой, если ты не будешь вдумываться в них, будешь небрежна к ним или заносчива» [4, с. 82].

В этом же письме Горький призвал Ольгу окружить мать вниманием, почаще доказывать свою любовь к ней, так как у мамы нет более близкого человека, чем дочка. В свою очередь, писатель заботился о дочери Каменской, как мог. В одном из писем к Каменской из Самары Алексей Максимович обещал выслать ей деньги, сколько сможет. На протяжении всей жизни Горький помогал деньгами и Каменской, и ее дочери. Сохранились письма обеих женщин с просьбами о материальной помощи в адрес писателя и его секретаря П.П. Крючкова. Так в одном из писем О.Ф. Лошаковой-Ивиной (дочери Каменской), отправленном Горькому в Сорренто в начале декабря 1931 г., говорится: «Вы, дорогой Алексей Максимович, не можете не понимать, что маме тяжело так часто обращаться к Вам с просьбами о деньгах <...>. И как было бы хорошо, если б этот денежный вопрос Вы захотели для нее урегулировать» [5, с. 357]. В том же письме дочь Каменской оправдывалась, что деньги они тратят «на нужду, а не на прихоть». Были письма матери и дочери и с просьбой о встрече. После разрыва Горький и Каменская виделись всего лишь раз, спустя много лет, да и то случайно.

Последний аккорд в отношениях Горького и его первой женщины прозвучал уже после смерти писателя. В ноябре 1937 г. О.Ю. Каменская написала письмо в адрес Е.П. Пешковой и П.П. Крючкова. В нем она сообщала, что в рассказе «О первой любви» «очень много фантазии и литературы», что Горький «не любит свою личную жизнь, так как это материал крайне плохо им обработанный и что для него личная жизнь есть только литературный материал» [5, с. 364]. Каменская многое опровергала из рассказа «О первой любви». В частности, о так называемой поповой бане она писала следующее: «Когда наши материальные обстоятельства стали лучше, мы переехали в хорошенький домик в саду, с квартирой в три комнаты, с передней, кухней, с большими сенями. К дому еще примыкала двухэтажная беседка. И за два года, что мы там прожили, я не видела попа» [5, с. 364]. Отрицала она и то, что была равнодушна к творческой работе начинающего литератора, писала, что никогда не окружала себя пошлыми людьми, никогда не веселилась и не пела шансонеток и никогда не была в тягость Алексею Максимовичу в смысле денежном. Каменская возмутилась книгой А. Раскина «М. Горький», в которой описывалась нескладная семейная жизнь молодого Пешкова и упоминалось о вмешательстве в его судьбу В.Г. Короленко. Ольга Юльевна просила Е.П. Пешкову и секретаря Горького ограждать ее «от незаслуженных оскорблений в печати» [5, с. 365]. На что Екатерина Павловна ответила, что с письмом будут разбираться, и вполне справедливо посетовала: «Как жаль, что Вы не написали об этом еще при жизни Алексея Максимовича» [5, с. 366]. При содействии Е.П. Пешковой на Введенском кладбище Москвы на мраморной плите на могиле О.Ю. Каменская выведена надпись: «Все порядочные и любящие хорошие люди будут любить Вас. Горький».

Источники и литература

1. Горький М. Собр. соч. в 25 т. Т. 16. М., 1968–1976.
2. Елисеев А.И. А.М. Горький в Н. Новгороде – Горький, 1974.
3. А.М. Горький нижегородских лет. Воспоминания / А.И. Елисеев, С.С. Зимица. Горький, 1978.
4. Горький М. Письма. Полн. собр. соч. в 24 т. Т. 1. М., 1997.
5. Горький и его корреспонденты / Л.А. Спиридонова. М., 2005.

О поэте Федоре Сухове

Е.Ф. Сухова

Федор Григорьевич Сухов родился 14 марта 1922 г. в селе Красный Осёлок (ныне – Лысковский район Нижегородской области), в старообрядческой семье. Мать поэта Мария Ивановна, урожденная Архипова, была взята из села Великовского, бесприданницей, в зажиточную семью:

В дом чужой, волнуясь и робея
По зиме пожаловала ты,
Ничего на свете не имея,
Кроме кареглазой красоты
По одной ходила половице,
Чашу горя выпила до дна,
В проруби хотела утопиться,
Да вода-то больно холодна... [1, с. 20]

Дед поэта, Петр Матвеевич, и бабушка, Анисья Максимовна, уже отделили старших сыновей. Григорий Петрович, живший с ними младший сын, кузнец, мастер на все руки, был вдовцом с двумя детьми. Фёдор стал его третьим ребенком:

Голодный март 22-го года,
По-старому начальный день весны,
И в этот день явился я на свет,
Не вовремя явился.
Не на радость
Двадцатилетней матери.
А мать
Толкла кору осиновою в ступе [1, с. 345].

Грамоте Федор учился у деда, хозяина мельницы, по Псалтыри, «ученье – свет, а не ученье – тьма, говаривал мой дед...», ходил вместе с ним в моленную-келью Красного Осёлка молиться, где собирались три старообрядческие семьи, остававшиеся верными «приверженцами древнего благочестия»: Воронины, Родионовы и Суховы, от бабушки слушал истории о блаженных и праведниках, «она была великой мастерицей, слагала песни бабушка моя»:

Я в староверском возрастал дому,
И потому, наверно, потому
Я о взыском тоскую граде [1, с. 546].

Родителям некогда было учить сына, они от зари и до зари работали, чтобы не умереть с голоду:

Я свято чтил родителя Григорья,
Его мозоли свято озирал.
А он смирился с участью раба,
Он знал, какая поднялась борьба,
Возвысилась какая диктатура...
И потому понурено, сутуло
У верстового столбенел столба [1, с. 546].

Ф. Сухов запомнил многое из своего детства: и коллективизацию, и раскулачивание, и плач по сосланным неведомо куда «кулакам»:

Их ссылали, их гнали на Соловки,
Знать, такая судьба, знать, планида такая.
Под дождем да под снегом они волоклись,
Уроженцы приволжского знатного края [1, с. 498].

Разорение храма и моленной в Красном Осёлке, сожжение икон, разграбление церковной утвари, уничтожение священных книг навсегда врезались в детскую память:

Обезглавлены колокольни,
Наземь сброшены колокола...
Кони, кони, каурые кони,
Больше нет ни кола, ни двора [1, с. 313].

Все это Ф. Сухов с беспощадной правдой описал в своей неоконченной повести о детстве «Буреполом», ставшей его последним произведением, к сожалению, изданным только через 25 лет после смерти поэта [2]. Ф. Сухову очень хотелось написать историю своего села, вспомнить и отдать дань памяти не только родным, но и всем жителям Красного Осёлка, который он беззаветно любил и прославил на всю Россию. Две его поэтических книги были названы «Красный Осёлок». Фильм, снятый Горьковской студией телевидения в 1971 г., посвящен не биографии и заслугам Сухова (фильм должен был стать подарком к его 50-летию), а крестьянам-труженикам (так захотел поэт), поэтическим красотам родных мест, и назван был строчкой из стихотворения поэта «Село мое Красный Осёлок».

Учился Федор Григорьевич сначала в Красносельской начальной школе с 1929 по 1931 г., а потом до 1934 г. бегал каждый день туда и обратно в соседнее село Просек за пять километров, с горы на гору, по весенней распутице, по осенней грязи, в суровые морозы в школу-семилетку. Тяга к учебе, любовь к литературе, рано

проявившиеся у деревенского подростка, в 1937 г. привели его в Лысковский сельскохозяйственный рабфак, который дал ему дорогу в жизнь. Особенно был благодарен поэт за развитие своего таланта преподавательнице русского языка и литературы рабфака А. Смирновой. Она смогла заметить застенчивого паренька из бедной крестьянской семьи и развить в нем любовь к поэзии. Федор обучался там непосредственно перед войной, поэтому, когда его мобилизовали летом 1941 г., то отправили не рядовым на фронт, а в военное училище в Ташкенте, из которого он вышел младшим лейтенантом в 1942 г. Возможно, это и спасло ему жизнь. Боевое крещение поэт принял 10 июля 1942 г. на станции Узень под Воронежом. «Три кромешных, сумасшедших года убивали голову мою. Залегла поблизости пехота, я у пушечки своей стою. У своей стою сорокопятки в кирзовых тяжелых сапогах, устоять бы только, только б выжить...».

Об одном факте военной биографии Федор Григорьевич вспоминал в предисловии к книге «Земляника на снегу»: «Зимой 1943 года наш противотанковый батальон пробивался к курскому селу Волоконску. Противник принудил нас залечь, все время был термитными снарядами, я видел, как заживо горели мои товарищи. И тогда я читал, как молитву, стихи, тайно думал, что меня не убьют, и только потому, что я пишу... 14 апреля 1944 года я увидел первое свое напечатанное стихотворение. Мы стояли в обороне под Жлобином, недалеко от Язвина, небольшого полесского хуторка. Принесли газеты. В газете «Красная Армия» красовались мое имя и фамилия под двумя столбиками стихотворных строк. Теперь я еще больше уверовал, что меня не убьют, – поручкой тому только что напечатанные стихотворные столбики». [1, с. 16].

Победу поэт встретил в Восточной Пруссии. Был трижды ранен. За боевые заслуги перед Родиной Ф.Г. Сухов награжден медалью «За отвагу», орденами Красной звезды и Отечественной войны II степени. Орден Отечественной войны он получил в конце войны, за разведывательную операцию 20 марта 1945 г. в ходе боев за Данциг (ныне – Гданьск). Благодаря Сухову, который вел на немецком языке переговоры с солдатами противника, прекратили сопротивление и сдались в плен 28 немцев.

Война оставила тяжкий след в нежной душе поэта:
Нас в телячьих вагонах везли на войну,
Пахло прелой соломой в телячьих вагонах...
Искушая свою и чужую вину,
Гибли мы – от бомбежек – на всех перегонах [1, с. 539].

Гордостью проникнуты строки поэта-фронтовика:

Все пули летели в меня,
Свои и чужие летели,
Три года – в крошечном огне,
Три года в великой печали, –
Не я убивал на войне,
Меня на войне убивали [1, с. 478].

Ф. Сухов демобилизовался в 1946 г. Вернулся домой в Красный Осёлок. Его стихи опубликованы в центральных армейских газетах, он чувствует в себе потребность высказаться, излить свою душу в стихах, но его ждет работа в колхозе. И лишь иногда «Горьковская коммуна» публиковала стихи колхозника Ф. Сухова, бывшего офицера-артиллериста.

Летом 1949 г. С. Шуртаков, известный советский писатель, уроженец Сергачского района, в то время профорг студенческого профкома Литинститута, помог Сухову попасть на прием к А. Фадееву, знаменитому автору «Молодой гвардии», секретарю Союза писателей СССР, который принял живое участие в судьбе фронтовика-орденоносца, включив его в число студентов знаменитого Литинститута, выдав ему денег на одежду и питание. Ф. Сухов очень гордился этим и не подвел писателя, закончил вуз с отличием, единственным на курсе.

Друг Сухова, поэт В. Субботин писал, что из тех, с кем он учился в Литинституте, самым замечательным был Сухов: «Он только что пришел с войны и еще не растерял многих приобретенных на фронте привычек. Курил огоньком в рукав, как курят только на передовой, в виду противника, и в жизни, и в быту мог довольствоваться малым, жил на стипендию, одет был кое-как, мог есть, мог и вообще не есть. Нуждался и голодал он, больше, чем остальные студенты. Постоянно был занят только одним, стихами, ничего не делал для того, чтобы заработать на хлеб, не брал никакой посторонней работы».

Б. Никольский, главный редактор журнала «Нева», вспоминал, что Сухов обладал какой-то чисто русской незащищенностью перед разного рода бытовыми неустройствами и жизненными неурядицами, но «в нем был крепкий, гнущийся, но не ломающийся жизненный стержень», он любил, как Сухов читал свои стихотворения. Одно из них Никольский особенно ценил. Высоко оценил его и известный критик В. Кожин.

Поэт Е. Евтушенко хорошо запомнил студента Сухова: «Дай Бог, чтобы все кончилось красотой, перед которой замираешь, понимая, что она и есть наше единственное сокровище! В Литинституте моего времени было много людей, которые именно так и относились к искусству. Вспоминается Ф. Сухов, закатывающий глаза и

поющий стихи: “Село мое Красный Осёлок стоит на высокой горе...”».

Писатель М. Шевченко запомнил интересный эпизод из жизни Литинститута. Фотография отличника Ф. Сухова висела на Доске почета. В 1950 г. преподаватель марксизма-ленинизма С.В. Щирова упрекнула отличника в том, что он старательно занимается по другим предметам, а к ее дисциплине относится несерьезно, и курсу, прежде чем выдвигать кого-либо на Доску почета, нужно советоваться со всеми преподавателями. Сухов подозвал преподавательницу к Доске почета, сорвал свою фотографию, изорвал ее и бросил в урну. У Щириной хватило ума и порядочности не раздувать далее подобное «идеологическое» дело, да и Ф. Сухов доказал ей, что эту науку он тоже в силах освоить, по основам марксизма-ленинизма получив «отлично».

Поэт еще в Литинституте не побоялся участвовать в самиздатовском студенческом журнале «Март». История получилась скандальная, с комсомольскими собраниями, предательством и попыткой исключения из комсомола и института. Авторами первого номера были друзья Сухова: Е. Карпов, К. Ковальджи, а также Е. Исаев, иностранцы – Р. Данецкий, К. Реоли и другие. «Все стали писателями, – писал в воспоминаниях Ковальджи, – наиболее известные – Ф. Сухов (по праву) и Е. Исаев (как последний лауреат Ленинской премии)». История с журналом закончилась внешне благополучно для всех ее участников, но только внешне: за Суховым на всю жизнь протянулся шлейф неблагонадежного. Зерна вольнодумства были давно посеяны в нем, и через несколько лет дали свои всходы. На фронте его приняли в члены коммунистической партии: «Я стал потому коммунистом, что вел меня в бой коммунист». В 1958 г. на собрании в Союзе писателей Сталинграда, куда поэт попал после окончания Литинститута в 1954 г., он выступил в защиту Л. Пастернака, которого знал по Переделкину. Так и сказал: «Что его обсуждать – прекрасный поэт!».

В течение нескольких лет Сухова подвергали травле в Волгограде. В 1972 г. он обратился за защитой и помощью к первому секретарю Горьковского обкома КПСС. Н.И. Масленникову, тот принял живое участие в судьбе поэта, не побоялся пригласить его вернуться на родину и распорядился выделить ему однокомнатную квартиру. Переезд поэта на родину активно поддержали секретарь горьковского Союза писателей, воин-разведчик И.И. Бережной и председатель Литфонда, дворянин, интеллигент, честнейший и благороднейший человек, Н.Г. Бирюков, который рискнул прописать его в своей квартире.

Поэтическая молодежь Горького встретила литератора в 1973 г. с восторгом. Он тут же был окружен почитателями своего таланта, и до сих пор его ученики составляют цвет нижегородской поэзии: А. Фигарев, Л. Калинина, Е. Эрастов. Ф. Сухов стал поэтической совестью города, активно выступал за возвращение ему исторического названия. Активно выступал в поддержку А. Солженицына, А. Сахарова. Были задержания и приводы в милицию при попытке вместе с поэтессой М. Аввакумовой прорваться к опальному академику. Приходилось отсиживаться в добровольной ссылке в Красном Осёлке, куда шли письма любителей русской поэзии, друзей поэта, просто незнакомых людей со всех концов России с благодарностью за стихи и просьбами помочь. Сухов всегда помогал обездоленным людям, даже находящимся в местах заключения. Кстати, название повести «Буреполом» (поселок в Нижегородской области) было связано с перепиской с одним из узников находившейся там колонии; ранее повесть планировалось назвать «Горицвет».

Несколько раз Сухова пытались исключить из партии, но он смог добиться отмены всех выговоров, в 1972 г. дошел до члена Политбюро ЦК КПСС А.Я. Пельше, а ряды КПСС покинул добровольно в 1987 г., уплатив все членские взносы, чтобы не исключили за неуплату. В 1989 г. режиссером Центральной студии документальных фильмов А. Васильевым был снят фильм «Поднимаю глаза свои к небу...», в котором поэт впервые громко заявил о своих взглядах. Фильм снимали в Красном Осёлке. В 1990 г. появился еще один фильм «Поэт и война», в него вошли кадры могилы родителей поэта, разоренной церкви, в нем звучат строки из поэмы «Былина о неизвестном солдате», суховское «не хвастайся, что убивал врага, ты убивал обманутого брата...» слышала вся страна. Поэт понимал, что без христианского очищения, покаяния и прощения трудно построить новое общество, он призывал похоронить старые, коммунистические идеалы, хранить память о предках, чтить родной нижегородский, аввакумовский «русский язык».

В 1991 г., уже тяжело больной, поэт всю ночь защищал от захвата здание Союза писателей на Комсомольском проспекте и защитил... Тогда же Ф. Сухову впервые предоставили слово на пленуме Союза писателей СССР. В своем выступлении он не стал, как тогда было модно и можно ругать прежнее руководство, не набросился на советских писателей с осуждением, а призвал их подняться над политической выгодой и служить истине, вдохновенно и мудро выступил в защиту русского языка, говорил о том, что литература призвана охранять «памятник-язык», этому должны служить писатели. Потеря языковой культуры – это неизбежная катастрофа для любого народа.

Ф.Г. Сухов по собственному завещанию был похоронен 8 января 1992 г. в могиле бабушки и дедушки на заброшенном староверском погосте в Красном Осёлке: «Ничего-то тут нет, ни креста, ни ограды, только взгорок, на взгорке тоскует рябина, вопиет она, тысяче-тысячекратно осеняет себя чистотой голубиной...»; сейчас там установлены чугунная ограда и гранитный крест. Центральная библиотека Лыскова с 2002 г. носит имя поэта. В 2012 г. в с. Красный Осёлок открыта музейная экспозиция, а на доме Суховых в 1997 г. – мемориальная доска.

Моя поэзия, моя жар-птица,
Боюсь не часа смертного. Боюсь,
Что может так случиться-получиться,
Когда ты скажешь: «Хватит. Расстаюсь».
И улетишь туда, где налитое,
Ржаное поле призрачно бело.
Оставив мне на память золотое
Навеки замолчавшее перо [1, с. 55].

Источники и литература

1. Сухов Ф. Вербное воскресенье. Волгоград, 2012.
2. Сухов Ф. Буреполом. Н. Новгород, 2017.

Еще раз об одной из исторических фальшивок П.И. Мельникова

А.В. Морохин

Историки неоднократно уже обращали внимание на тот факт, что известный литератор П.И. Мельников (1818–1883) являлся автором большого числа мифов нижегородского краеведения и откровенных исторических подлогов. [1, с. 95–98; 2, с. 125–137; 3, с. 20–22; 4, с. 98–108]. Одним из таких подлогов является купчая 1602 г., опубликованная П.И. Мельниковым в 1852 г. в журнале «Москвитянин». Документ представлял собой, с точки зрения публикатора, не что иное, как первое упоминание имени Кузьмы Минина. Спустя значительное время казанский историк А.Ю. Хачко доказал, что П.И. Мельников пошел на сознательную фальсификацию, вписав в документ никогда там не присутствовавшее ключевое слово «Минин» [5, с. 7–11].

Публикации заметки в «Москвитянин» в 1852 г. предшествовало обнаруженное нами письмо П.И. Мельникова редактору журнала М.П. Погодину (1800–1875), в котором он делился своим новым «открытием». Несмотря на то, что данный факт уже отмечался в ряде наших работ [6, с. 238; 7, с. 108] считаем возможным опубликовать этот источник полностью.

1852, февраль, 3. – Письмо П.И. Мельникова М.П. Погодину

Спешу сообщить Вам новое открытие о бессмертном Минине. До сих пор помним, что он был сын Мины и Минин было его отчество, теперь открылось, что настоящее имя выборного от всей Русские земли человека было *Козьма Захарьевич Минин – Сухорук*¹, открыто и место дома его в Нижнем Новгороде.

¹ Здесь и далее выделено курсивом автором.

Вы знаете, что в Нижнем Новгороде Высочайше устроена Временная Комиссия для разбора и печатания древних актов и что я член этой Комиссии. Вот одна из наших находок.

В архиве Нижегородского Губернского Правления найдена книга для записи купчих крепостей 7111 года. Между прочим написано в этой книге следующее.

«711 году ноября в 24 день Юрью Ивановичу Нелединскому да государеву дьяку Василью Панову явил дворовую купчую Ондрей Офонасьев сын Попов, а в купчей пишет: се аз Иван, Матвеев сын, прозвище Жилин, продал есмь в Нижнем Новгороде двор свой с садом и с огородом за городом² на Никольской стороне над Почайною Ондрею Афонасьеву сыну Попову, а в межах тот мой двор подле *Кузьмы Захарьева сына Минина Сухорука*, и по другую сторону Почайнский [о]враг, а позади Офонасьев двор Большое Бороды, а против через улицу Фоминский двор Кривов, а на дворе хоромы, изба да баня, да погреб, а двор в городьбе, а взял есми за тот двор свой с садом и с огородом и за хоромы у Ондрея 15 рублей денег, и вперед мне Ивану у Ондрея в тот свой двор не вступатися и очищати от роду своего и от племени, от кабал и от записей и от всяких крепостей, или учну сам вперед в тот свой двор у Ондрея вступатися и он Ондрей взятии на мне на Иване по сей купчей деньги во все 30 рублей и убытки, что он Ондрею учинится от кого убытки в моем неочищенье; а на той... Смирной Клементьев сын Малинка (?) да Василей Ефремов сын Неустроев, да Ортеха Тимофеев сын Попов, и купчую писал Демедко Иванов сын Маланка, лета 7111 году...».

Следовательно, дом Минина находился близ нынешнего Зеленского съезда и Никольской церкви, что на Большой Покровке. Сообразно Сотной грамоте 1621 года, думаю, что это слева нынешнего дома причта Кафедрального Собора.

Кстати о соборе и Минине. Известно ли Вам, что над гробом Минина освящен августа 1851 г. храм во имя Казанские Богородицы ради избавления ею от Литвы? По сторонам два придела еще не освященные: Димитрий Солунский /ангел Кн. Пожарского/ и бесребреника Кузьмы /ангел Минина/. Храм 20 сажень длины, 12 сажень ширины, т. е. во весь собор. Устроен он нижегородским купечеством. И вот недавно 17 января в этом храме было замечательное торжество: пред выборами в городские должности преосвященный приводил купцов и мещан и обывателей к присяге над гробом Минина.

НИОР РГБ. Ф.231 / II Картон 20. Ед. хр. 92. Л. 15–16.

²То есть Кремлем (*прим. П.И. Мельникова*).

Источники и литература

1. *Морохин А.В.* К вопросу о посещении Петром I гробницы Кузьмы Минина в мае 1722 г. // Записки краеведов. Н. Новгород, 2010.
2. *Пудалов Б.М.* Третье имя на обложке (К вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611–1612 гг.) // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Н. Новгород, 2010.
3. *Чеченков П.В.* Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV – начала XVI в. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святые земли Нижегородской. Нижегородский кремль». Н. Новгород, 2010.
4. *Чеченков П.В.* Об одном топонимическом недоразумении // Проблемы исторической демографии и исторической географии. М. – Н. Новгород, 2010. Вып. 2.
5. *Хачко А.Ю.* Как звали Минина (купчая 1602 г.) // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Н. Новгород, 2003.
6. *Морохин А.В.* Личность и деятельность Кузьмы Минина в работах нижегородского историка П.И. Мельникова // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. Рязань, 11–12 апреля 2011 г. Рязань, 2011.
7. *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017.

Служебные поручения П.И. Мельникова (1848–1849)

О.В. Аксянова

8 апреля 1847 г. П.И. Мельников был назначен чиновником особых поручений при Нижегородском военном губернаторе [1, с. 92]. За три года нахождения на этой должности он исполнил 87 поручений, большинство из которых имели секретный статус [1, с. 95]. Все они в целом были связаны с охраной государственной безопасности и общественного спокойствия. Однако большая часть заданий, выполненных Мельниковым, заключалась в проведении расследований по делам, касавшихся старообрядцев [2, с. 37–40].

О характере этих дел дает представление хранящееся в Центральном архиве Нижегородской области дело канцелярии Нижегородского военного губернатора «По рапортам Старшего Чиновника особых поручений Мельникова с представлением ведомости о делах» [3]. Оно содержит документы с 14 января по 6 октября 1849 г. Ниже публикуются некоторые из них.

Документ № 1

1849, январь, 14. – Ведомость делам, находящимся на поручении старшего чиновника особых поручений Мельникова

№ п/п	Когда поступили	Название поручений	На каком положении находится
1	1848 сентября 16 за № 540	О собрании сведений о раскольнических скитах и моленных	Сведения собраны, теперь изготавливаются печенные ведомости
2	1848 сентября 16 за № 534	О мещанине Кашине	Кашин обратился в единоверие. Представлено господину Военному Губернатору 25 декабря 1848 с просьбой разрешения о прекращении следствия
3	1848 декабря 24 за № 910	О священнике Андрее Афанасьеве	В настоящее время этого поручения исполнить нельзя
4	1848 октября 6 за № 608	О незаконных вещах раскольников, живущих в скитах	Послано отношение к Семеновскому Городничему 11 января № 11
5	1848 октября 20 за № 166	О сборных раскольнических книгах	Послано отношение к Балахнинскому исправнику 4 января № 1
6	1848 октября 26 № 609	О вновь найденных моленных в Оленевском ските	Проводятся секретные расследования

7	1848 июля 3 за № 418	О беспорядках в Керженском ските	Представлено Губернскому правлению о высылке в Семенов из Московской губернии крестьянина Панкратия Александрова 13 января № 8
8	1848 сентября 26 за № 537	О подложном Высочайшем указе, найденном в Керженском ските ³	Представлено Губернскому правлению 4 ноября по представлению 13 января № 9
9	1848 июля 29 за № 420	О совращении в раскол крестьян Козловых	Послано отношение к Семеновскому исправнику 13 января № 13
10	1848 сентября 19 за № 550	О моленных в Семеновском ските и бывших в них поправках	Занятый преимущественно собранием сведений и другими делами не приступил к исследованию этого дела
11	1848 декабря 11 за № 14834	О сломании бани у пономаря села Неклюдова приказа 2 стана Семеновского уезда	Потребовано объяснений от пристава 10 января № 6
12	1848 января 18	Переданное стар[шим] ос[обых] пор[учений] Голобоковым о притеснениях крестьян единовер[цев] Репнина ⁴ Балахнинской Земской полицией	Представлено Губернскому правлению об отыскании крестьянина Александра Шильнева и послано отношение в Балахнинский Земский Суд 12 января № 1

³ Подложный царский указ о свободе богослужения для старообрядцев, написанный рукой монаха Дионисия (Дмитрия Рахманова), был обнаружен П.И. Мельниковым при обыске Керженского скита.

⁴ Князь Василий Николаевич Репнин-Волконский (1806–1880), с 1845 г. – владелец с. Никольский Погост Балахнинского уезда Нижегородской губернии.

13	1848 Января 11	О поломке машины «Надежда» бывшей с ржаным хлебом	Отыскав, исчез Сарапульский купец Михаил Колчин ⁵ , послано отношение к Сарапульскому городничему 23 декабря № 24
14	1848 июля 29 за № 9806	О стеснении мешанина Пожалова уплатой пошлинно-го судебного сбора	Послано отношение к Пароходничему 9 декабря № 5 и к начальнику судоходства в Вельегонске 9 января № 4
15	1848 август 31 за № 13048	О притеснении крестьян графини Блудовой ⁶ местным начальством и Балахнинским исправником	Послано отношение к Балахнинскому исправнику 10 января № 10

Старший чиновник особых поручений Мельников.

ЦАНО. Ф. Оп. 4. Д. 2856. Л. 3. Рукописный подлинник.

Документ № 2

1849, февраль, 2. – Ведомость о делах старшего чиновника особых поручений Мельникова по 1 февраля 1849 г.

№ п/п	Время получения	Название дела	За чем остановились
1	3 июля 1848	О беспорядках в Керженском ските	Вызываются московский купец Рахманов ⁷ и крестьянин Московской губернии Панкрат Александров

⁵ Колчин Михаил Савельевич, старообрядец, крупный предприниматель в области речной транспортировки грузов. В 1841 г. с братом Иваном построили первый на Каме каботажный пароход «Надежда».

⁶ Блудова Анна Андреевна – помещица Балахнинского уезда.

⁷ Дмитрий Рахманов (монах Керженского скита Дионисий) скрывался в Москве у своих братьев купцов-старообрядцев Алексея и Федора Рахмановых.

2	6 сентября 1848	О незаконных вещах, с которыми проживали жительницы скитов	Посланы вопросные пункты бывшим членам Семеновской думы 31 января № 20
3	21 декабря 1848	О изломании приставом 2 стана Семеновского уезда бани у пономаря Федорова	<i>Карандашом:</i> За приставом, которому предписано февраля 1849 № 2 (Требуется объяснение от пристава 11 января № 6. Повторено 21 января № 17 <i>зачеркнуто</i>)
4	20 октября 1848	О сборниках раскольнических книг	Отнекиваются четыре женщины, которые были взяты с этими книгами на ярмарке 1848 года
5	24 декабря 1848	О беглом попе Афанасии	Отложено до великого поста
6	19 сентября 1848	Об Оленевских моленных ⁸	Секретные разведывания собраны, в феврале будет приступлено к следствию
7	29 июля 1848	О совращении в раскол крестьян Корневых	За Семеновским Земским судом, которому предписано февраля 1849
8	11 апреля 1848	О притеснениях крестьян единовер[цев] Репнина Балахнинскою Земскою полицией	Требует отъезда в Балахнинский уезд (<i>зачеркнуто</i> : что будет сделано по окончании раскольнических следствий)
9	11 января 1848	О поломке машины «Надежда» ⁹	За Положением Сарапульскому Городничему, о получении которого сообщено февраля 18 Вятскому гражд. губернатору

⁸ Моленные в Оленевском ските.

⁹ Имеется в виду кабестанный пароход купцов-старообрядцев М.С. и И.С. Колчиных.

10	30 июля 1848	О стеснениях мещанина Пожалова депутатами пошлинного сбора	За Положением Городничему, о получении которого сообщено февраля 1849 губернатору (<i>зачеркнуто</i> : что будет сделано по окончании раскольнических дел)
11	31 августа 1848	О притеснении крестьян Блудовой военным начальством и Балахнинской земской полицией	Требует отъезда в Балахнинский уезд (<i>зачеркнуто</i> : что будет сделано по окончании раскольнических дел)

ЦАНО. Ф. 2 Оп. 4. Д. 2856. Л. 5. Рукописный подлинник.

Документ № 3

1849, февраль, 2. – 1849, октябрь, 6. – Предписание нижегородского губернатора М.А. Урусова П.И. Мельникову

Г. Старшему Чиновнику Особых Поручений Мельникову

Препровождая представленную мне при рапорте Вашем от 9 сего сентября за № 247 ведомость делам, состоящим у вас в производстве, предписываю вам за исключением дел под № 1, 2, 3, 18, 19, 20 остальные передать для исполнения Семеновскому, Балахнинскому, Княгининскому и Горбатовскому исправникам, и о молитвословиях в Г. Горбатов Горбатовскому городничему; о поручениях вам Губернским правлением, ему, равно и мне об исполнении донести, возвратив самую ведомость¹⁰.

Под подписью Свиты его величества.

Генерал Майор князь Урусов.

ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2856. Л. 16. Рукописный подлинник.

¹⁰Этой ведомости в деле нет.

Источники и литература

1. Усов П.С. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературная деятельность // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). СПб. – М., 1897. Т. 1.
2. Селезнев Ф.А. Особые поручения чиновника Мельникова: Писатель Андрей Печерский на государственной службе // Родина. 2014. № 2.
3. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2856.

П.И. Мельников и «заговор» великого князя Константина Николаевича

Ф.А. Селезнев

В фонде П.И. и А.П. Мельниковых в Центральном архиве Нижегородской области хранятся черновики мемуаров Андрея Павловича Мельникова, озаглавленные им «Были и небылицы (из воспоминаний детства)». Их можно датировать временем после 1914 г. Ниже публикуется небольшой отрывок из воспоминаний. В нем А.П. Мельников воспроизводит рассказ отца о том, как великий князь Константин Николаевич через адъютанта А.Э. Циммермана предлагал П.И. Мельникову принять участие в заговоре против Александра II.

О существовании «партии», желавшей произвести переворот в пользу великого князя Константина Николаевича впервые стало известно в 1866 г. из показаний покушавшегося на жизнь царя Д.В. Каракозова. Интересно, что у Каракозова нашли прокламацию, написанную в простонародном духе и адресованную «друзьям-рабочим». Нечто подобное якобы предлагал написать П.И. Мельникову Константин Николаевич.

Отметим, что великий князь хорошо знал Мельникова. В 1857–1858 гг. оба были причастны к работе Петербургского секретного комитета по делам раскольников и отступников от православия. Тогда специально для царского брата П.И. Мельников подготовил «Записку» о старообрядчестве, показав себя глубоким знатоком народной психологии.

Выступивший в качестве посредника между ними генерал А.Э. Циммерман (1825–1884) в молодости отличался вольнодумством и под влиянием революции 1848 г. даже сочинял фантастические рассказы о воскресших декабристах [1, с. 232–233]. По своим взглядам в конце 1850-х гг. он вполне мог быть близок к кругу гитетической «Константиновской партии».

С сентября 1858 г. Циммерман состоял в распоряжении военного министра и генерал-квартирмейстера Главного штаба и жил в Санкт-Петербурге. В марте 1860 г. Циммерман был командирован в распоряжение командира отдельного Сибирского корпуса в укрепление Верное (ныне – Алма-Ата) и назначен командующим войсками в Заилийском крае, действовавшими против кокандцев. С июля 1862 г. он – начальник штаба Виленского военного округа.

Константин Николаевич чуть раньше уехал в Варшаву. С июня 1862 по август 1863 г. он находился там в качестве заместителя Царства Польского. С августа по октябрь 1863 г. великий князь был в Петербурге, откуда в конце октября 1863 г. через Крым выехал за границу. Вернулся оттуда весной 1864 г. Примерно в 1863 г. Циммерман «по состоянию здоровья» с отчислением от должности был уволен на шесть месяцев в отпуск за границу. Возвратившись из отпуска, он был назначен для особых поручений к главнокомандующему войсками Варшавского военного округа.

Исходя из этого, описываемый А.П. Мельниковым визит А.Э. Циммермана к его отцу, скорее всего, мог состояться между сентябрем 1858 и мартом 1860 г.

Отрывок из воспоминаний А.П. Мельникова «Были и небылицы»

Много лет спустя, когда я уже был взрослым юношей, когда моя семья уехала давно в Москву, однажды отец открыл мне интересную тайну прошлого, связанную с именем А.Э. Циммермана. То, что доверил мне отец, по его словам «как старшему сыну и как старшему в роде после него», для того, чтобы эта тайна не умерла вместе с ним, он доверил под клятвой молчать до того времени, когда – кто знает, что будет впереди – можно будет говорить обо всем. Эта тайна, по тем временам особенно, была такова, что о ней нельзя было и заикаться, да о которой еще чуть ли не вчера говорить было, пожалуй, небезопасно.

Однажды у нас в Москве был генерал Циммерман, приехавший из Петрограда. В разговоре с отцом он, как и раньше то бывало, любовно поглядывая на него, несколько раз восклицал: «Ах, Вы

спаситель мой». Меня это заинтересовало и, когда Циммерман уехал, я спросил отца, что это значит. Отец задумчиво пристально посмотрел на меня, как обыкновенно в таких случаях, прищурился слегка одним глазом, и, видимо, после некоторых колебаний сказал.

– Ты хочешь знать, почему Аполлон Эрнестович называет меня спасителем своим? После этого отец увел меня в кабинет и запер двери.

Обещать никому не говорить сам попытаться можешь, – заговорил он, понизив голос, а затем рассказал следующее.

В шестидесятых годах великий князь Константин Николаевич строил планы обширного заговора, чтобы поднять революционное движение в России. Революция должна была кончиться свержением с престола Александра II и возведением Константина, который собирался дать конституцию, проект которой, кстати, замечу, едва ли не лег в основу т. н. конституции Лорис-Меликова в 1881 году. Циммерман в то время, как говорил отец был одним из довереннейших адъютантов великого князя и был послан к отцу с предложением вступить в этот заговор. Отец был нужен заговорщикам как знаток народного быта, как хорошо владеющий народным языком, на него рассчитывали как на писателя. Ему чуть ли не предлагалось поручить составление прокламаций и разного рода брошюр для народа с целью подготовить крестьянское население к восстанию. Посылая к отцу своего флигель-адъютанта, великий князь действовал, разумеется, не очертя голову. Он знал отца, незадолго до этого, работавшего по его поручению, но на этот раз ошибся. Отец не только отказался вступить в заговор, но после долгой беседы сумел отговорить и Циммермана, который, будто бы, дал слово отцу более не возвращаться к великому князю.

– Тем я спас Циммермана и поэтому он меня и называет спасителем, – заключил отец и еще раз подтвердил, чтобы я никому не болтал.

ЦАНО. Ф. 767. Оп. 686а. Д. 110. Л. 36–39.

Источники и литература

1. Мемуары о петрашевцах (Из воспоминаний А.Э. Циммермана). (Публикация и комментарий Б.Ф. Егорова) // *Общественная мысль в России XIX века* / отв. ред. А.Н. Цамутали; ред.: В.С. Дякин, Б.Ф. Егоров, В.А. Шишкин. Л., 1986.

П.И. Мельников и С.Д. Шереметев

Ф.А. Селезнев

Граф С.Д. Шереметев (1844–1918) – русский общественный деятель и историк. С 1869 г. он – действительный член Русского археологического общества. В 1873 г. стал действительным членом Русского исторического общества. С.Д. Шереметев на личный средства издавал русские летописи и исторические акты, в том числе из своего семейного архива. Принимал деятельное участие в создании Общества любителей древней письменности, с молодости собирал материалы для книги о роде Шереметевых [1, с. 47]. На их основе историк А.П. Барсуков издал восемь томов истории этой древней фамилии [2]. Первый том, вышедший в 1881 г., С.Д. Шереметев прислал П.И. Мельникову-Печерскому. В ответ Павел Иванович выслал Шереметеву последние четыре тома своего романа «На горах», сопроводив письмом, которое публикуется ниже. Текст его находится в ЦАНО, в фонде П.И. и А.П. Мельниковых.

1881, ноябрь, 1. – Письмо П.И. Мельникова С.Д. Шереметеву

Милостивый Государь
Граф Сергей Дмитриевич,

Позвольте принести Вам искреннюю мою благодарность за присланный Вами «Род Шереметьевых» и надеюсь на продолжение подобных присылок. Для меня особенно интересен род Федора Ивановича Шереметьева¹, но он не вошел еще в первую часть. Позвольте представить Вам сына моего, избравшего художественное поприще². Смею надеяться, что вы окажете ему всякого рода покровительство. Покорнейше прошу принять от меня мое сочинение «На горах»; последние четыре тома.

¹ Шереметьев Ф.И. – боярин, полководец эпохи Смуты. В 1609 г. пришел на помощь Нижнему Новгороду, ведущему борьбу против тушинцев.

² Мельников А.П. (1855–1930) – сын П.И. Мельникова-Печерского. Окончил Академию художеств.

С искренним почтением и совершенной преданностью, честь имею быть

Ваш
покорнейший слуга
Павел Мельников

Ноябрь, 1
1881 г.

ЦАНО. Ф. 767. Оп. 686. Д. 11. Л. 1.

Источники и литература

1. Мещенина А.А. Историк по призванию (к биографии С.Д. Шереметева) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. Вып. 2.
2. Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1881–1904. Т. 1–8.

А.Я. Садовский о своей жизни в селе Шёлокша Нижегородского уезда

В.В. Митрофанов

Продолжая публиковать фрагмент из «Воспоминаний» А.Я. Садовского о жизни в Шёлокше, следует заметить, что он органически продолжает предыдущий [1, с. 157–183]. В нем ярко повествует о повседневности провинциального дворянства, особенно мелко, что позволяет проследить многие аспекты жизни этой значительной части российского общества. Тема сегодня продолжает активно разрабатываться. Об этом свидетельствуют диссертации [2; 3; 4]. На дневники и воспоминания, как исторические источники личного происхождения, обращали внимание всегда [5].

В публикуемом материале в полной мере прослеживается будничная повседневность небогатой дворянской семьи. А.Я. Садовский несколько раз указывает на недостаток денежных средств. В основном описываются события за пределами дома, на природе в окрестностях Шёлокши. Особенностью изложения, в основе которого ле-

жат личные восприятия автора, являются его наблюдения в юном возрасте. Он учится в гимназии, затем в Александровском институте. Большую часть времени живет в Нижнем Новгороде, а каникулы проводит в семье, в Шёлокше. Поэтому мы вместе с автором являемся участниками событий в двух местах, порой автор проводит сравнительные параллели описываемого времени с тем, когда и писалась эта часть воспоминаний (1916 г.).

А.Я. Садовский приводит краткие сведения о судьбе двоюродного брата Николая (сына дяди Якова), они дополняют родословную Садовских, составленную А.В. Богинским [6]. Например, датирован год смерти Николая и указана ее причина, названо имя его матери, упомянуты две его дочери, хотя и без имен.

Много места отводится воспоминаниям об отце, его службе, человеческих качествах. О матери же упоминаний нет. Главная причина этого видится в том, что подросток основное время проводил в занятиях, в которых главную роль играли сверстники или отец, с которым он выезжал за пределы Шёлокши.

Чрезвычайно важны и интересны сведения об торговых операциях отца, который пытался, прежде всего, покупкой и перепродажей участков земли, леса, небольших поместий составить экономический базис семьи. И это ему удавалось, хотя большого хозяйства создать и не получилось. А.Я. Садовский перечисляет все покупки, сделанные отцом, которые затем перепродавались, сдавались в аренду, давались в качестве приданого дочерям и остались как наследство сыновьям. Указаны все населенные пункты, возле которых совершались приобретения: Кривая Толокша, Щербинка, Елховка, Лукерьино, Ройка, Федяково, Жедрино. Названы их цены, размер доходов от сдачи в аренду и ее формы (распашка, для выпаса скота, сенокос), какую прибыль приносила рубка леса, а вековые дубы учитывались поштучно.

Важным направлением жизни мелкопоместной семьи является сохранение старорусских традиций, христианских и семейных ценностей. Это направление в воспоминаниях прослеживается через круг общения, прежде всего, с соседями. Среди фамилий, с которыми Садовские поддерживали отношения, называются Станкер, Зыбин, Кондратьев, Воронцов, Крючков, Болотин, Пашков, Чириков, Щепотьев и другие.

Среди них были люди и либерального направления. Например, Чириков после отмены крепостного права передал все крестьянам,

даже помещичий дом, в котором, как он предполагал, будет открыта школа. А крестьянский сход сдал дом в аренду под кабак.

Во время посещения Щепотьева в Ключищах юноша Садовский обратил внимание на стол, где лежали книги. Среди других он увидел журналы «Полярная звезда» (литературный и общественно-политический альманах, издававшийся А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в Вольной русской типографии в 1855–1868 гг.) и газету «Колокол» (первая русская революционная газета, издававшаяся А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в эмиграции в Вольной русской типографии в 1857–1867 гг.). Обратим внимание, что эти издания доходили так далеко в российскую провинцию, лежали в открытом доступе. Как записал А.Я. Садовский, именно в этот раз он впервые познакомился с такой литературой. Что еще удивило молодого человека – никто «и не подумал останавливать меня читать их», но «показались, однако, они мне, тогда еще мальчику, очень скучными».

Либералом был и близкий родственник известного писателя Василий Васильевич Боборыкин. Его привлекали идеи земства, именно от него подросток Саша услышал впервые это слово.

Надо полагать, отец целенаправленно возил сына по соседям с подобными взглядами, по всей видимости, ему и самому импонировали эти идеи. Да и черты его характера позволяют судить об этом. Например, факт его отношения к наказанию розгами. Авторитет отца в округе был высоким, о чем свидетельствует избрание его судьей после выхода в отставку.

Среди знакомых отца, с которыми он общался и с некоторыми довольно близко, были представители известных фамилий, имевших титулы, например, граф Ланской (сын министра внутренних дел), упомянут граф Сен-При.

В Нижнем появились поляки, сосланные сюда после восстания 1863–1864 гг., порой это событие называют мятежом. О них имеются коротенькие вставки в воспоминаниях.

Интересны сведения о сверстниках А.Я. Садовского. Он кратко говорит о судьбе многих из них. А с А. Розинг они много времени проводили вместе, в частности интересна была их совместная охота с поросенком на зазимовавших в окрестностях двух утках, находка красноватого камня, горевшего на костре. Охота все больше и больше захватывала подростка, этот интерес он пронесет через всю жизнь. Об «охотничьей страсти», которая была «в крови» у А.Я.

Садовского, мы встречаем на страницах рукописи не раз. А своего первого зайца он убил недалеко от Нижнего.

Многие события в жизни взрослого юноши произошли именно в описываемый временной отрезок.

Кроме охоты, которая являлась главным времяпрепровождением, были и другие занятия. На каникулах ему нравилось читать, особенно романы, точнее переводы иностранных авторов, Е.Н. Ахматовой, книги Понсон дю Террайля и других известных писателей.

Паренек был участником и чрезвычайно интересной, но и опасной операции по поимке известного разбойника Рузавина.

Были и другие запомнившиеся события деревенской жизни, например, проезд через село табора цыган и бухарцев и связанные с этим события.

В Нижнем же занятия были несколько другого порядка. Такие как катания с горки, позже на коньках, которые стоили немало, и нужно было платить за каток, что было обременительно. Да и все попытки освоить это занятие у А.Я. Садовского не увенчались успехом.

В скучной провинциальной жизни появился театр, тоже не дешевое удовольствие, но все-таки на постановки ходили. «Театр нравился, но я к нему не пристрастился», – записал А.Я. Садовский. Этого не произошло и позже, когда он учился в Москве и Петербурге.

Интересные сведения запечатлены на страницах рукописи о появлении в начале 1860-х гг. керосиновых ламп, а в 1880-х гг. первых дач под Нижним.

Важные изменения произошли в описываемое время в личной жизни автора. Наш герой начал курить, попробовал и спиртное, когда был оставлен в VII классе на второй год. Тогда же испытал и знаки внимания со стороны женщин, которых нанимали гувернантками. Правда, застенчивый характер не позволил этим претензиям зайти далеко, как, например, это случилось с его братом Яковом.

Значительное место в рукописи отведено еврейскому вопросу. А.Я. Садовский прослеживает, как представители этой национальности постепенно распространяли сферу своих занятий и «захватили в свои цепкие руки многие отрасли русской торговли и русского ремесла», потом они стали врачами, аптекарями, портными. А чтобы легче и быстрее развивался этот процесс, многие евреи крестились.

Таким образом, «Воспоминания» А.Я. Садовского отличаются особой эмоциональной насыщенностью, вниманием к конкретным деталям каждодневного образа жизни. Только отдельные чрезвычайные события (разбойник Рузавин) вызывали многодневные разговоры.

Шёлкшанский период, как видно из его насыщенности, важен для понимания формирования характера, увлечений, предпочтений будущего крупного деятеля краеведения Поволжья. Кроме того это яркая панорама изменений, которые происходили в обществе после отмены крепостного права, нарисована объективная картина жизни российской глубинки и губернского города.

В публикации звездочкой отмечены зачеркнутые в рукописи слова.

Источники и литература

1. *Митрофанов В.В.* А.Я. Садовский о своей жизни в селе Шёлкша Нижегородского уезда (вступ. ст. публик., коммент.). Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 3 / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Н. Новгород, 2017.

2. *Милешина Н.А.* Повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв. (на материалах центрально-европейских и средневожских губерний России): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 2012.

3. *Мурашов Д.Ю.* Провинциальное дворянство в конце 50-х – 70-х гг. XIX века (По материалам Пензенской губернии): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.

4. *Шевнина О.Е.* Облик провинциального дворянства в конце 1850-х – 70-е гг. XIX в.: на материалах губерний Среднего Поволжья: дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003.

5. *Смахтина М.В.* Русское поместное дворянство в XIX в.: эволюция этических норм, представлений и практики в социальной и экономической сферах: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.

6. *Богинский А.В.* Поколенная роспись рода Садовских // Нижегородский музей. 2006. № 11–12 [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.unn.ru/managfs/index.phtml?id=8006_26 (дата обращения 08.05.2018).

А.Я. Садовский

Жизнь в Шёлкше (фрагмент «Воспоминаний», часть 2)

Для подготовки братьев и сестер брали: для братьев – учителей-семинаристов, а для сестер – гувернанток. Учителя оставили во мне самое приятное воспоминание. Первого звали Анемподистом Андреевичем, фамилию его я забыл, это был вполне уравновешенный спокойный человек, от нас он ушел по случаю получения должности учителя в уездном училище в каком-то городе нашей губернии.

Второй был совсем молодой семинарист Касторский, стремившийся к дальнейшему образованию – мятущаяся душа, что с ним стало в жизни, не знаю. Был еще Прокопович, сделавшийся потом где-то чиновником, тоже был хороший человек, певец, участвовал в наших хоровах пениях. Но лучше всех был последний, проживший у нас года два или более – Петр Михайлович Иваницкий. Он окончил семинарию одним из первых, не хотел идти в попы, а хотел продолжать образование в университете и, чтобы накопить денег, поступил к нам. Необыкновенно добрый, знающий свое дело, умный и сердечный человек он нравился всем без всякого исключения. Его любили и дети, и большие. Он был педагог по призванию, в то же время страстно любил природу, лес, воду, но охотником не был. Был из очень бедной семьи, было их несколько братьев, причем один из братьев имел фамилию Преображенский, что в то время встречалось в духовенстве. Он рассказывал, как на вакации он с компанией таких же бедняков ходил домой из Нижнего в Васильский уезд пешком и однажды, когда они пошли весною (д[олжно] б[ыть] на Пасху), их нигде не пустили ночевать без денег, а ночь была холодная, и они ночевали на земле, после чего он простудился и получил легочную болезнь, помешавшую ему пойти в академию, в которую он был назначен по окончании курса, а потому назначили другого и он свою очередь безвозвратно потерял. Действительно, по сложению он был богатырь, но легкие его куда не годились. Был он всегда ровный, всегда веселый и так сумел войти в нашу жизнь, что его все считали своим, как бы родным, считали его и после того, как он от нас ушел, он принимал участие во всех радостях и горестях нашей семьи и всегда был неразлучным спутником во всех поездках наших, на Кудьму, в зимних удоволь-

ствиях. В университет ему все-таки попасть не удалось и он поступил в духовное училище преподавателем греческого языка, здесь он женился на весьма хорошенькой, тоненькой блондиночке, которая со временем превратилась в толстущую грубую тетушку, так как нельзя даже представить, чтобы она когда-нибудь имела маломальски привлекательную наружность. А затем он вышел в попы и кончил жизнь ключником Кафедрального собора, всеми любимый и всеми уважаемый. В детях своих был несчастлив, две дочери и сын сбились с пути, затянувшись в какую-то крайне левую политическую организацию, пострадали, были сосланы, потом вернулись, вообще жизнь их сложилась очень скверно, кто был виноват не знаю, они после отца остались маленькими и руководила ими, конечно, мать.

Гувернанток у сестер было три. Первая – Елизавета Андреевна – начала поход против отца, стала его заманивать, но безуспешно, и была рассчитана. После нас она поступила куда-то в Нижний и увлекла какого-то пожилого офицера, кажется Шишло, и с ним жила, фамилия ее была Гамаюнова. Вторая – Екатерина Дмитриевна Болеславова – занималась мною: часто были вместе, вместе играли, было много намеков и недосказанностей, но ничего не вышло, и исключительно из-за моей застенчивости я никак не мог выговорить нужного слова или обнять и поцеловать, а сама она все-таки не решалась. И эта, когда ушла от нас, сошлась и жила с каким-то господином. Наконец, третья – Софья Петровна Винюкова, тоже сперва обратила внимание на меня, тогда студента Петровской академии, но мне она не нравилась, неприятно было какое-то рабское или собачье выражение больших ее глаз, она меня оставила и увлекла брата Илью, тогда (гимна *) 15-летнего гимназиста 5 класса, сошлась с ним и прижила сына Колю¹. Брат долго поддерживал ее,

¹ Указом Правительствующего Сената от 30 октября 1887 г. за № 16779 им был усыновлен воспитанник, сын дочери штабс-капитана Софии Винюковой – Николай, родившийся 9 марта 1875 г. Следовательно, допущена неточность, Илье в этом году было уже почти 20 лет. Николай в июне 1895 г. окончил Нижегородскую гимназию. В августе 1895 г. зачислен на физико-математический факультет Императорского С.-Петербургского университета, где прослушал лекции осеннего полугодия 1895 г. и весеннего полугодия 1896 г., но экзаменов не держал, а 27 июля 1896 г. подал прошение о переводе на физико-

даже будучи студентом, высылал какие возможно деньги, а также и после, когда стал врачом². Затем она умерла в Смоленске, а наши за несколько времени до ее смерти взяли сына Колю, тогда мальчик лет 10 или около того к себе. Когда Илья переехал в Нижний, Коля жил уже у него, с трудом кончил курс в Нижегородской гимназии, но в университет не пошел, хотя был, кажется, в 4-х уни-

математический факультет Императорского Московского университета, мотивируя это «вредным влиянием петербургского климата на его здоровье». В августе 1896 г. принят на 1-й курс физико-математического факультета Московского университета. Участвовал в беспорядках в университете в ноябре 1896 г., после чего отнесен ко 2-й категории по поведению. На экзаменах в 1897 г. получил «2» по физике и остальные экзамены не сдавал. В мае 1897 г. безуспешно пытался перевестись на 1-й курс юридического факультета. Затем подал прошение министру о переводе на юридический факультет Киевского или Харьковского университета, но получил отказ. Жил в Москве, служил в губернском присутствии.

² В августе 1875 г. зачислен на 1-й курс Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. С 11 июля по 14 сентября 1878 г. во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. служил в военном-временном госпитале № 15 студентом Медико-хирургической академии. 2 января 1909 г. назначен старшим врачом 239-го Окского резервного батальона, куда прибыл 13 февраля 1909 г. В 1910 г. служил в 184-м пехотном Варшавском полку (г. Шуя). 29 мая 1911 г. Высочайшим приказом по военному ведомству о чинах гражданских уволен от службы с чином действительного статского советника. Являлся гласным Нижегородской городской думы (См.: Справочная книжка и адрес-календарь Нижегородской губернии на 1914 год. Н. Новгород, 1914. С. 83). Занимал должность врача (внутренние и женские болезни) в г. Шуя Владимирской губернии (См.: Российский медицинский список на 1916 год. Пг., 1916. С. 420). За ним имелось: родовое (у матери) имущество – 65 десятин земли в Курмышском уезде Симбирской губернии; приобретенное – 250 десятин земли в Нижегородской губернии. Женат первым браком на девице Вере Григорьевне Эйген, православного вероисповедания (См.: Богинский А.В. Поколенная роспись рода Садовских // Нижегородский музей. 2006. № 11–12 [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.unn.ru/managfs/index.phtml?id=8006_26 (дата обращения 25.05.2018)).

верситетах, учился даже потом в военном училище, и все ни к чему – курса кончить не мог. По-видимому, он имел отвращение ко всякой науке, а любил одно веселое время препровождение с кутежами и пр. Впоследствии его пристроили в Москву в Русский для внешней торговли банк, где он получал около 150 руб. в месяц, женился, имел двух дочерей и в прошлом 1915 году умер от какой-то психической болезни, полученной на почве сифилиса и кутежей. Вообще по характеру он был очень добрый, простой, любящий человек, но недалекий и безвольный. Он унаследовал много черт (своей *) родной своей матери.

Кроме родных из Нижнего (редко *) и местных попов редко кто у нас бывал. Помню я помещика Крючкова, с которым отец был знаком давно, это был старик чрезвычайно безобразный, с перекошенным лицом, красными глазами, который еле двигался, и его чуть ли не вынимали из тарантаса, постоянно курил трубку из длинного черешневого мунштука. У него было хорошее имение в Жедрине, кажется майоратное, которое после его перешло на недолгое время к Бочечкарову. Бочечкаров был генерал по адмиралтейству³, старый, богатый, служил оценщиком в Александровском дворянском банке в Нижнем и как это ни странно, но брал взятки и при этом не брезговал взятками в рубль! Я бы ни за что этому не поверил, если бы не рассказывали люди, не доверять которым невозможно и которые сами давали ему по рублю. Вот она старая закваска дореформенного времени!

Когда еще я был маленький, т. е. на первых порах нашего переселения в Шёлокшу, я помню, отец брал меня к двум помещикам Чирикову и Щепотьеву. Чириковы – муж и жена, его звали Петр Петрович, а как звали ее – забыл, жили летом в с. Румянцеве. Ходили в русских костюмах и, кажется, были весьма либерального направления. Постоянно они жили в столице, а сюда приехали для устройства дел с крестьянами и составления уставных грамот. Кажется, что они всю землю отдали крестьянам, отдали также свою усадьбу с домом с тем, чтобы в доме была устроена школа, но намерение это не осуществилось, так как крестьяне сдали дом под кабак. Устроивши дела, они уехали из наших мест и более не появлялись. Мне оба они очень нравились, перед отъездом они распро-

³ Вероятно, речь идет о Сергее Петровиче Бочечкарове, представителе древнего дворянского рода.

давали домашнюю обстановку и часть ее купили наши – кресла, зеркала и что-то очень недорого.

Щепотьев жил в Ключищах, должно быть приехал сюда для устройства тех же земельных дел и тоже скоро уехал. Одевался порусски, резко отзывался о правительстве, нисколько не стеснялся присутствием отца, который, впрочем, не обращал на это никакого внимания. Отец как-то взял меня с собою к Щепотьеву, я, по обыкновению, увидавши на столе книги, засел за чтение их; книги были Полярная звезда и Колокол, и тут я первый раз познакомился с этою литературою, никто и не подумал останавливать меня читать их и я во все время пребывания в Ключищах читал их, показались, однако, они мне, тогда еще мальчику, очень скучными.

В том же селе (была *) жила барыня Елизавета Владимировна Боборыкина, молодая вдова, к которой моя мать ревновала моего отца, и совершенно напрасно, так как Б[оборыкина], как я узнал потом, увлекалась другим, вообще была дама с темпераментом. Потом она вышла замуж за доктора Гоштовита, женившегося, вероятно, из-за денег. Гоштовит оказался человеком твердого характера, он отвадил всех поклонников, а потом увез жену куда-то на юг. Дочь Боборыкиной от первого брака Катенька, моя ровесница или немного моложе, впоследствии вышла за драгунского офицера Чеховского. Чеховской бросил военную службу и служил по полиции исправником, а потом и приставом. Он оказался большим негодяем, взяточником – вымогателем, тиранил жену, которая умерла от этой жизни. У них была дочь, хорошенькая, кончившая курсы в Мариинском институте. По окончании института она получила наследство от бабушки – тысяч двадцать, скоро промотала его и умерла проституткой – застрелилась где-то в Астрахани, куда попала из Нижнего, застрелилась года через три-четыре по окончании курса.

Все эти господа Щепотьев, Чириковы и Боборыкина с Гоштовитом в то время нередко бывали у нас. Но лучше всех и ближе у отца было знакомство с жившим недалеко в с. Подлесово Иваном Николаевичем Розингом, впоследствии, при учреждении мировых судей, избранного судьей, и умершего в этой должности в 1880-х годах. У Ивана Николаевича был сын моих лет, тоже нижегородский институтец Алеша, по институтскому прозвищу Курумилла – один из героев Густова Эмара. Иван Николаевич был вдовец и жил с какой-то бабой, когда Алеша взошел в возраст, он стал жить со своей бабою – Лушкой, на которой потом женился, и стала Лушка

барыней Лукерьей Ивановной. Я не редко бывал в Подлесове и один, и вместе с отцом. Мне нравился старик Иван Николаевич охотник, любитель поговорить, неглупый человек, занятый хозяйством, которое он не бросил и сумел сделать из своего весьма недалекого Алеши тоже хозяина, не бросившего дела и ведущего хозяйство даже до сих пор.

Долго я и Алеша Розинг мечтали о зимней охоте с поросенком и, наконец, эта охота удалась, т. е. удалась в том смысле, что мы были на этой охоте, а волков не видали. В одну зимнюю вакацию я приехал в Подлесово, мы снарядили пару лошадей, сани-пошевни, в которые сели я, Алеша, кучер и какой-то Галкин целовальник с заряженными пулями пистоновыми ружьями. Маленького поросенка достать не могли, достали где-то уже порядочную свинью. Поехали около Кудьмы, где в зарослях всегда много волков. Приехали, начали тормошить нашего поросенка, т. е. скорее свинью, – молчит; ничто не понимает и ножичком тыкали, и пиками, нет ничего – молчит. Наконец, кучер догадался: он начал кусать у свиньи уши, тут свинья не выдержала, заорала самым благим матом, послышался вдали как будто бы и вой волков, но, вероятно, только послышался, мы долго ездили, мучая свинью за уши, но ни одного волка, ни вблизи, ни вдали не видали. Интересно, что на другой день, когда мы стали стрелять из наших ружей в цель, ни одно ружье не выстрелило, хороши бы мы были, если бы к нам подбежали волки.

В другую зиму был такой случай. Около Подлесова протекала речка, кажется Цедень⁴, состоявшая из ключей и потому зимою не замерзавшая и местами текущая прямо, а местами под снежными сводами. На этой речке зазимовала пара уток, или подстреленные летом, или поздно выведшиеся. Когда я приехал, Алеша говорит, пойдем, поохотимся на них, и дал мне ружье, причем такое, как он потом мне признался, которое никогда не убивало и было заряжено давно и мелкою дробью, помню, что на этом ружье было по-русски

⁴ Цедень – река, протекает в Кстовском районе Нижегородской губернии. Устье находится в 8,5 км по левому берегу реки Шава. Длина составляет 19 км, площадь водосборного бассейна – 77,9 км². Исток реки – южнее деревни Цедень, в 25 км к юго-востоку от Кстова на границе с Дальнеконстантиновским районом. Река течет на север через деревни Цедень, Грязновка, Выездное, Подлесово, Шмойлово. Впадает в Шаву у деревни Горный Борок.

выгравировано «Лондон», над чем все мы много смеялись. И что же. Уток спугнули и, когда они делали круг и летели над нами очень высоко так, что в обыкновенное время немислимо бы было в них стрелять, я прицелился и выстрелил, и вдруг утка падает. Общему удивлению не было конца. Трофей свой я отвез в Шёлокшу и потом его съели в первый день Рождества, к сожалению, оказался худой, да и плохо изжаренный.

Был еще один случай, уже летом, хотя к охоте не относящийся, но случившийся на охоте. Шлялись с Алешей по окрестностям Подлесова, мы где-то нашли какой-то красноватый камень, который на костре горел. Что это за камень, случайно ли он сюда попал или коренной, так и не узнали, тогда я подобными вещами не интересовался, а после попасть в Подлесово не удавалось, спрашивал Алешу, уже старика, но он этого случая совершенно не помнил.

Забыл еще упомянуть про одного нашего гостя, впрочем, довольно редкого. Это Василий Васильевич Боборыкин⁵, кажется, дядя писателя П.Д. Боборыкина⁶. Некогда довольно состоятельный помещик, в то время он разорился на разные агрономические опыты. Он был отставной гвардейский офицер, высокий, худой, седой старик, крайне говорливый. Увлекался Либихом⁷ и его школой.

⁵ Боборыкин Василий Васильевич (1817–1885) – родной дядя писателя П.Д. Боборыкина, познакомился с Лермонтовым в юнкерской школе, куда поступил в 1834 г. За буйное поведение в 1836 г. был судим и переведен прапорщиком в 6-й Кавказский линейный батальон. В середине декабря 1837 г. виделся во Владикавказе с Лермонтовым, который возвращался из первой ссылки на Кавказ. В сентябре 1839 г. Боборыкин был ранен в бою, заслужил прощение, был переведен в Кирасирский полк и уехал с Кавказа. В 1840 г. встречался с Лермонтовым в Москве. Боборыкин достоверен в передаче внешних примет из жизни Лермонтова. По собственному признанию, мемуарист не подозревал масштаба дарования Лермонтова; к тому же между ними не было близких отношений (*Боборыкин В.В. Три встречи с М.Ю. Лермонтовым // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 179–182.*)

⁶ Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – русский писатель, почетный академик Петербургской АН.

⁷ Юстус фон Либих (нем. Justus von Liebig; 1803–1873) – немецкий ученый, внес значительный вклад в развитие органической химии,

Помню, он проповедовал с большим азартом, что рыбу никогда не надо чистить от чешуи, так как в чешуе заключаются самые питательные и самые удобоваримые вещества. Был должно быть тоже либералом, очень увлекался земством, которое только что вводилось, и от него я в первый раз услышал слово «земство». В крепостное право он перевез своих крестьян из села Ключищи на пустошь около д. Елховки и образовал деревню, а потом село Васильевское, в честь своего, называвшееся тоже Новыми Ключищами. В конце концов, он совсем разорился и земли свои в Васильевском с усадьбою продал очень дешево, предлагал и отцу, но у отца в то время не было денег. Умер он дворянским заседателем, кажется, Макарьевской опеки, иначе говоря, получал дворянскую пенсию в 300 р. в год.

В деревне на вакациях еще любимым удовольствием было чтение романов. Отец выписывал журнал «Собрание романов» Ахматовой⁸. Он сам любил почитать, и мы все тоже, и даже наш П.М. Иваннук этим увлекался, особенно интересны были французские романы Понсон дю Террайля⁹, ими прямо зачитывались.

Одним летом все село взбудоражилось, и даже ударили в набат, и чуть не произошло побоище цыган. Большой обоз цыган, проезжая через село, как-то незаметно ухитрился то там, то сям своровать у крестьян куриц, разные вещи. Это заметили, бросились отнимать, цыгане не дают, так как их много, и вот стали бить в набат, крестьяне сбежались, и чуть-чуть удалось отцу остановить кровопролитие, интересно, что цыганки замахивались на наших спеленнанными своими детьми; пожалуй, что это обстоятельство главным образом и приостановило драку, до того оно было необычно, много после этого было толков в селе о нравах цыган.

В другое лето и без набата собралось все село. Было, кажется, в праздник, когда все были дома. Из Бухары, как говорили, вели в

один из основателей агрохимии и создателей системы химического образования.

⁸ Ахматова Елизавета Николаевна (1820–1904) – русская писательница и переводчица, внучка М.А. Гарновского. С 1856 по 1885 г. издавала «Собрание переводных романов, повестей и рассказов».

⁹ Пьер Алексис Понсон дю Террайль (1829–1871) – французский беллетрист.

подарок царю несколько огромных слонов, тоже потом много было разговоров и о слонах, и о бухарцах.

В первые годы жизни в Шёлкше, а может быть, только в один первый год, хорошо не помню, там практиковался обычай, который теперешних людей привел бы в ужас, в трепет и Бог знает во что, тогда же все и страдавшие, и исполнители считали все это самым обычным и простым делом и не придавали ему никакого значения. Я говорю о порке розгами. Откуда присылали виноватых, не знаю, но отец должен был наказывать их розгами. Я маленький несколько раз видел это наказание. Производилось оно всегда в каретниках на полу. Были особые, длинные тонкие березовые розги, связанные веревочками в довольно широкую, но тонкую метелку. Наказывали двое сотских. Наказываемый сам снимал штаны, ложился на пол ничком, головою на сложенные руки и его с двух сторон хлестали по голой заднице. Чтобы хлестали до крови, я не видел, но задница всегда была после наказания красная, багровая. После наказания наказанный спешно натягивал портки и благодарил присутствующего по должности отца за науку. Страшно даже теперь и подумать, как тогда все это выходило просто, наивно, так сказать, считалось же настолько обычным, что (с этим даже *) напри[м]ер, до наказанных никогда ничего и не говорили. Впрочем, наказаний было сравнительно немного, я помню, отец очень обрадовался, когда порка была уничтожена. Как добрый человек, он, вероятно, уменьшал число ударов и не обращал внимания или делал вид, что не обращает, на те послабления, которые делали сотские наказуемому.

Описывая посещавших нас лиц, я забыл упомянуть о самом главном – начальнике моего отца, Нижегородском исправнике Вас. Мих. Воронине¹⁰. Это был чуть ли не единственный исправник с высшим образованием. Сын разорившегося купца, он окончил курс в Демидовском лицее в (Петерб *) Ярославле, начал службу чинов-

¹⁰ Сын бывшего доверенного по откупам стал и сам нижегородским дворянином. В 1860 г. В.М. Воронин состоял младшим чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе, в 1861 г. он уже старший чиновник. Долгое время, до 1880 г., Воронин был исправником нижегородского уездного полицейского управления, имея чин коллежского секретаря. Немало интересных сведений о нем находим у В. Короленко (См.: *Короленко В.Г. Легенда о царе и декабристе // Русское богатство. 1911. № 2. С. 113–140.*)

ником особых поручений, из которой перешел в исправники. Страшный хвастун, ругатель, матерщинник, любитель драться, он все-таки по своей должности был честный человек и с мужиков, и с подчиненных ничего не брал. Но жил он все-таки хорошо и даже очень хорошо. Говорили, что, пользуясь своими городскими связями, он устраивал разные денежные дела пароходчикам, как-то умудрялся освобождать пароходы и баржи из под секвестра и за это получал большие куши.

В уезде он пристроился к большому имени графа Сен-При¹¹ и был там чем-то вроде управляющего, а потом сумел купить у князя Долгорукова в Мордовском Борисове базарную площадь, он за нее заплатил 6000 руб., а она ему через год стала приносить дохода от сдачи в аренду тоже 6000 руб., конечно, тут полиция на все безобразия исправнических арендаторов смотрела сквозь пальцы, поэтому, вероятно, аренда и была так высока.

Во время приездов Воронина подавались купленные на этот случай, дорогие вина, закуски; иногда же, когда о его приезде было известно заблаговременно, приглашался откуда-то повар. Мать страшно не любила этих приездов потому, что Воронин позволял себе ругаться, не стесняясь ее присутствия, она высиживала нужное время и уходила к себе. По всему нашему небольшому дому, бывало, разносился громкий неприятный голос Воронина или что-нибудь хваставший про себя, или кого-нибудь ругающий.

Потом Воронин сделался охотником и стал приезжать к нам на охоту за красною дичью, стрелял он много, но плохо, убивал мало, но врал невероятно.

Воронин служил долго, когда он вышел в отставку не знаю, кажется, в 1880-х годах, наши земцы выбрали его в участковые судьи, и он преспокойно судил-рядил до самой смерти.

Мужики Борисовские, после выхода Воронина из исправников, отвели под базарную площадь свое место рядом и сумели обесце-

¹¹ Потомок древнего французского графского рода Э.Ф. Сен-При (генерал-лейтенант, генерал-адъютант). Г.А. Сен-При имел владения по всей Нижегородской губернии (у Большого Соскина, Макрашей, Березников, с. Сарлея, Терюшева, д. Вармалей, Лома, Румстихи, Салого Сескина, волости Терюшевская и Сарлейская и др.)

нить Воронинскую площадь, которую впоследствии у него же и купили за недорогую цену.

Воронин был бездетный, у него был приемыш, который воспитывался как сын, но вышел неудачный, и все состояние Воронина и дом на Покровке он протранжирил.

Вообще же в период моей гимназическо-институтской жизни я увлекался и занимался только охотой, только ею и бредил. И в Нижнем, во время учебной поры, каждое свободное воскресенье или праздник с компанией отправлялся на охоту или за Волгу, или в окрестности Нижнего, так первого своего зайца я убил верстах в 15 от Нижнего, в оврагах недалеко от с. Ельни, где теперь проходит Ромодановская дорога.

В Нижнем охотились без собак, заряды берегли, так как покупать припасы было не на что, и зря не стреляли; однако я помню, как на Фофановых горах¹² я обзарился на пролетную кедровку и расстрелял по ней все заряды, да так и не убил, или за Волгой, куда ездил из Шёлокши, расстрелял все заряды по гагарам и, конечно, даром. А дичи было много. В Артемьевских лугах осенью в шалаше стреляли по 15 и более раз по уткам, мы сами раз считали и насчитали 15, стрелял какой-то мужик и убил штуки четыре, а мы, кажется, не убили ничего.

В польское восстание были сосланы в Нижний на жительство поляки, я застал нескольких из них, забыл их фамилии, кажется, все они были помещики и со средствами, были охотниками, держали борзых собак и ездили с ними в окрестности Нижнего на охоту за зайцами. Тогда и многие русские держали борзых. Я всегда был охотником и осенью, когда приезжали с летних каникул, у нас была своя небольшая компания охотников: институтцы – т. е. я, Лазарев, Розенберг, изредка Путерин или Фомин, но было главных нас трое, и еще два брата Касаткины, молодые люди, служившие в каком то банке. Касаткины были и ружейные охотники и псовые, они держали две своры борзых. Обычно мы охотились на луговой стороне Волги, за селом Бором. Мы с ружьями ходили по болотам и перелескам, а Касаткины стояли по опушкам и травили выпугнутых нами зайцев. Иногда с нами бывали и ссыльные поляки со своими

¹² Фофановы горы – небольшая цепь песчаных холмов, расположенных на левом берегу Волги, в Семеновском уезде, верст на пять ниже Нижнего Новгорода.

борзыми, изредка был дядя Путерина, Александр Петрович Нарышкин тоже со сворой борзых, компания в эти охоты обыкновенно увеличивалась. Ружья у всех нас были шомпольные двустволки, тульских заводов, были неважные, да и мы сами очень горячились, поэтому была масса промахов, но все-таки домой приходили с трофеями – много было тогда зайцев. Институтское начальство знало о наших охотах и не запрещало их, иногда учителя даже спрашивали об успехах охоты.

Однажды вместе с нами поехал на охоту учитель чистописания Рачков, он был сильно выпивши, мы переправлялись на ту сторону на лодке; немного не доехавши до берега, Рачков велел лодке остановиться и слез в воду на мелком месте, но, прошедши несколько шагов, попал в глубину и оказался по пояс в воде. Дело было в сентябре, и он простудился, схватил горячку и долго хворал, а наше начальство добродушно подсмеивалось над нами, что из-за вас – де захворал их коллега. Охота наша никогда не сопровождалась выпивками, мы даже и спиртного ничего не брали; может быть потому, что не было на это денег, но скорее потому, что мы вообще не пили; когда начали пить, т. е. когда я был (оставлен) в VII классе на второй год, но и тогда пили только в городе, на охоте же никогда. Возвращались с охоты, подвешивали на перевязях убитых зайцев и так шли по городу, гордясь своими трофеями и подвешивая их с особым тщанием, а если приходилось убивать дичь, то головки убитой дичи просовывали сквозь отверстия в сетки ягдташа, чтобы все видели их. Однажды Лазарев зло подшутил над Розенбергом. Розенберг убил двух зайцев и артистически подвесил их через плечо, а, когда мы сидели на пароходе, Лазарев потихоньку ухитрился отрезать у зайцев уши, так что вместо зайцев получилось нечто вроде кошек. Когда Розенберг гордо выступил с парохода со своими зайцами, кто-то посмеялся над ним, Розенберг оглянулся, удивился обращением зайцев, Розенберг догадался, что это сделал Лазарев, и едва не убил его, мы задержали Розенберга, а Лазареву удалось убежать, Розенберг даже наводил на него ружье. Вот еще случай из царских причудов, пропущенный раньше, рассказанный моему отцу.

[Помню приезд в Нижний Государя и Великих князей. Какой был энтузиазм в народе, какие клики, масса народа, бегущего за коляской, бросающего вверх шапки, без удержу кричащего ура. Никакой охоты, по крайней мере видимой, не было, народ сплош-

ной толпой окружил коляски, восторг был необыкновенно заразителен и равнодушных зрителей не было (а может быть я их и не замечал, так как сам всегда был охвачен восторгом). В приезд наследника Николая Александровича в половине 1860-х годов за его коляской, не отставая от нее, бежал ученик среднего училища, некто Мостинский. Наследник заинтересовался и сжалился над ним, посадил его в коляску и, узнавши, что он ученик, сказал, что хорошо бы было, если бы он также хорошо учился, как хорошо бегаёт. Мостинский ответил, что он и учится хорошо. Узнавши, что Мостинский сын бедных родителей, которые не могут отдать его в гимназию, Наследник принял участие и дал средства на содержание Мостинского в гимназию, куда осенью же он и был определен. Я был тогда гимназистом и мы все очень интересовались Мостинским, поступившим в один из младших классов. Мост[инский] очень гордился перед нами, сперва учился хорошо, а потом все хуже и хуже, стал безобразничать и, кажется, попивать и был исключен из какого-то старшего класса. Впоследствии он был чиновником в канцелярии губернатора и, кажется, спился с кругом и умер]¹³. Не послужил ему в пользу его случай. Во время приезда Наследника или кого (либо другого из высших же особ был еще очень смешной случай *) с неким Потеряхиным, молодым, сравнительно образованным купцом (рассказывавший моему отцу в моем присутствии, который рассмешил меня *). В честь приезда было устроено гулянье в губернаторском саду, Потеряхин тоже собрался на это гулянье, оделся, как следует, а в руки взял тросточку, которую выпросил у какого-то своего знакомого. Гулял по саду и, размахивая тросточкой, он, к своему ужасу, видал, что в тросточке заключается скрытый кинжал, который должно быть вследствие порчи пружины, выскакивал вместе с рукояткой тросточки. Потеряхин в испуге начал вкладывать кинжал в тросточку, но он все продолжал из него выскакивать. Гулянье Потеряхину стало не гуляньем, ему предста-

¹³ Текст в квадратных скобках перечеркнут крестообразными линиями. Этот сюжет уже рассматривался в рукописи (См.: *Митрофанов В.В.* А.Я. Садовский о своей жизни в селе Шёлокша Нижегородского уезда (вступ. ст. публик., коммент.) // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 3 / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Н. Новгород, 2017. С. 161).

вилось, что с ним будет, если его увидят с таким оружием, он бросился в кусты, пробует там как-нибудь устроить палочку на пружину, но все тщетно, пружина испортилась, и кинжал продолжает выскакивать. Тогда он засовывает тросточку в брюки, так чтобы ее не было видно, один конец упирает в голенище сапога, а другой поджилет, и в таком виде, медленно, чтобы не обнаружить перед другими спрятанного оружия, направляется к выходу, и, к счастью, благополучно приходит домой, он уже не думал больше ни о каком (оружие *) гулянье и только благословлял судьбу, что счастливо отделался.

Когда я начал учиться, т. е. в 1860 году, по вечерам мы занимались с сальными, а потом пальмовыми свечами, о лампах не было и помину, лампы, но, конечно, масляные, были только в богатых домах. Должно быть около 1862–63 гг. появились в обращении керосиновые лампы. Вводились они сперва довольно туго, их боялись, существовало множество рассказов об их опасности, приводилось множество случаев пожаров от керосиновых ламп и не только домов, но и людей (много стариков и старух *) многие говорили, что правительство должно запретить керосин, как опасную жидкость и т. д., и т. д., но удобство и дешевизна быстро победили все препятствия и к концу моего учения в институте керосин был везде распространен, а о сальных свечах не было уже и помина. Старый Нижний выгодно отличается от нового тем, что в нем почти не было евреев. Не знаю, как на Нижнем базаре и на Верхнем была какая-то лавчонка на Алексеевской, в которой портняжил еврей. Дворянская улица была еще русская. Помню, на Полевой поселился еврей Кий, устроивший на своей усадьбе целый городок. Откуда они появились в таком большом количестве, как теперь, и захватили в свои цепкие руки многие отрасли русской торговли и русского ремесла, не знаю, но завоевание ими Нижнего, главным образом, надобно отнести ко времени губернаторствования так называвшегося героя Весты Николая Михайловича Баранова¹⁴. Впрочем, я ошибся и то-

¹⁴ 11(23) июля 1877 г. один из пароходов – «Веста» (командир – капитан-лейтенант Н.М. Баранов) в районе порта Констанца был атакован турецким броненосцем «Фетхи-Буленд», превосходившим его не только бронезащитой, но и скоростью хода и калибром артиллерии. Пять часов длился неравный бой, пока удачно пущенный русский снаряд не вызвал взрыв на турецком корабле, решив исход сражения (См.: Герои и

гда евреи были известны как ростовщики и содержатели домов термометров. Помню, по просьбе своего товарища по институту Шереметевского¹⁵ я закладывал его шубу закладчику Шеру на Варварке. Дочь содержателя публичного дома на Похвалинской улице¹⁶ Шварцман училась в гимназии с моей сестрой. Был еще еврей переплетчик Муха. Евреев тогда никто не называл евреями, а просто жидами, и на это название никто не обижался, ни евреи, ни русские как теперь. Тогда к евреям одинаково с презрением относились и правые, и левые, т. е. крепостники и консерваторы с одной стороны и либералы и народники – с другой, и никто не думал выставлять на своем знамени еврейское равновесие. Да и газеты, издававшиеся еще русскими и христианами, не касались еврейского вопроса. Тогда не было евреев врачей, если же и были, напр[имер], Изаксон, то крещеные, аптеки же были еврейскими, их содержали немцы – Хвениул Тейкнер, поляк Демидович. А портных и вообще ремесленников евреев вовсе не было. Теперь дамские портные почти исключительно евреи, да и мужских портных хороших едва ли не более половины или 75 % евреи, они берут заказы и сдают их бедным русским портным, а денюжки кладут в свой карман. Тогда же дамских портных не было вовсе. Были модистки, имевшие и нечто похожее на портных, напр[имер], Куприянова, Терская и др., а мужские портные, лучшие и средние исключительно русские: Барсов, Альбертов, Гамиров и др. Не помню, чтобы были магазины готового платья, которые теперь сплошь еврейские. Евреи же в Нижнем¹⁷ в значительной степени ювелиры и часовщики, а тогда и ювелиры, и часовщики¹⁸ тоже были русские – Тихановский, Гусев, Сорокин и др. И даже болчуга¹⁹ (и тот *) долго имел русскую физиономию. В гимназии в мое время не было ни одного ученика ев-

деятели русско-турецкой войны 1877–1878 гг. СПб., 1878. С. 14–23). Н.М. Баранов был нижегородским губернатором с 1882 по 1897 г.

¹⁵ Шереметевский Петр, сын чиновника, 1 сентября 1869 г. был отчислен из 6 класса (См.: 50-летие Нижегородского дворянского института. Н. Новгород, 1894. С. 20).

¹⁶ Похвалинский съезд соединял нижнюю часть города с Гребешком, Большими оврагами и Ямскими улицами.

¹⁷ Слово вписано сверху строки.

¹⁸ Слово вписано сверху строки.

¹⁹ Балчуг – популярный ветошный базар у Нижегородского кремля.

рея; в адвокатуре, конечно, нигде не было их, говорили про Исаковича, что он крещеный еврей, но тогда крещеных евреев было мало и их уже не считали евреями, теперь крещеными жидами хоть пруд пруди. И, когда подумаешь сравнить старых с новыми, и печать, и крупная, и средняя торговля, и ремесла, и целые отрасли народного труда – все в руках евреев, сложенных своим касилом в единую массу, то страшно становится за родину, за Россию. Не о равноправии с ним надо мечтать, а о том, как бы навсегда от них обособиться. Пройдет еще десяток-другой лет и Россия, а особенно крестьяне, попадут в еврейское право, которое будет горше всякого крепостного права, а главное и избавиться-то от него нельзя будет так легко, как избавился народ от крепостного права. Никак не могу понять наших левых, стоящих за евреев, выставивших их на своем знамени, только одним и объясняю, что они лично тут заинтересованы, преследуют свои личные цели, не заботясь о Родине.

Не было тогда и специальных магазинов готовой обуви, гастрономических, но было больше специально частных магазинов чая и сахара. Обыватели в то время старались все запасы по возможности покупать на ярмарке, особенно жители уездов, все старались отложить хоть немного для ярмарки.

Совсем не было дачной жизни и не было дач, помещики уезжали на лето в имения, горожане оставались в городе, в котором тогда чуть не при каждом доме были сады. Первые дачи появились в Марьиной роще, на так называемом Щелоковском хуторе, кажется в 1880-х годах. Название это получилось от арендатора городской земли, чайного торговца, купца Щелокова, который за недорогую цену арендовал у города землю около Марьиной рощи. Щелоков имел свою небольшую запашку и хутор, а большую часть сдавал в аренду же крестьянам д. д. Ржавки, Кузьминки и др., которые (вели здесь пах. *) имели здесь запашки.

Театр помещался в доме Турчанинова, потом Бугрова, который стоял на том месте, где теперь выстроена городская дума. В театр я ходил редко, только со своими родными, которые тоже посещали его очень редко, жалели на него денег, а у меня деньги были всегда в обрез, только давали на калачи в гимназии, по 3 к[оп]. в день, которые, конечно, и расходовались на калачи и булки. Помню арти-

стов Трусова, Пеуну, потом Варламова²⁰, Казанцевых, Немирову-Ральф²¹, Трофимова²². Театр нравился, но я к нему не пристрастился. Из пьес помню «Материнское благословение»²³, произведшее очень сильное впечатление, «Разбойники» Шиллера²⁴, Шейлока²⁵, «Гамлета», «Грозу», «Гражданский брак»²⁶. Оперетку видел один раз всего – «Прекрасную Елену»²⁷ и она мне не понравилась. Вообще с этой отраслью искусства я всегда был мало знаком; я мало посещал театр и в Петербурге, и в Москве, когда там учился, там главную причину была дальность расстояний – из Петровской академии или Лесного (трудно доехать часто *) (в театр было очень трудно *) в театр не пойдешь. (Начало *) Были еще удовольствия более доступные нам – это катанье зимой на ледяных горах. Попечи-

²⁰ Варламов Константин Александрович (1848–1915) – русский актер, заслуженный артист императорских театров.

²¹ Немирова-Ральф Анастасия Антоновна (1849–1929, Ленинград) – российская и русская театральная актриса, заслуженная артистка Республики (1923).

²² Иванов (Трофимов), Александр Трофимович (1844–1888) – драматический писатель и артист Императорских театров.

²³ Пьеса Н. Некрасова «Материнское благословение, или Бедность и честь» датируется 1842 г. Является переделкой французской пьесы А.Ф. Деннери и Г. Лемуана «Божья милость».

²⁴ «Разбойники» – первая опубликованная драма Фридриха Шиллера, написанная в 1781 г. Премьера спектакля, поставленного по пьесе, состоялась 13 января 1782 г. в Мангейме. Произведение послужило отправной точкой в развитии в Германии другого литературного жанра – разбойничьего романа.

²⁵ Шейлок – один из главных персонажей пьесы У. Шекспира «Венецианский купец», еврей-ростовщик.

²⁶ 25 ноября 1866 г. в Александринском театре состоялась премьера пьесы «Гражданский брак» драматурга-дебютанта Николая Ивановича Чернявского (1840–1871) – одна из самых шумных и скандальных премьер в истории русского театра.

²⁷ «Прекрасная Елена» (фр.: La belle Hélène) – оперетта в 3 актах композитора Жака Оффенбаха, авторы либретто Анри Мельяк и Луи Гавели. Время создания (1864 г.).

тель гимназии предводитель дворянства А.А. Турчанинов²⁸ (а может быть он не был попечителем, хорошо не знаю), живший в своем доме на углу Бол[ьшой] Покровки и Грузинского переуллка, где теперь здание Государственного банка, на огромной своей усадьбе устраивал ледяные горы, на которые пускал нас гимназистов. Я был тогда в низших классах и с большим удовольствием и наслаждением вместе со своими товарищами предавался этому катанию. К сожалению, скоро это прекратилось. После устраивались ледяные горы в Крепости на плацу против Кадетского корпуса, иногда еще военного Константиновского училища, но здесь надо было платить и потому кататься удавалось редко. В половине 1860-х годов открылось новое удовольствие – в первый раз устроили каток на черном пруду, брали за зиму за катанье на коньках по 3 руб. с ученика (взрослые платили больше). Упросил своих, дали мне 3 руб. на взнос и купили коньки, тоже они стоили тогда дорого, около 3-х же рублей. Несколько вечеров и праздников пробовал кататься, но ничего не выходило – сделаю два три шага и упаду, весь, в конце концов, избился, ходил в синяках и никак не мог выучиться. Так и бросил учебу и деньги пропали, и не один я, а мой товарищ Путерин тоже, как и я, никак не мог научиться. Остальные выучились и катались прекрасно, даже наш инспектор института А.Г. Шапошников выучился и постоянно катался.

Во время Шёлокшанской жизни, в 1863 кажется году²⁹, ловили мы с отцом, т. е. он ловил, а я был при нем, известного разбойника Рузавина. Рузавин подобрал себе шайку головорезов и безнаказанно грабил и даже убивал. Продолжалось это долго, его ловили, ссылали, а он возвращался обратно³⁰. Наконец узнали, что он снова поя-

²⁸ Турчанинов Алексей Александрович (1821–1874). В 1860 г. его избрали предводителем дворянства в Горбатовском уезде, в Горбатове он выстроил новый дом. Вскоре он стал почетным попечителем губернской гимназии и Александровского дворянского института. В 1864 г. Алексей Александрович был избран Нижегородским губернским предводителем дворянства, почетным мировым судьей Нижегородского, Горбатовского и Балахнинского уездов, а в 1865 г. еще и председателем губернской земской управы.

²⁹ Три слова вписаны над строкой.

³⁰ О разбойнике имеются и публикации в губернской газете: «О преступнике Илье Рузавине. В прошлом 1863 году снова появился в ниже-

вился и скрывается в лесах около Оранского монастыря³¹. Воронин решил его изловить, выпросил себе отряд казаков, человек 25, и с

городской губернии, бежавший из Сибири, преступник Илья Рузавин, сосланный в 1861 г. в каторжную работу в рудниках, за разбой и грабежи.

С появлением его в нижегородской губернии начали повторяться случаи воровства, грабежей и убийств; образовались шайки разбойников, которые быстро переносились из одной местности в другую, и общая молва обвинила Рузавина в предводительстве этими шайками.

Не смотря на приняты меры к поимке Рузавина, он долгое время успевал избегать преследования властей, скрываясь у пристанодержателей и наводя страх на жителей, не только своим появлением, но и одним именем своим.

Наконец, весною сего года, Рузавин был пойман, горбатовского уезда, в селе Богородском, ближайшими и деятельными распоряжениями нижегородскаго уезднаго исправника, коллежскаго асессора (так в тексте) Воронина (Василия Михайловича. Но почему поимкой занимался глава соседней полиции, сказать не могу. Предположу, что сбежавшим в первом случае и был Илья Рузавин. Тогда объяснимо. Кстати, во главе нашего, Горбатовского, полицейскаго ведомства в те годы стояли: исправник – Василий Андреевич Рубинский, кандидат императорскаго Санкт-Петербургскаго университета; его помощник – Иван Васильевич Загарин, коллежский асессор. Становыми приставами числились: 1-го стана – коллежский асессор Иван Алексеевич Козлов, 2-го стана – коллежский асессор Сергей Петрович Степанов. Председателем губернской палаты уголовного суда был также наш земляк надворный советник Дмитрий Аполлонович Саламыков – прим. автора), и при этом, с обычною ему дерзостью, Рузавин оказал сопротивление, поймавшим его сотским, защищаясь железным ломом и покушаясь бежать.

За побег и другия преступления, совершенныя в настоящее время, Рузавин был предан суду, по полевым уголовным законам, и по приговору того суда, утвержденному исправляющим должность нижегородскаго генерал-губернатора, генерал-адъютантом Огаревым, наказан и сослан снова в каторжную работу в рудниках, с прикованием там к тележке, на узаконенный срок, на предупреждение новаго, со стороны Рузавина, побега» (См.: Нижегородские губернские ведомости. 1864. 3 октября).

³¹ Оранский Богородицкий монастырь – мужской монастырь Нижегородской епархии, расположен в селе Оранки Нижегородской области. Основан в 1634 г. как пустынь дворянином П.А. Глядковым, в честь Оран-

моим отцом, и с другим становым приставом Смирновым, в стану которого находился монастырь, организовал план поимки. Казаков разделили на три отряда, одним командовал сам Воронин, другим Смирнов, а третьим отец. Было очень заманчиво попасть в такую экспедицию, да еще с казаками, поэтому я начал проситься и выпросился. Взяли и меня. Нашему отряду предстояло осмотреть пчельники в ямах и Караулки, нет ли где там Рузавина. Красиво поехали: тарантас, запряженный тройкой, вокруг гарцуют казаки. Не помню, где ночевали, но утром, чуть брезжило, отправились в путь, подвязавши колокольчики. Ездили целое утро и нигде ничего не нашли, наконец, откуда-то пришло известие – поймали, одного поймали, одного убили, а третий убежал. Поехали, конечно, в Оранки на въезжую квартиру. Приехали еще рано, еще никто из тех отрядов не приехал. Наконец, кричат: едут, едут, собрались, конечно, все Оранки и показался поезд.

Въехала телега. На ней скованный по рукам и ногам с двумя здоровенными мужиками сидел Рузавин с окровавленной головою, от крови он казался рыжим. Вокруг гарцевали казаки. Сзади в тарантасах ехали герои дня: исправник Воронин и становой Смирнов, дальше шли пехтурой сотские, десятские. Около въезжей, где мы остановились, на дворе была другая большая изба, в нее поместили Рузавина, все также скованного с двумя сотскими, таким образом, что правая нога и правая рука были в кандалах с левою рукою и ногою одного сотского, а левая рука и левая нога Рузавина с правою рукою и правою ногою другого сотского.

Спустя порядочное время во двор въехала другая телега, на которой лежало тело убитого разбойника, беглого солдата Васина, тело это, должно быть вследствие большой потери крови, было совершенно белое, как сахар, только на груди чернелось небольшое пятнышко, говорили, что он был застрелен в спину и пуля не прошла на вылет, а застряла в груди правее черного пятна. Принесли соломы и тело Васина свалили на эту солому в углу двора, недалеко от избы, в которую был заключен Рузавин. Конечно, я не утерпел и пробрался в эту избу. Она была полна народа, т. е. сотских и десятских, которые сидели на лавках по стенам избы и стояли около две-

ской иконы Божьей Матери, с 1866 г. – общежительный мужской монастырь 1-го класса. В 1920 г. монастырь был закрыт, возрожден в 1993 г.

ри; может быть были тут и посторонние любопытные. Рузавин сидел у стены подальше от окон. Он, по-видимому, бравировал, разговаривал с грубостью, хвастался своими разбойничьими подвигами, отлично помню, как он просил (воды *) дать ему пить воды и как ему в этом было отказано сидевшими тюремщиками, причем объяснена и причина отказа. «Знаем мы де для чего тебе вода, ты нарисуешь на полах лодочку, брызнешь водой, да и будешь такой», т. е. (уплывешь *) исчезнешь от нас, уплывешь на лодке. Рузавин был плечистый, довольно высокий мужчина, лицо его было самое обыкновенное, даже приятное. Когда его обыскивали, то при нем нашли более 360 рублей в черном кожаном бумажнике, причем в одном отделении лежали сотенные бумажки, в другом десятки, а в третьем рублевые и трехрублевые.

Как тогда передавали, Рузавин с его шайкой, которую считали в 4 человека, жили в землянке в глухом овраге в лесной даче Колта, вдали от жилья. Землянка была замечена, может быть ее даже и знали местные жители. Нашелся крестьянин, который повел прямо к месту оба соединившихся отряда Воронина и Смирнова. Было раннее утро. Когда вышли к землянке, то увидели костер, у которого сидел Рузавин и что-то варил. Первый подбежал к Рузавину Воротынский рассыльный Анапова, человек гигантского сложения, бросился на Рузавина и закричал «выходи наши». Будто бы и Рузавин закричал «выходи наши», и из землянки выскочили два или три человека; говорили тогда, что выскочившие сразу бросились наутек, (когда по одному *) по ним раздались выстрелы со стороны казаков и одним из которых казаком Максумом и был убит в спину Васин. В это время Рузавин и Анапов боролись вдвоем, и никто из них не мог победить другого, подбежал какой-то казак и прикладом ружья ударил Рузавина по голове, Рузавин потерял сознание, свалился, его связали и повели к лошадям. Васина подняли со слабыми признаками жизни, повезли его на телеге, конечно, не перевязали рану, и кровь из него хлестала ручьем. Он умер, не доезжая до монастыря, он только увидел главы и кресты церкви, перекрестился, попросил прощения у Бога и людей и умер. В дознании, как после говорили, было написано, что Васин и другой разбойник стреляли и что Рузавин сопротивлялся чуть ли не с оружием, но на самом деле этого не было и написано это для того, чтобы предать Рузавина смертной казни. Рузавина действительно предали военному суду и

казнили в августе того же года ³², я не был на казни, так как это еще была вакансия.

Отец долго сожалел, что не нашему отряду удалось заставить разбойников, тогда бы говорил, мне бы дали орден, ему очень хотелось иметь орден, но так ничего и не получил и вышел в отставку без ордена. Забавно, что, как потом оказалось, у наших казаков ружья не были заряжены и когда их спросили, почему же не заряжены, они отвечали, что не было получено на это приказание. Об этом случае отец не любил говорить, а мы иногда посмеивались. Вообще казнь Рузавина лежит на совести Воронина, это он устроил ее, написавши в акт о стрельбе в казаков и в него, чего на самом деле не

³² Имеются официальные сообщения об этом. «О разстреливании разбойника Григория Рузавина». «Нижегородского уезда в лесу под названием “Колты” близ деревни Оранок, пойман разбойник Григорий Степанов Рузавин, тот самый, который в продолжении около 15 лет занимался поджогами, грабежами и душегубством, наводя ужас на села и деревни, в окрестностях коих появлялся он со своею шайкою. Сверх того разбойник Рузавин навлекает на себя сильное подозрение в том, что он участвовал со своею шайкою в поджоге села Борисова Нижегородского уезда, где сгорело 64 крестьянских дома и 16 келий с надворным строением, на сумму до 27 000 руб.; Рузавин и бывшие с ним другие два разбойника защищались огнестрельным оружием против Исправника и бывших при нем: Станового Пристава, казаков, разсыльного и сотских; Рузавин был взят, товарищ его Васин ранен в перестрелке и тут же умер от раны, а третий разбойник скрылся и доселе еще не схвачен. За все вышеуказанные преступления разбойник Рузавин был предан военному суду в Военно-судной Комиссии, учрежденной при Управлении Исправляющего должность Нижегородского Генерал-Губернатора, и эта Комиссия на основании 20, 83, 604, 631 632 ст. I кн. V части Уст. Военн. Уг. (изд. 1859 г.) приговорила разбойника Рузавина к смертной казни разстреливанием. Исправляющий должность Нижегородского Генерал-Губернатора, утвердив таковой приговор Военно-судной Комиссии, назначил местом казни Рузавина поле, в Нижнем Новгороде за Арзамасской заставой, 8 числа сего августа в 10 часов утра. О чем объявляется во всеобщее сведение» (Объявления и извещения // Нижегородские губернские ведомости. 1863. 7 августа.). В. Короленко приводит другие сведения (См.: *Короленко В.Г.* Легенда о царе и декабристе // Русское богатство. 1911. № 2. С. 113–175).

было. (Рузав *) Воронин ³³ и Смирнов получили за свои подвиги по ордену, Смирнову дали Станислава 3-й степени, который он постоянно носил на всех костюмах, если не орден, то ленточку от ордена.

Отца при жизни считали очень богатым человеком и после его смерти говорили, что он нам, детям, оставил огромное состояние, что состояние это он нажил на службе. Против этого я должен протестовать. На службе он нажил очень мало, потому что никогда никакими вымогательствами и лихоимством не занимался. Как я выше говорил, у нас имелась почти даровая провизия, водка и получались так называемые благодарности, которых, конечно, не могло быть много. Время, в которое служил отец, небольшие деньги, которыми он располагал, и чрезвычайная бережливость в домашнем обиходе помогли ему в том, что он приобрел в своем стану более 1000 десятин земли, которая потом, через много лет, приобрела стоимость, о которой никто не мог и мечтать. Вскоре по переезде в Шёлокшу отец продал свой дом в Нижнем за 5500 руб., уплатив долги по постройке флигеля и ремонту дома, у него осталось около 3 тысяч, после этого он продал часть приданной земли матери в с. Медяне Курмышского уезда, сколько за нее получил я не знаю, но едва ли более 2000 руб. В то время, непосредственно после освобождения крестьян, помещики продавали свои земли и особенно леса за бесценок. Отец боялся покупать леса. Он покупал земли, также и земли с лесом, но лес не ценил, он покупал по доходу, исчисляя стоимость из 10 %, так тогда покупали и продавали, а доходность часто бывала несообразно малая с возможно действительно доходностью. При частых поездках по стану, при наличности добрых, хороших знакомых и друзей, ему удавалось узнавать о выгодных покупках. Первое имение – пустошь в 100 дес[ятин] – откупил у своего знакомого Чирикова, которому очень хотелось ее продать и уехать из Нижнего вовсе. Отец дал ему столько, сколько давали другие. Пустошь была где-то около Кривой Толокши, были луга и молодой лесок, купил и молодой лесок, купил ее рублей за 800, а через год или два продал за 2000 р[ублей], следующая покупка была у Барышникова. Продавался дубовый лес 15 дес[ятин] около Чаглавы. Тогда проводилась Нижегородско-Московская дорога,

³³ За это дело Воронин подвинулся по службе. Он получил чин статского советника и орден Владимира.

и лес мог пойти на шпалы. Там было 1200 вековых дубов. Отец купил за 1200 руб[лей], продержал год или два и продал один лес на сруб за 1900 руб[лей], а земля осталась, она с тех пор сдается мужикам за 45 руб[лей] в год, теперь принадлежит мне и я сдаю ее за ту же сумму 45 руб[лей]. Потом было куплено около Черемисского 100 дес[ятин] лесной пустоши за 1000 руб[лей], она сдавалась под выгон и сенокос за 100 р[ублей] в год, отец держал ее долго, пожалуй лет 20, так как только в начале 1880 годов, по случаю выдачи замуж дочерей, продал ее, кажется, за 7000 руб[лей]. В то же время, т. е. в период первых лет Шёлокшанской жизни, была куплена Щербинка, при покупке оценивалась одна пахотная земля, слюда же, т. е. гора по Оке, ни во что не ценилась. Это имение долго продавалось братьями Толубаевыми, даже расклеены были объявления о продаже и желающих не было. Она была (продана по 25 р[ублей]. *) куплена что-то вся тысячи за 2 с половиною, причем участки с водою р. Оки и бичевником прикупались у сестры Толубаевых за 15 руб[лей] за участок. Теперь здесь землю продают уже по саженьям, брат Илья свою часть продавал от 35 коп[еек] до 1 р[ублей] за сажень, а сестра и другие продают по 2 р[убля] и по 2 р[убля] 50 к[опеек] за сажень. Это имение и до сих пор числится за ними, продал только значительную часть брат Илья, я же и брат Александр ничего не продавали, я только выделил часть дочерям; к сожалению, у меня мало здесь земли, всего 15 десятин.

К отцу довольно часто заезжал граф Александр Сергеевич Ланской³⁴. Знакомство их завязалось с начала поступления отца в приставы Нижегородского уезда. Он обнаружил в имении Ланского с. Чернухи³⁵ (графини В.С. Ланской³⁶) большое мошенничество с

³⁴ Ланской Александр Сергеевич (1832–1869) – сын министра внутренних дел, графа С.С. Ланского.

³⁵ Чернуха – село в Арзамасском районе Нижегородской области, расположено на реке Чернушка, рядом с рекой Сережа. Расстояние до Арзамаса – 33 км, до Нижнего Новгорода – 100 км.

³⁶ Ланская Варвара Сергеевна (1816–1878) – фрейлина, была болезненного здоровья и замуж не выходила. По словам современника, умнейшая и живейшая особа, была единственным лицом с характером из всей ее семьи, и не будь она хлопотуньей и ворчуньей, распущенность в домашнем быту Ланских дошла бы до того, что они рисковали ос-

отчетами бурмистра³⁷ и сразу приостановил его, о чем сообщил графу, с тех пор добрые отношения не прерывались, Ланские просили отца быть у них чем-то вроде управляющего, т. е. получать аренду и отсылать ее им, имение было оброчное; большого труда это не составляло, за управление отец получал 10 %, около 300 руб[лей] в год, это было хорошим подспорьем. Отец управлял этим имением и после выхода в отставку до тех пор, пока крестьяне не вышли на выкуп, купивши все отрезные земли в общую свою собственность. Ланские были очень благодарны и любили отца: граф Александр (Алексеевич *) Сергеевич по духовному завещанию отдал отцу 4 билета внутреннего с выигрышами займа, а все они, после окончания всех дел по имению, подарили отцу усадьбу в с. Чернухи, которая потом была продана что-то около 3000 руб[лей]. (Затем в Лук *) Кроме того, граф Алекс[андр] Сергеевич продал отцу за 2100 руб[лей] пустошь Хитрову около д[еревни] Елховка 300 дес[ятин], ему предлагали эту цену какие-то покупатели, а он предложил отцу не хочет ли он; отец, не выдавши земли, согласился; долго эта пустошь давала в год аренды 200–250 р[ублей]. Ее отдали в приданое сестры моей Елизавете, а та в 1906 году продала Крест[ьянскому] банку за (2100 *) 21000 р[ублей], в пустоши подрос лес и перед продажей в банк сестра получала за вырубку леса более чем по 1000 р[ублей] в год в течение лет 10-ти, не менее. Затем было куплено за 250 р[ублей] Лукерьино около 75 дес[ятин], теперь оно в приданом сестры моей Агнии Алелековой и приносит им 550 р[ублей] в год. Куплено было тоже в начале 1860 годов у Познякова Ройка с усадьбою в с. Борисовском и с пахотной землею у с. Федякова 66 дес[ятин], всего около 390 десятин за 6000 руб[лей], потом пахотная земля в начале 1880-х годов была продана за 6600 руб[лей], а усадьбу мы продали уже после смерти отца за 2500 руб[лей], а лес в Ройке остается за нами двумя братьями Александрями, его 315 десятин и стоит он теперь, по крайней мере, тысяч полтора, если не более; там очень подрос лес, стало много строевого, особенно в моей части; брат же свою часть порядочно изрубил. Значительно позднее было еще куплено 36 дес[ятин] у

таться без обеда или без возможности выезжать от нетрезвости или самовольной отлучки кучеров или лакеев.

³⁷ Бурмистр – в России при крепостном праве управляющий помещичьим имением или староста из крестьян.

села Федякова за 700 руб[лей], а продано за 3600 рублей. Забыл еще упомянуть о покупке у Бабкина хуторка около Жедрина, за сколько он купил, не знаю, вероятно, около 1000–1500 р[ублей] и продали за вдвое большую сумму. Вот все, что нажил отец: за дочерьми денег он не давал, а дал Хитрово и Лукерьино, после его смерти его оставалось менее 2000 руб[лей]. Если проследить хорошенько, то и окажется, что он оперировал на деньги, вырученные от продажи дома и медянской земли, да от выручки за проданные имения. И, наконец, если бы он злоупотреблял, то не пользовался бы такою хорошою доброю славою, не приходили бы к нему разные крестьяне за советами и за своими нуждами, спустя много лет после оставления службы; даже теперь приходится встречать и нередко, мужиков, знавших его, поминающих его как доброго хорошего человека, каких теперь нет. Помню также и среди дворян и прочих сословий городских он пользовался большим уважением и, как только он вышел в отставку, его на первом же Нижегородском земском собрании выбрали в почетные мировые судьи, я думаю, есть ли еще такие случаи, чтобы станowych выбирали в почетные судьи, к сожалению, он не имел образовательного ценза и потому Сенат не утвердил его в (звании *) должности судьи.

Как я выше сказал, отец боялся покупать леса, но если бы он покупал лесные дачи, то мы теперь были бы миллионерами. Управляющий князя Долгорукова Борисовский его вотчины (Мордовского Борисова) продавал леса по 1 р[ублей] за десятину, никто этому теперь не поверит. На р. Озёрка против с. Тепелева, в сравнительной безлесной местности, был так называемой Тепелевской бор 1000 дес[ятин], его продали за 10000 руб[лей], это был старый сосновый бор, цена которому теперь была бы несколько сот тысяч. Все это можно было купить, но от всего этого отец отказался, потому что боялся покупать леса, ему было неприятно бороться с порубками, судиться он терпеть не мог, и я не помню, чтобы он судился, кроме одного раза. У него, если мужик вырубит дерево, налагался штраф в 1 руб[ль] с тем, чтобы этот же штраф мужик уплатил в свою приходскую церковь, для чего ему давалось на руки записка к попу. Не знаю, платились ли эти штрафы, так как, кажется, отец не следил за уплатою их, но думаю, платились. Кроме того, он боялся летних пожаров. Сослуживец отца, становой Смирнов, в это время покупал леса, и теперь сын его большой богач. Он купил у Арсеньевой несколько сот десятин по 17 руб[лей] за десятину, неболь-

шую часть около 300 дес[ятин] вскоре продал князю Чегодаеву³⁸ за ту сумму, которую заплатил за все имение, а свои леса продавал на сруб, выручая в то время (в 1870-х годов) около 1000 р[ублей] с десятины, при своей разработке. Какой же это был чудный вековой сосновый лес, можно судить по цене, если в то дешевое время выручалась такая сумма. Вообще леса до последнего года или примерно до 1907 г. росли в цене не очень сильно, но, конечно, росли, с этих лет цены на лес растут огромными безумными скачками. Еще в 1890-х годах, так около 1896 г., когда я служил в уезде, приезжала барыня Горшинская, владелица 1000 десятин старого нетронутого леса в Нижегородском уезде на границе с Арзамасским и с первого слова просила за него 65000, с радостью отдала бы за 50, если бы поторговаться, но покупка была признана неподходящею и ей было отказано.

Во время Шёлокшанской жизни довольно часто приводили к отцу пойманных бродяг, беглых, иногда каторжников, которых унавали по вытравленным клеймам на лице, из бродяг были преимущественно Иваны непомнящие родства, эти на все вопросы, предлагаемые с ехидною целью что-нибудь выведать, только улыались и отвечали «не помню», беглые каторжники все назывались непомнящими родства, так как за это их ссылали в Сибирь, а с дороги они убегали. Я не помню, чтобы были какие-нибудь выдающиеся злодейские лица, все самые обыкновенные. Только одного помню, уже не молодого с черным каким-то зверским лицом и глазами, с ясными следами клейма и с каким-то ухарски молодецкими ухватками, как его не выпытывали, не расспрашивали он все твердил свое «ничего не помню». Был еще один, если можно назвать, политический, какой-то рваный, грязный, назвавшийся офицером в отставке, типичный босяк, который, кажется, в Кстове в трактире или в кабаке почему-то крикнул: «Его величество – сукин сын». Его сразу же сцапали и привезли в Шёлокшу, здесь допросили и немедленно, как важного политического преступника, с другим сотским отправили в Нижний. Других политических никаких не было и разговоров об них не было. Вероятно, во время польского восстания, значит в 1863 или 1864 году, мужики привезли связанными показавшихся им подозрительными «поляками-поджигателями» нескольких человек, одетых в белые балахоны (пыльники), оказались

³⁸ Чегодаевы – русский княжеский род татарского происхождения. Считали себя Чингизидами из Белой Орды и даже претендовали (без каких-либо оснований) на происхождение от Чагатая (Джагатая), второго сына Чингиз-хана.

они землемерами или топографами, кажется, в это время производились съемки губернии для составления карты ее, может быть тут были поляки, может быть польский говор и белые балахоны сыграли немалую роль, говорили даже, что мужики их сперва и поколотили; хорошо этой истории я не знаю, так как она случилась в то время, как я учился и был в Нижнем, и передаю по тогдашним рассказам, насколько их помню.

Подобный же случай был позднее, когда мы жили уже в Щербинке. Из глубины уезда, верст за 25–30 привезли связанного по рукам и ногам на телеге подозрительного человека, кем его считали, не знаю, не помню, но чуть ли тоже не поджигателем. Отца не было дома, мы заинтересовались, и оказалось, что это был француз Оббариус, учитель французского языка в Нижегородской семинарии. Кое-как с грехом пополам мы с ним объяснились. Оказалось, в вакации ему захотелось по примеру заграницы, отправиться в путешествие в окрестности Нижнего. Купил он большой ранец, надел его на спину, положил разные запасы и отправился по обряду пешего хождения знакомиться со страной, «как у нас заграницею». Где-то около Мордовского Борисова мужики его схватили как опасного человека, посадили в холодную, добиться от него ничего не смогли, так как он по-русски ничего не говорил, и на другой день связанного привезли в станковую квартиру. Мы сами все-таки отпустить его побоялись и предложили дожидаться отца, которого ждали на другой день, поместили мы его в своих комнатах, угостили его, оказался предобродушнейший человек, сам смеялся на свое приключение, жаловался только на тряскую телегу и веревки, от которых ему было больно. Приехал отец и, конечно, отпустил его. Оббариус, должно быть, никуда не жаловался на свое задержание, по крайней мере, я не помню, чтобы об этом говорили.

Когда исправник Воронин сделался охотником, то начал хлопотать о сохранении дачи. Пошли строгие приказы ловить весною до Петрова дня браконьеров. У нас в канцелярии стены были увешаны ружьями, отнятыми у мужиков-охотников. Один раз привезли браконьера – моего товарища Лебле, которого отец сейчас же и отпустил с миром, и с его ружьем. Отец лично не сочувствовал такой мере: все ружья после Петрова дня он отдал обратно без всяких протоколов. Было это только один раз, в прочие года уже не ловили и все пошло по-старому.

В это же время я начал курить. Товарищи долго приучали к курению, неоднократно было дурно, чуть не падал в обморок, но курить научили, был я в это время в IV классе. Курил потихоньку, потом когда мне было 15 или 16 лет, отец заметил курение, хотя, вероятно, замечал и раньше, но не говорил, и в мои именины пода-

рил мне очень хороший портсигар, набитый папиросами, и табак с гильзами. Я был чрезвычайно удивлен и обрадован, с тех пор мне начали выдавать и лишние деньжонки на табак.

Кое-как в 1870 году я кончил курс в Александровском институте. На радостях все мы кутнули, купив по бутылке вина, помню, я купил бутылку кагора, Кузмин – бутылку лиссабонского и т. д. Сейчас же надели штатское, у нас заранее припасенное, и пошли гулять на Откос. С каким удовольствием я поклонился нашему подлецу Бертрану и Гетлингу, после чего чувствовал себя героем, как бы совершившим какой-то подвиг. Бертрану, кажется, никто из товарищей не поклонился, с Гетлингом же некоторые кланялись.

Кажется, на другой же день вечером я уехал в Шёлокшу.

Публ. по: РГАЛИ Ф. 464. Оп. 4. Д. 31. Л. 136 об. – 152.

РАБОТА ЛАУРЕАТА V КОНКУРСА МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ-КРАЕВЕДОВ ПАМЯТИ Н.Ф. ФИЛАТОВА

Муромское восстание в июле 1918 года: нижегородские сюжеты

А. А. Домахин

До недавнего времени история восстания в Муроме против советской власти в июле 1918 г. не рассматривалась вовсе. Лишь в начале XXI в. вышло несколько работ, посвященных ходу восстания [1; 2; 3].

Следует отметить, что организация Муромского мятежа 1918 г. тесно связана с Нижегородским краем в целом и с Нижним Новгородом в частности.

Расширяющееся антибольшевистское сопротивление вылилось в создание в марте 1918 г. Союза Защиты Родины и Свободы, ячейки которого были образованы в Москве, Муроме, Ярославле, Рыбинске, Костроме, Калуге и городах Поволжья, в том числе в Нижнем Новгороде. Подобное расположение организаций охватывало Москву полукольцом, чтобы в случае восстания подавить не только Совнарком в столице, но и Советы в ближайших к ней городах.

Организатор Муромского восстания подполковник Николай Павлович Сахаров 3–8 июля находился в Нижнем Новгороде, где и готовилось выступление в Муроме. До отбытия в Нижний Новгород Сахаров несколько раз приезжал в Муром к своей семье, которая проживала на территории Спасского монастыря, но был вынужден покинуть город из-за распространившихся слухов о его тесной связи с руководителями чехословацкого движения в Сибири, а также на Дальнем Востоке [4, с. 315].

Слухи, ходившие по городу, привели к обыску в семье Сахаровых местной Чрезвычайной комиссией в лице военного комиссара Лашкова. В ходе обыска 3 июля 1918 г. (по другой версии 4 июля) в ларе под иконами у матери Николая Павловича Антонины Василь-

евны Сахаровой было обнаружено около 130 тысяч рублей кредитками, якобы полученных по наследству. Еще часть денег, по показаниям матери, забрал подполковник Сахаров с собой в Нижний Новгород [5, с. 218]. Пребывая там, он должен был получить новости о начале эсеровского мятежа в Москве или Ярославле (6 июля 1918 г.).

Достоверно не известно, почему для восстания был выбран именно Муром, а не Нижний Новгород [6]. По одной из версий, руководством Союза Защиты Родины и Свободы делалась ставка на уничтожение председателя Высшего Военного Совета Республики (ВВСР) генерала М.Д. Бонч-Бруевича и руководства Красной Армии в целом, которое переехало в Муром весной 1918 г. [3, с. 198]. Однако ко времени прибытия подполковника Сахарова в Муром на пароходе из Нижнего Новгорода (8 июля около 10 часов вечера), генерал М.Д. Бонч-Бруевич уже покинул город [7, л. 145–149].

По другой версии выбор Мурома в качестве места восстания был обусловлен личным фактором. Н.П. Сахаров был местным уроженцем и смог убедить руководство Союза в успешности выступления в своем родном городе, жители которого были враждебно настроены к советской власти [8, с. 156]. Об этом, кстати, вспоминал и Бонч-Бруевич, написавший в мемуарах: «Город встретил нас с явной неприязнью, и это чувствовалось всюду: на квартирах, отведенных под постой, в очередях, на улице» [9, с. 218].

Исходя из того, что Сахаров прибыл с добровольцами из нижегородской организации, можно сделать вывод о том, что на подготовку мятежа непосредственно в Нижнем Новгороде у Союза Защиты Родины и Свободы надежды не было.

Началось восстание в Муроме около полуночи 8 июля 1918 г., когда были атакованы казармы караульной роты Высшего Военного Совета. Благодаря захвату арсенала все добровольцы были вооружены винтовками. В военном комиссариате Мурома (ул. Ивановская) был образован штаб восстания, состоявший из подполковника Н.П. Сахарова, военного врача Н.С. Григорьева и местного купца А.Ф. Жадина, выступавшего в роли казначея восстания [10, с. 202].

К 11 часам утра 9 июля восставшие, назвавшие себя «Восточным отрядом», захватили город, а всех советских работников посадили в тюрьму. По улицам были расклеены воззвания к рабочим, крестьянам и гражданам от имени руководителей восстания и Союза Защиты Родины и Свободы. В одном из обращений говорилось:

«Граждане! Власть большевиков в Муроме свергнута. Те, кто несколько месяцев тому назад обманом захватили власть и затем путем неслыханных насилий и издевательства над здоровой волей народа держали ее в своих руках, те, кто привели народ к голоду и безработице, восстановили брата на брата, разделили по карманам народную казну – теперь сидят в тюрьме и ждут возмездия».

Все листовки были напечатаны в Муроме в частной типографии Миловановой. Из них можно узнать о целях и задачах восстания. Несмотря на декларативный характер, листовки свидетельствуют об антибольшевистской направленности действий восставших, отбросивших свои политические разногласия и пристрастия перед лицом общего противника [11, с. 152–154.]. На территориях, освобожденных от власти большевиков, провозглашались защита прав и жизни населения, восстановление законности, возобновление работы органов местного самоуправления, отмена ограничений при продаже и покупке хлеба, снятие при первой возможности военного положения, а также широкая амнистия всем, кто по недоразумению примкнул к большевикам.

Также в ходе агитации, которую вели представители «Восточного отряда», сообщалось о захвате Нижнего Новгорода и Арзамаса [12].

Подобное сообщение можно расценивать как умышленное введение жителей в заблуждение, так как уехавший накануне из Нижнего Сахаров не мог не знать, что там не будет даже попытки восстания. Что касается Арзамаса, то на него у восставших, видимо, имелись серьезные надежды. Во всяком случае, в своем «Приказе № 1», командующий «Восточным отрядом» сообщал о введении военного положения в «Муроме, Арзамасе и прочих пунктах, занятых в ночь с 8 на 9 сего июля нового стиля». В этот же день был совершен молебен во главе с епископом Митрофаном Муромским об освобождении Мурома от большевиков. В целом восставшие рассчитывали на поддержку противников Советской власти и той части населения, которая сначала с энтузиазмом восприняла приход новой власти, а затем разочаровалась в ней [13, с. 2].

Несмотря на успешное начало, выступление в Муроме было обречено. Выражая молчаливую поддержку, жители города не оказали активной помощи восставшим так, как это было, например, в Ярославле. Их противники, наоборот, даже потеряв контроль над городом, не сидели сложа руки. В ночь с 8 на 9 июля исполняющий обя-

занности председателя Муромского Совета Андрей Иванович Ерлыкин отправил во Владимир телеграмму с просьбой о помощи [14].

Впрочем штаб восставших тоже действовал активно, пытаясь взять под контроль железную дорогу Муром – Арзамас. Был послан отряд на станцию Навашино (сейчас в Нижегородской области, участок Казанской железной дороги), но он был разбит прибывшими туда рабочими местной судостроительной верфи Коломенских заводов [15, с. 232–248].

В Арзамасе также имелась подпольная организация Союза Защиты Родины и Свободы. В период Муромского восстания членами данной организации на территории Арзамаса были разбросаны прокламации о свержении большевистской власти. Существование арзамасской организации подтверждают также и отчеты Нижегородской губернской ЧК, проводившей репрессии против ее членов в сентябре 1918 г. [16]. Так «Еженедельник ВЧК» приводил сведения о расстреле чекистами в связи с Муромским восстанием двух юношей из Арзамаса, которые испортили телеграфные провода в целях нарушения связи Арзамаса с Нижним Новгородом. Однако переворот в Арзамасе так и не был совершен, поскольку в город прибыл боевой отряд караульного батальона Нижегородского губвоенкомата «для подавления ожидаемого белогвардейского восстания» [17].

На подавление восстания в Муроме на следующий день были высланы отряды из Владимира, Коврова, Судогды, Гуся, Меленок, а также из Кулебак и Выксы. Отряды двигались с трех направлений, благодаря чему Муром окружили полукольцом. Бойцы из Москвы, Владимира и Гуся атаковали восставших со стороны Курловского, отряды из Судогды и Коврова – со стороны села Горбатки, кулебачане и выксунцы – с юга. Покидая город утром 10 июля отряд Сахарова не смог уничтожить документацию штаба и разрушить связь [18, с. 133–134].

После разгрома мятежа, восставшими было принято решение пробиваться на соединение с чехами. Вечером 10 июля отступающий отряд мятежников был настигнут у станции Дворики, где частично рассеялся. Второе столкновение состоялось ночью 11 июля у Ново-Дмитриевского. Там восставшие были разбиты, но смогли с боем прорваться мимо Выксы к Ардатову, где окончательно рассеялись. Известно, что часть мятежников на пароходе отплыла к Нижнему Новгороду. В обоих столкновениях часть восставших попала в плен. Из них 12 человек были расстреляны около Иверского

женского монастыря в Выксе. Через две недели непосредственно в Муроме в подвале дома Каратыгина было расстреляно еще 12 человек, имевших отношение к восстанию [19, с. 3].

Некоторые восставшие были замечены проезжавшими на лошадях мимо Ташинского завода (ныне г. Первомайск Нижегородской области) в направлении Лукоянова. На станции Лукоянов при попытке нападения на поезд они были арестованы и позднее расстреляны [20, с. 69].

Никого из руководителей восстания задержать не удалось. А.П. Сахаров и Н.С. Григорьев добрались до чехословаков и Колчака. Но уже позже, через три года, был арестован А.Ф. Жадин, которого расстреляли во Владимире [21].

Информация в печатных средствах массовой информации того времени о Муромском мятеже скудна. В центральных газетах «Известия» [22, с. 2] и «Правда» [23, с. 3], а также в «Нижегородской коммуне» содержится лишь маленький репортаж военного комиссара Муромской линии Шухова, который сообщал о подавлении «авантюры палачей» и нахождении всех учреждений «в руках борцов Советской власти» [24, с. 2]. Те же издания сообщали о сохранении порядка и расколе левых эсеров в Нижнем Новгороде, благодаря «своевременно принятым мерам».

Подводя итог, можно говорить о том, что Муромское восстание в июле 1918 г. подготавливалось в Нижнем Новгороде, и было тесно связано с организацией подобного мятежа в Арзамасе и самом Нижнем. Июльские события дали повод большевикам ликвидировать все политические партии, установив однопартийную систему.

Источники и литература

1. Кидяров А.Е. Муромское восстание 1918 г. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 4.

2. Кручинин А.С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения-V. Муром. 14–16 мая 2002 г. / под ред. Т.Б. Купряшиной и Ю.М. Смирнова. Муром, 2003.

3. Смирнов С. Муромское восстание // Гражданская война и Нижегородский край. Исследования, воспоминания, дискуссии / автор-сост. С.А. Смирнов. Н. Новгород, 2018.

4. История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. Муром, 2001.

5. Ерлыкин А. Белогвардейское выступление (Из воспоминаний). Фонд Муромского историко-художественного музея.

6. Письмо Л.А. Кондратюк // Муромский рабочий 1962. 16 августа.

7. Российский государственный военный архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 74.

8. Ярославское восстание. 1918 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков. М., 2007.

9. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957.

10. Арефин П. О партийной и советской работе в Муроме и уезде (1917–1920) // Двадцать лет рабочей организации городов: Муром, Кулебаки, Выкса. М. – Пг., 1923.

11. Самарова Ю.С. Муромский мятеж глазами М.Д. Бонч-Бруевича // Материалы XVIII межрегиональной краеведческой конференции (19 апреля 2013 г.). Владимир, 2014.

12. Астахов В.В. Мое воспоминание и участие в революционных событиях 1917–1921 гг. // Автобиографии и воспоминания членов историко-революционной секции (при Муромском краеведческом музее). Фонд Муромского историко-художественного музея.

13. Конец мятежа в Муроме // Красная газета. 1918. 13 июля.

14. Приказ Муромского уездного комиссариата по военным делам от 30 июня 1918 года № 98. Фонд Муромского историко-художественного музея. № М-12351 1049.

15. Кручинин А.С. Стратегия и тактика Муромского восстания (1918) // Материалы 8-х Уваровских чтений. Муром, 2013.

16. Веремеев Ю. Муромский мятеж 8–10 июля 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/murom-matez.php> (дата обращения 18.04.2018).

17. Еженедельник ВЧК. 1918. № 6.

18. Красная книга ВЧК. В 2 т. Т. 1. М., 1990.

19. Муромские события // Рабочий край. 1918. 12 июля.

20. Савинков Б.В. Борьба с большевиками // Литература русского зарубежья. М., 1990. Т. 1, кн. 2.

21. Запрос (копия) М.А. Казанковой в Центральный архив ФСБ РФ. Находится в личном фонде М.А. Казанковой.

22. Военное положение // Известия 1918. 11 июля.

23. Партийная работа // Правда. 1918. 11 июля.

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.В. СЕДОВА

Редакционная коллегия продолжает публиковать отрывки из рукописи профессора Нижегородского университета А.В. Седова (1924–2010), посвященной истории нижегородских банков. В этом выпуске печатается глава, рассказывающая о Николаевском ссудном капитале. Помимо поучительной истории этого финансового института, читатель найдет в ней некоторые любопытные сведения биографического характера о П.Е. Бугрове, Н.И. Храмцовском, И.А. Шубине.

Императорский дар

А.В. Седов

Российские цари-императоры нередко навещали Нижний Новгород, сыгравший судьбоносную роль в истории России. Дважды, в 1834 и 1836 гг., посетил наш город и Николай I. И не случайно, не по царской прихоти, а по государственной надобности. Перевод Макарьевской ярмарки с 1817 г. в Нижний Новгород существенно повысил значимость Нижнего. В нем быстро нарастал торгово-промышленный потенциал. А Николай I был не «оловянным солдафоном», как его высокомерно обозвал А.И. Герцен, а здравомыслящим правителем. Он заметил эволюцию Нижегородской губернии и поддержал ее, приказав перестроить Нижний Новгород из города-крепости, каковым он был несколько веков со дня основания, охраняя восточные рубежи государства, в торговую столицу России, начало чему и положил перевод Макарьевской ярмарки в Нижний. По императорской инициативе была разработана широкая программа градостроительных преобразований Нижнего Новгорода, результаты реализации которой до сих пор сохраняются в современном облике старой части Нижнего. По этой программе запрещалось возводить дома деревянные, а только каменные, чтобы придать городу «столичный облик». Для выполнения этого масштабного плана в 1836 г. был учрежден Строительный комитет (в дальнейшем – Строительная комиссия), а при нем – Николаевский вспомогательно-строительный капитал, из которого ниже-

городцам выдавались ссуды «на постройку новых и ремонт обветшавших домов для урегулирования города по плану» [1, с.16].

В основу этого капитала была положена долгосрочная льготная ссуда местного Приказа общественного призрения в сумме 85 714 рублей серебром сроком на 33 года из 4 % годовых [2, с. 104]. Этот капитал оказался дееспособным, он быстро, что называется, встал на ноги, и уже в 1839 г. исчислялся в 302 600 рублей 93 копейки наличными, и 32 277 рублей находилось в кредиторских долгах за обывателями Нижнего [3, л. 3]. Хранился этот капитал отдельной статьей в Приказе общественного призрения. Он сыграл весьма позитивную роль в развитии нашего города. К его услугам прибегали многие нижегородцы. Одним из первых это сделал основатель знаменитой бугровской фирмы Петр Егорович. В 1838 г. он перебрался из деревни Попово Чистопольского удельного приказа (волости) Семеновского уезда в Нижний Новгород, купив у вдовы купца Пятова дом на Рождественской улице. Он стоял там, где теперь расположен Японский центр ¹. Вместе с домом Бугров приобрел и большой участок городской земли, который стал застраивать по царскому плану. И потому в 1839 г. обратился в Строительный комитет за разрешением поставить свой новый каменный трехэтажный дом с выходом на Нижневолжскую набережную. При этом Петр Егорович сослался на Высочайше подтвержденный, то есть утвержденный царем, план застройки города, предписывающий застраивать пустующие участки городской земли только каменными зданиями. Вместе с тем, Бугров попросил предоставить ему ссуду в 10 тысяч рублей на 26 лет, ибо «на такое обширное здание собственного капитала я не имею». Комитет просителя уважил [4, л. 2, 13].

Бугров положил добрый почин. Его примеру последовало столько застройщиков, что Строительному комитету пришлось уменьшить размеры кредитов, иначе Вспомогательно-строительный капитал могли растащить совсем. В дальнейшем стали выдавать кредиты не более 2000 рублей. П.Е. Бугров стал в Нижнем умелым строительным подрядчиком, и потому неоднократно обращался за строительными ссудами в этот Капитал, где ему оперативно помогали, потому что он на первый кредит из этого источника поставил на Нижневолжской (тогда Окской) набережной такой добротный дом, который до сих пор украшает эту часть города. П.Е. Бугров

¹ Ул. Рождественская, д. 27 (прим. редактора).

стал крупнейшим строительным подрядчиком Нижнего Новгорода, поставил в нем много красивых домов. Потому и управление Николаевским вспомогательно-строительным капиталом относилось к нему благосклонно. Кроме первого кредита в 10 тысяч рублей, оно и в дальнейшем помогало ему, как надежному застройщику, выделив в 1852 г. 2000, в 1853 году – 850 рублей [5, л. 30; 6, л. 47–49].

Но, несмотря на все усилия и настояния Николая I, в Нижнем Новгороде тогда преобладали дома деревянные, тем более что застройщикам они обходились дешевле. И Строительной комиссии пришлось отступить от императорского требования о каменной застройке Нижнего Новгорода, кредитовать и застройку деревянную, но хотя бы на каменном фундаменте. Именно на таких условиях она в 1846 г. предоставила кредит в 2000 рублей писцу Д. Ознобишину на постройку деревянного дома на каменном фундаменте. На таких же условиях получила кредит в 1160 рублей мещанка Дарья Аленская [7, л. 1, 3]. Такое отступление от императорских требований в пользу домостроительства деревянного помогло перебраться в Нижний семеновскому мещанину Н.И. Храмцовскому. Он купил в Нижнем на Ошаре у капитанши Берендюк обгоревший деревянный дом, а Строительная комиссия помогла ему его отремонтировать, дважды предоставляя кредиты: сначала 800, затем еще 600 рублей [8, л. 1–2]. И следует отдать должное Строительной комиссии, она не ошиблась в поддержке нового нижегородца Н.И. Храмцовского, который потом станет первым историографом Нижегородского края.

Находясь в умелых руках финансистов Приказа общественного призрения, Николаевский вспомогательно-строительный капитал, обслуживая строительные нужды нижегородцев, работал продуманно и рентабельно. Его актив, конечно, колебался во времени, но никогда не исчезал. Так, к началу 1845 г. он имел 61 871 рубль 89 копеек и $\frac{1}{4}$ копейки серебром наличными и 49 469 рублей 65,5 копеек находились в различных займах [9, л. 1, 16]. Следовательно, баланс Капитала был активным, составлял на того год 112 585 рублей 25 и $\frac{3}{4}$ копейки в серебре. При расчетливой политике своих руководителей, Николаевский вспомогательно-строительный капитал не иссякал, а напротив, умножался. Так, в 1850 г. из него были получены кредиты на 11 146 рублей 75 копеек, а в доход составил 24 496 рублей. Еще показательнее был баланс 1862 г.: расход составил 15 617 рублей, а приход 27 862 рубля [2, с. 104]. Постепенно Николаевский вспомога-

тельно-строительный капитал стал солидным финансовым источником строительных кредитов для нижегородцев, к нему потянулась очередь таких нуждавшихся. От 1848 г. сохранилась «Шнуровая книга» Строительной комиссии для заемщиков. Из этой «Книги» видно, что купеческая вдова Татьяна Заусайлова кредитовалась на 2190 рублей для достройки дома, и быстро, в один год, расплатилась. А баварский подданный Н.М. Гейгер попросил кредит в 1000 рублей на 26 лет для строительства дома. На такой же срок был выдан кредит в 2857 рублей чиновнику Д.И. Агентову. Титулярной советнице Надежде Балакиревой на такой же срок был выдан кредит в 900 рублей. Мещанку А.А. Алексееву кредитовали на 500 рублей сроком на 12 лет. На такой же срок на сумму 300 рублей кредитовался отставной трубач Антропов. В 1857 г. вдова капитана В.Н. Бестужева-Рюмина попросила кредит на достройку дома в 1500 рублей по Канатной улице. Однако Строительная комиссия ей отказала, поскольку эта фамилия была дискредитирована участием в движении декабристов. Но губернатор князь М.А. Урусов смилостивился над вдовой, и кредит ей был выдан [10, л. 57, 69, 73].

Конечно, Николаевский вспомогательно-строительный капитал, как и любой кредитор, предпочитал выдавать ссуды краткосрочные. Но, сознавая финансовые возможности большинства горожан, не отказывал им в ссудах и долгосрочных. Он умело лавировал между кредитными возможностями нижегородцев, и потому был устойчив, работал стабильно, был надежным кредитором. Этот Капитал исполнил все финансовые функции, присущие полноценному банку. Он не только кредитовал нуждавшихся, но и был дебитором средств, принимая на хранение вклады населения и денежные залого на хранение. Когда нижегородские купцы Бугровы развернули большую хлеботорговлю, поставляя хлеб армейским провиантским складам, они свои залого под эти поставки хранили в Николаевском капитале. Так, в 1855 г. они внесли в его кассу 11 754 рубля под свои поставки хлеба во Владимирскую и Московскую губернии, в 1859 г. – 6 143 рубля под поставки хлеба в губернию Тверскую [11, л. 7, 8].

Во второй половине XIX в., когда страна встала на путь экономики рыночной, к займам у Николаевского вспомогательно-строительного капитала стало прибегать все больше застройщиков, от 1892 г. сохранилась «Книга личных счетов» по займам из Николаевского капитала. В этой «Книге» значатся: 1) крестьянин В.А. Балясов из села Троицкого Нижегородского уезда, получив-

ший кредит под залог своего городского дома, оцененного в 515 рублей из-за выгодного расположения на Окской (Нижеволжской) набережной; 2) вдова надворного советника А.Н. Доброва, получившая кредит под залог своего дома на Тихоновской улице, оцененного в 3200 рублей; 3) вдова губернского секретаря О.П. Алмазова кредитовалась на 1000 рублей под залог дома в Старосолдатском переулке; 4) мещанка А.П. Гузеева кредитовалась на 2800 рублей под залог дома на Большой Ямской улице; 5) на 1000 рублей кредитовался мещанин Я.И. Сизов под залог домика на улице Малой Ямской, оцененного в 620 рублей; 6) такой же кредит в 1000 рублей получил коллежский ассессор П.И. Анненков под залог дома на Третьей Ямской улице, оцененного в 600 рублей; 7) девица из дворян А.А. Васильева получила кредит в 1600 рублей под залог дома на Ковалихинской набережной оцененного весьма высоко, в 3000 рублей; 8) дьякон Ф.И. Летицкий получил кредит в 2000 рублей под залог деревянного дома на Кизеветтерской улице. И все эти кредиты были долгосрочными, до 27 лет. Их было много. К 1895 г. из Николаевского капитала было выдано 390 кредитов [12, л. 25, 57, 64, 73, 101, 133, 149]. С 1865 г. положение Николаевского вспомогательно-строительного капитала юридически изменилось. Строительная комиссия была закрыта, и Капитал перешел в ведение городского общественного управления, то есть Городской думы, а она подчинила его вновь образовавшемуся Николаевскому обществу банку, что было естественно и разумно [13, л. 1, 5, 7, 9].

С введом Городской управы, Николаевский вспомогательно-строительный капитал, который в общественном банке велся по-прежнему особой статьей, по-прежнему снабжал нижегородцев ссудами под застройку города новыми домами, особенно каменными, на традиционных льготных условиях в 4 % годовых. Николаевский общественный банк, отвечавший теперь за судьбу Николаевского вспомогательно-строительного капитала, упорядочил процедуру выплаты его ссуд: они стали выдаваться не сразу целиком, а по частям: 33 % при получении разрешения на кредит, 33 % при возведении фундамента, и остальные 34 % по завершении строительства. Но при этом из суммы кредита вычитывались все строительные «огрехи».

Нижегородцам этот «императорский дар» оказался очень полезным. И чтобы он не иссяк, Городская дума в 1889 г. приняла судьбоносное решение: значительную часть средств, 300 тысяч рублей, обратила в капитал неприкосновенный, а все дальнейшие

операции повелись лишь на процентные доходы с него [14, л. 15]. На основе этого положения Николаевский вспомогательно-строительный капитал как бы обрел второе дыхание. Опираясь на свой неприкосновенный фонд, он существенно расширил помощь нижегородцам. Об этом свидетельствует «Книга личных счетов по займам из Николаевского вспомогательно-строительного капитала за 1892 год» [15, л. 235–236]. Поддерживал Николаевский вспомогательно-строительный капитал и нижегородскую интеллигенцию. Кроме уже упоминавшейся помощи краеведу Н.И. Храмцовскому кредит в 400 рублей был выдан и автору известной книги «Волга и волжское судоходство» И.А. Шубину [16, л. 73].

Сложным для Николаевского вспомогательно-строительного капитала был 1905 г. Возврат старых долгов прекратился, а потребность в новых кредитах возросла. В этих условиях лишь одному мещанину П.И. Нотову удалось получить максимальный кредит в 2000 рублей [13, л. 9]. Остальные кредиторы того года согласились на поддержку в 500 рублей. Это вдова губернского секретаря Е.А. Каменская, мещанки М.И. Сигина, Е.Д. Николаева, вдова надворного советника Е.К. Игнатева и другие. Лишь мещанке И.Г. Волковой из Сергиева Посада Московской губернии выплатили 600 рублей. Но все они брали кредиты долгосрочные, на 28 лет, видимо рассчитывая на грядущее улучшение ситуации в стране [17, л. 7–9].

Революционные потрясения 1905 г. снова поставили Николаевский капитал на грань истощения. Это серьезно встревожило нижегородскую общественность. 22 апреля 1906 г. газета «Нижегородский листок» забила тревогу: «Николаевский строительный капитал, – писала она, – состоит из 300 тысяч рублей, но из них находятся в долгах 258 130 рублей 21 копейка. 24 898 рублей 60 копеек в долгах по переустройству дома купца Переплетчикова, подаренного городу, и 8 965 рублей 28 копеек, разрешенных, но невыданных ссуд. В совокупности это составляет почти весь Николаевский капитал: 290 994 рубля. Таким образом, на новые ссуды у Николаевского капитала остается всего 9 тысяч 5 рублей и 91 копейки [18].

Городская дума осознала опасность положения, вмешалась в дела Николаевского вспомогательно-строительного капитала и сумела поправить их. Императорский дар снова стал помогать нижегородским застройщикам, правда, в более скромных размерах. Постепенно Николаевский капитал оправился от потрясений Первой русской революции, и к 1908 г. его актив достиг 700 тысяч

рублей. К нему снова потянулись различные кредиторы. Среди них, наряду с горожанами, появились и крестьяне, имевшие дома в Нижнем. Так, крестьянин М.П. Кленкин под кредит Николаевского капитала в 505 рублей заложил свой дом на Новом поселке Нижнего, оцененный недорого, всего в 188 рублей. А крестьянка А.А. Масалина из села Малая Поляна Лукояновского уезда умудрилась получить максимальный кредит в 2000 рублей под залог своего двухэтажного городского дома на улице Прядыльной (теперь ул. Маслякова) [19, л. 215].

Поскольку Николаевский вспомогательно-строительный капитал со второй половины XIX в. находился в распоряжении Городской думы, во время Первой мировой войны, когда в Нижний хлынули беженцы из западных губерний, а из Польши и Прибалтики прибыли эвакуированные предприятия, городское хозяйство усложнилось, и Городская дума использовала резервы капитала для решения неотложных задач. Но резервный фонд в 300 тысяч рублей остался неприкосновенным даже в это сложное время и хранился до рокового 1917 г., когда большевики уничтожили всю дореволюционную финансово-кредитную систему старого Нижнего. Так что Николаевский вспомогательно-строительный капитал оказался весьма разумным, дальновидным и очень полезным для Нижнего Новгорода императорским подарком, на средства которого, в значительной мере, наш город и вырос в торговую столицу России.

Источники и литература

1. *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1998.
2. Справочная книга по городскому общественному управлению Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1908.
3. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 666. Оп. 217. Д. 229.
4. ЦАНО Ф. 669. Оп. 318. Д. 590.
5. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 716. Д. 10831.
6. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 716. Д. 1814.
7. ЦАНО. Ф. 669. Оп. 318. Д. 1449.
8. ЦАНО. Ф. 669. Оп. 318. Д. 3241.
9. ЦАНО. Ф. 669. Оп. 318. Д. 2932.

10. ЦАНО. Ф. 403. Оп. 674. Д. 25.
11. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 768. Д. 10331.
12. ЦАНО. Ф. 403. Оп. 674. Д. 76.
13. ЦАНО. Ф. 682. Оп. 751. Д. 541.
14. ЦАНО. Ф. 682. Оп. 751. Д. 1871.
15. ЦАНО. Ф. 682. Оп. 751. Д. 364.
16. ЦАНО. Ф. 403. Оп. 674. Д. 73.
17. ЦАНО. Ф. 406. Оп. 678. Д. 2039.
18. Нижегородский листок. 1906. 22 апреля.
19. ЦАНО. Ф. 682. Оп. 751. Д. 751.

ИЗ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»

ОТЧЕТ правления общества «Нижегородский краевед» о деятельности в 2017 году

1. Структура и численность

По итогам 2016 г. общество «Нижегородский краевед» насчитывало 114 членов. На 31 декабря 2017 г. в обществе насчитывалось 119 членов. Рост составил 5 человек.

На декабрь 2017 г. в обществе состояло: 8 почетных членов, 18 действительных членов, 93 члена-корреспондента. В 2017 г. звание почетного члена присвоено *Т.П. Виноградовой* и *Ф.А. Селезневу*; действительного члена – *В.В. Вяхиреву*.

В правление общества входят: *Ф.А. Селезнев* (председатель), *И.Г. Горностаева* (заместитель председателя), *А.А. Сорокин* (секретарь).

В 2017 г. в состав общества состояли четыре первичные организации: Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Ковернинского, Воскресенского и Сокольского районов.

2. Деятельность общества

Основная форма работы общества в 2017 г. – организация краеведческих чтений на базе Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки. Чтения проводились с сентября по май включительно в каждую последнюю среду месяца. В программу каждых очередных чтений включались три доклада ведущих нижегородских краеведов. В 2017 г. были определены лучшие выступления на краеведческих чтениях за предыдущий (2016) год. В результате голосования членов общества лучшими были признаны доклады:

Л.Ю. Ганюшкиной – об истории строительства Чкаловской лестницы (27 января 2016 г.);

Т.Л. Грачевой – о модельере Н.П. Ламановой;

Ф.А. Селезнева – о жизни К. Минина в Нижнем Новгороде (оба доклада были прочитаны 30 ноября 2016 г.).

Общество имеет свой печатный орган – ежегодник «Нижегородский краевед». В 2017 г. вышел третий выпуск этого сборника.

Согласно Уставу общества «Нижегородский краевед» одна из его главных задач – вовлечение в краеведческую работу студентов и школьников. Для выполнения этой задачи был проведен IV конкурс молодых историков-краеведов. В 2017 г. он был посвящен 120-летию со дня рождения Николая Михайловича Добротвора (1897–1967), профессора Горьковского педагогического института, первого председателя секции краеведения Горьковского областного отделения Педагогического общества РСФСР. Победителями конкурса стали:

О.А. Девятьярова (Аксянова), аспирантка ИМОМИ ННГУ – «Деятельность Нижегородского ярмарочного врачебно-полицейского комитета в 1855–1917 гг.»;

К.А. Берсенева, студентка ИМОМИ ННГУ – «Некоторые памятники Волосовской культуры на территории Навашинского района Нижегородской области».

Силами первичной организации ИМОМИ общество вело пропаганду краеведческих знаний в средствах массовой информации, в том числе в сети «Интернет». В социальной сети «В Контакте» действует официальная группа общества (<https://vk.com/club59276051>). Она насчитывает 1247 подписчиков (в 2016 – 830, в 2015 – 530, в 2014 – 237). На страницах группы сообщается о краеведческих мероприятиях, выходе новых краеведческих изданий, происходит их обсуждение, выкладываются оцифрованные книги, фотографии, видеозаписи.

В 2017 г. общество совместно с Центром краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ провело конкурс «Лучшая книга 2016 г. по истории и культуре Нижегородского края». Церемония награждения лауреатов конкурса прошла 7 июня 2017 г. в Доме книги (Нижний Новгород, ул. Советская, д. 14) в рамках проводимого обществом III Праздника краеведческой книги. В ходе него было объявлено 8 победителей и 18 лауреатов в 8 номинациях. Победители и лауреаты представляли 8 муниципальных образований Нижегородской области.

3. Награды и поощрения

Общество «Нижегородский краевед» выразило благодарность директору Нижегородского музыкального училища имени М.А. Балакирева *И.В. Кораллову* за организацию концерта на отчетной конференции общества 25 января 2017 г., проведенного силами учащихся и педагогов НМУ.

В связи с проведением 450-х краеведческих чтений по ходатайству правления общества благодарственными письмами министра культуры Нижегородской области С.А. Горина в 2017 г. были награждены следующие члены общества: *Ф.А. Селезнев, И.Г. Горностаева, Л.Е. Кудрина, А.Н. Лушин, Л.И. Шиян, М.М. Хорев, Г.В. Вяхирева, В.А. Гурьев, А.И. Давыдов, Г.А. Илескин, В.А. Харламов, М.Г. Финюкова*.

За участие в подготовке и проведении районных историко-краеведческих чтений «Малая Родина: страницы истории Нижнего Новгорода» секретарь правления общества *А.А. Сорокин* был награжден благодарственным письмом главы администрации Советского района Нижнего Новгорода.

Около 25 % призовых мест конкурса «Лучшая книга 2016 г. по истории и культуре Нижегородского края» достались членам общества «Нижегородский краевед». 2 почетных члена (*Т.П. Виноградова, арх. Тихон*) и 1 член-корреспондент (*А.Р. Халецкая*) стали победителями, 3 действительных члена (*С.А. Смирнов, А.И. Давыдов, В.В. Вяхирев*) и 1 член-корреспондент (*А.П. Ефимкин*) – лауреатами конкурса.

Постановлением Законодательного собрания Нижегородской области № 377-VI от 26.09.2017 г. члену-корреспонденту общества *А.А. Медведевой* было присвоено почетное звание «Лауреат Премии Минина и Пожарского» за большой вклад в патриотическое просвещение граждан и воспитание молодежи, развитие и культуры и местных исторических традиций.

В 2017 г. общество «Нижегородский краевед» выдвинуло на соискание Премии Нижнего Новгорода в номинации «Краеведение» и Премии Нижегородской области имени А.М. Горького в номинации «Наука и образование» действительных членов *А.И. Давыдова* и *В.А. Гурьева* (соответственно).

4. Взаимодействие с органами власти

В рамках решения вопроса о предоставлении на постоянной основе экспозиции музея писателя-нижегородца Е.Н. Чирикова площадей в нижегородских музеях было подготовлено обращение к главе Нижнего Новгорода Е.И. Солонченко по вопросу размещения экспозиции на базе Литературного музея А.М. Горького. На обращение был получен отрицательный ответ и.о. главы города Н.В. Казачковой, согласно которому деятельность муниципальных музеев «не связана с творчеством Е.Н. Чирикова».

В 2017 г. главе администрации г. Дзержинска Нижегородской области В.С. Нестерову было направлено ходатайство о включении члена-корреспондента общества Д.Н. Левашова в состав конкурсной комиссии по отбору эскизов памятника дзержинцам – труженикам тыла г. Дзержинска. Ходатайство было удовлетворено.

20.11.2017 г. председателем общества Ф.А. Селезевым было направлено письмо депутату Государственной думы В.А. Никонову с просьбой рассмотреть возможность внесения изменений в закон «Об архивном деле» либо подзаконные акты в части допускающей бесплатное самостоятельное копирование архивных документов для работников музеев, членов краеведческих объединений, студентов, обучающихся по направлению подготовки «История», аспирантов-историков и филологов, кандидатов и докторов исторических и филологических наук. 29.11.2017 г. этот вопрос обсуждался в ходе рабочей встречи В.А. Никонова, Ф.А. Селезнева и председателя комитета по делам архивов Нижегородской области Б.М. Пудалова. По ее итогам В.А. Никонов направил обращение к руководителю Федерального архивного агентства А.Н. Артизову по существу заявленного вопроса. В письме от 27.12. 2017 г. А.Н. Артизов ответил В.А. Никонову, что «архивы в пределах своих полномочий вправе устанавливать порядок копирования пользователями архивных документов собственными техническими средствами» и этот порядок предусматривает копирование только на возмездной (платной) основе.

5. Работа первичных организаций

Председателем первичной организации Воскресенского района *И.А. Сучковым* в 2017 г. была издана книга «Отечественная война» (автор – штурман дальней бомбардировочной авиации, гвардии капитан Е.И. Петров) тиражом 200 экземпляров. Им же в соавторстве

с С.Г. Седовым издана книга «Дневник войны 1914–1916 гг. ст. унтер-офицера Преображенского полка Пономарева Матвея Васильевича» тиражом 120 экземпляров. Презентация книги состоялась 10 августа 2017 г. в День поселка в библиотеке р/п Воскресенское.

24.11.2017 г. члены Воскресенской организации участвовали во 2-й межрайонной краеведческой конференции «Краеведческие находки и открытия» в р. п. Красные Баки. В районной газете «Воскресенская жизнь» опубликовано 8 статей краеведческого характера. В школах района проведено 5 уроков по краеведческой тематике.

Была начата обработка оцифрованного архива Воскресенского райвоенкомата по участникам Великой Отечественной войны (обработаны более 2000 учетных карточек солдат и сержантов). Создан список уроженцев Воскресенского района – Георгиевских кавалеров (33 участника Первой мировой войны). Создан список участников Великой Отечественной войны – кавалеров ордена Славы (156 человек). Ведется работа по созданию единого электронного банка данных по всем участникам Великой Отечественной войны (кроме погибших – это около 12000 чел.) с использованием сайтов «Мемориал», «Подвиг народа», архива Воскресенского райвоенкомата, информации от родственников. В 2017 г. Воскресенский район был зарегистрирован на сайте «Бессмертный полк», на который выложено 250 учетных карточек солдат и сержантов – воскресенцев.

Ковернинской организацией ежеквартально проводились Осиповские краеведческие чтения в районной библиотеке. Впервые совместно с районной газетой «Ковернинские новости» было организовано издание вестника «Ковернинский краевед» (вышло пять выпусков). В марте 2017 г. прошла 17-я краеведческая конференция «Люди земли Ковернинской», на которой выступили 11 участников. С докладом «Анализ и перспективы краеведения» выступил председатель отделения общества *И.С. Харичев*. Активисты краеведения были награждены книгами, предоставленными правлением общества «Нижегородский краевед». В феврале 2017 г. проведена школьная краеведческая конференция.

Обзор докладов краеведческих чтений второй половины 2017 – первой половины 2018 года

Л.Е. Кудрина

Минувший 2017 год проходил под знаком юбилея Великой Российской революции – так в современной историографии принято именовать революционные события 1917 г. В рассматриваемый период эта тема содержалась во многих выступлениях. Для беспристрастной оценки исторических событий столетие – недостаточно большой срок. Очередной раз это подтвердил накал дискуссий, сопровождавших почти каждое выступление на данную тему.

«*Богатые жители Нижнего Новгорода – объект внимания молодой советской власти (весна 1918 г.)*» – так назывался доклад О.Н. Сенюткиной, доктора исторических наук, профессора НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (20 декабря 2017 г.). 22 февраля 1918 г. на заседании Нижгубисполкома было принято решение об обложении нижегородской буржуазии чрезвычайным единовременным налогом на сумму 50 миллионов рублей. Был предложен немислимо короткий срок: три дня. Общее собрание Союза фабрикантов и заводчиков саботировало приказ новой власти. В итоге арестовали более тридцати человек. Среди арестованных были носители таких известных нижегородских фамилий, как Блинов, Гнеушев и др. Этот факт освещался в газетах «Судоходец» и «Рабоче-крестьянский Нижегородский листок». Часть суммы была получена антигуманным способом, типичным для гражданской войны – арестованным сообщили, что в случае отказа платить налог возьмут в заложники их родственников.

О *Муромском восстании в июле 1918 г. и его нижегородских сюжетах* рассказал А.А. Домахин, магистрант ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского (30 мая 2018 г.). Текст его выступления публикуется в настоящем сборнике.

А.С. Карезин, заведующий музеем Клинической психиатрической больницы № 1, представил очередную страницу истории нижегородской психиатрической службы (доклад «*Между двух революций: нижегородская психиатрия в 1905–1917 гг.*», 27 сентября 2017 г.). Он рассказал о преемнике П.П. Кащенко, враче Александре Иосифовиче Писнячевском. Писнячевский работал очень успеш-

но: продолжил строительство колонии для душевнобольных в Ляхове, организовал внебольничную помощь, настоял на строительстве отдельной больницы для алкозависимых лиц, улучшил положение среднего и младшего медицинского персонала. Материал А.С. Карезина неслучайно рассматривается в одном ряду с докладами на революционную тему: в 1905–1907 гг. подопечное А.И. Писнячевскому учреждение было очагом подпольной революционной деятельности. В больнице укрывались большевики Н.А. Семашко и С.А. Левит.

Опосредованно с темой революции связан и доклад действительного члена общества «Нижегородский краевед» В.А. Гурьева «Неоконченная книга Н.С. Власова-Окского (роман «Зыбь»)» (29 ноября 2017 г.). Усилия В.А. Гурьева, направленные на представление творческого наследия писателя Н.С. Власова-Окского, являются просто подвижническими. На сей раз речь шла о единственном романе Власова-Окского, к сожалению, незавершенном. Рукопись этого произведения оказалась в Москве, в архиве Государственного исторического музея, где ее обнаружил внук писателя В.П. Черкасов. Он подготовил роман к печати, но издать книгу не удалось. В вымышленных населенных пунктах, являющихся местом действия романа, легко угадываются реальные Богородск, Дуденево, а также деревни Хабарское, Сокол, Заозерье и Кожевенное. Время действия – 1917 г. В основу произведения легли непосредственные впечатления автора. Краеведческая составляющая содержания романа «Зыбь» представляет огромную ценность.

Краеведам хорошо известно имя Александры Алексеевны Штевен-Ершовой. Педагог, писательница, корреспондентка Л.Н. Толстого. При ее непосредственном участии было открыто более 50 школ грамотности в Арзамасском, Княгининском, Лукояновском, Сергачском уездах. Гораздо меньше мы знаем об Александре Алексеевне Ершовой, супруге пензенского губернатора. В июне 1920 г. она отправилась через фронт для розыска своих сыновей, участников Белого движения, была арестована и заключена в концлагерь в Харькове, где провела восемь месяцев. Все это время она вела дневник. Эти дневниковые записи являются подлинным свидетельством о событиях того времени. Изданная Культурно-просветительским центром Преображение (г. Москва) книга А.А. Ершовой «В тюрьме в 1920 году» была представлена О. В. Сеницыной 25 октября 2017 г.

В контексте главной исторической даты 2017 г. воспринимается и выступление кандидата исторических наук М.Н. Добротвор «Ис-

торик-краевед Н.М. Добротвор – участник революции 1917 года» (28 февраля 2018 г.). Рассказывая о своем отце, уроженце Тульской губернии, докладчица подробно остановилась на событиях его биографии, предшествовавших нижегородскому периоду. Как и многие представители русской интеллигенции, Н.М. Добротвор был убежден в необходимости революционных преобразований в России. В 1917 г. он вступил в партию большевиков, был участником вооруженного восстания в Москве. Нижегородский период жизни Н.М. Добротвора, начавшийся в 1935 г., вскоре после окончания Института красной профессуры, связан с Горьковским педагогическим институтом, с преподавательской и научно-исследовательской деятельностью. Его книга «История города Горького» стала классикой нижегородского краеведения.

Современниками и, вероятно, антиподами были нижегородские деятели, о которых шла речь в докладах заместителя директора Центральной городской библиотеки им. В.И. Ленина Т.В. Кучеровой (31 января 2018 г.) и ведущего библиографа отдела краеведческой литературы НГОУНБ, почетного члена общества «Нижегородский краевед» Л.И. Шиян (28 февраля 2018 г.).

«Нижегородский полицмейстер М.К. Сементовский-Курилло по материалам генеалогических исследований и периодической печати» – так назывался доклад Т.В. Кучеровой. Служебную карьеру Митрофан Константинович начинал командиром казачьей сотни в Иркутске. Далее он часто переезжал по делам службы, поднимался по карьерной лестнице, был награжден многими орденами. На посту нижегородского полицмейстера М.К. Сементовский-Курилло проработал в течение 1894 года, всего 11 месяцев, но успел сделать очень многое. Об его усердной службе на благо нижегородцев свидетельствуют публикации в губернской прессе. В частности, он уделял большое внимание работе сыскной полиции, санитарному состоянию общественных заведений, городскому транспорту, требовал строгого соблюдения правил, касающихся детского труда, строго следил за соблюдением паспортного режима. Сохранились два портрета Сементовского-Курилло работы М.П. Дмитриева, а также воспоминания Б. Садовского о нем.

Деятельность М.К. Сементовского-Курилло в Нижнем Новгороде пришлось на так называемое «время Короленко», которое с полным основанием можно назвать и временем Николая Федоровича Анненского – экономиста, статистика, литератора, обще-

ственного деятеля. С 1886-го по 1895 г. Н.Ф. Анненский возглавлял Статистическое отделение Нижегородского земства. В докладе «*Николай Федорович Анненский в нижегородской жизни В.Г. Короленко: к 175-летию Н.Ф. Анненского*» Л.И. Шиян рассказала об основных вехах биографии Анненского, о его роли в судьбе и творчестве В.Г. Короленко, о вкладе в экономическое, культурное и общественное развитие Нижегородского края.

О семье и родословной исследователя Дальнего Востока И.Н. Суцовой рассказала Н.А. Пакшина, кандидат технических наук, доцент Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ им. Р.Е. Алексеева (29 ноября 2017 г.). Иван Николаевич Суцов (Сущёв) родился 12 ноября 1817 г. Происходил из рода нижегородских дворян. Подробнее о И.Н. Суцове можно прочитать в статье Н.А. Пакшиной, опубликованной в третьем выпуске сборника «Нижегородский краевед».

О своем отце, Николае Филипповиче Филатове, рассказала Вероника Николаевна Беляева, кандидат исторических наук, доцент ННГУ им. Н.И. Лобачевского. «*Вехи жизненного пути профессора Н.Ф. Филатова*» – так назывался ее доклад (30 мая 2018 г.). Исследовательская деятельность Н.Ф. Филатова началась в 1962 г. После окончания Борского библиотечного техникума он поступил в Московский библиотечный институт и тогда же начал заниматься в Российском архиве древних актов (РГАДА). Сохранились тетради, по которым можно проследить развитие его исследовательских интересов: история Нижегородского кремля, нижегородское храмовое зодчество, история города Бора. Первые публикации его работ появились в 1970-х гг. на страницах горьковской и борской прессы. Затем стали выходить книги, каждая из которых становилась событием. Современное нижегородское краеведение невозможно представить без наследия Н.Ф. Филатова. До сих пор его работы остаются поводом для дискуссий, являются импульсом к новым исследованиям, заставляя историков искать собственные ответы на поставленные Н.Ф. Филатовым вопросы.

9 августа 2017 г. скончался Сергей Петрович Чуянов, замечательный нижегородский журналист, искусствовед, историк культуры с универсальным кругом интересов. Деятельность С.П. Чуянова получила широкое признание, была отмечена многочисленными премиями. На сентябрьских чтениях 2017 г. краеведы почтили его память. Сотрудники отдела краеведческой литературы

НГОУНБ подготовили презентацию, посвященную С.П. Чуянову. Была представлена книжная выставка «Рыцарь культуры». О Сергее Петровиче тепло вспоминали друзья и коллеги В.А. Харламов, В.А. Косарев и др.

«*По страницам автобиографии архитектора А.Ф. Кусакина (к 110-летию со дня рождения)*» – с таким сообщением выступила А.Р. Халецкая, член-корреспондент общества «Нижегородский краевед» (28 марта 2018 г.). Уроженец с. Шадрино Вадской волости Арзамасского уезда Алексей Федорович Кусакин вошел в историю архитектуры в первую очередь как главный зодчий города Дзержинска, автор проектов застройки проспектов Ленина, Чкалова, Дзержинского, а также проектов жилых зданий, административных, торговых, зрелищных сооружений. В 1958 г. Алексей Федорович стал профессором кафедры архитектуры Горьковского строительного института, впоследствии его назначили главным архитектором города Горького. Находясь в родственных отношениях с Кусякиными, докладчица знакома с их семейной реликвией – неизданной автобиографией Алексея Федоровича. Выступление А.Р. Халецкой сопровождалось аудиозаписью рассказа А.Ф. Кусакина о своем роде, семье и детских годах. Стиль и содержание этих воспоминаний свидетельствуют о том, каким многогранным, свободным и интересным человеком был советский архитектор Алексей Федорович Кусакин.

К более отдаленным страницам истории нижегородского зодчества, к началу XIX в., относится материал, содержащийся в докладе краеведа А.В. Малышева «*Архитекторы А.Н. Воронихин и М.П. Коринфский: две судьбы*» (28 марта 2018 г.). Докладчик привел новые сведения, касающиеся биографии ученика Ступинской школы живописи, зодчего Воскресенского собора в Арзамасе М.П. Коринфского. Коринфский обучался в Академии художеств, ему покровительствовал знаменитый архитектор А. Н. Воронихин. В судьбах Воронихина и Коринфского определенную роль сыграли известные исторические личности и события, в их биографиях много эффектного и загадочного, годящегося для авантюрных романов.

Не менее интригующим было и сообщение историка, главного научного сотрудника ООО «Асгард» В.В. Краснова «*Мифический Петцольд или реальный Пельцель: об устройтеле Александровского сада в Нижнем Новгороде*» (25 апреля 2018 г.). Он рассказал о курьезном заблуждении относительно личности автора проекта

Александровского сада в Нижнем Новгороде. Текст доклада публикуется в настоящем сборнике.

Каждый сезон краеведческие чтения представляют новые материалы, относящиеся к Великой Отечественной войне. Кандидат исторических наук, доцент Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии Д.В. Кирюхин рассказал о книге «Фронтовые записки сержанта Р.С. Гражданинова: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати» (25 октября 2017 г.). Судьба уроженца с. Большое Мурашкино, краеведа Рафаэля Семеновича Гражданинова типична для людей его поколения и одновременно исключительна. Он родился в 1924 г., со школьной скамьи был призван в Красную Армию. Прошел от Москвы до Прибалтики, был награжден боевыми орденами и медалями. Написал фронтовые записки, в 1980–90-х гг. частично опубликованные в районной газете «Знамя», а в 2015 г. изданные ограниченным тиражом. Второе, дополненное издание «Фронтовых записок сержанта» снабжено научным комментарием, содержит работы Р.С. Гражданинова не публиковавшиеся ранее, его фронтовые письма, а также очерки и статьи разных авторов о семье Гражданиновых и их окружении.

Последние годы в повестках чтений часто фигурируют материалы, посвященные истории нижегородских предприятий. С докладом «История Нижегородского авиастроительного завода «Сокол». Освоение и производство различных типов самолетов» выступил Ю.И. Агафонов, директор заводского музея (27 сентября 2017 г.). В 2017 г. предприятие отметило 85-летний юбилей. Ю.И. Агафонов рассказал о том, как с первых дней успешно и стремительно развивалась производственная деятельность «Сокола». В 1936 г. завод перешел на поточно-конвейерную систему, в результате внедрения которой цикл выпуска самолета из сборочного цеха сократился с 45–60 до 5 суток. В 1941–1945 гг. каждый третий отечественный истребитель дали фронту горьковчане. Всего за годы своего существования предприятие выпустило более 43 500 самолетов.

С докладом «Крестомаровская пустынь в начале XVIII века» выступил, кандидат исторических наук, доцент, редактор Нижегородского института развития образования С.М. Ледров (20 декабря 2017 г.). Подробнее об этой обители можно прочитать в статье С.М. Ледрова, опубликованной в третьем выпуске сборника «Нижегородский краевед».

«Ярилина гора в Нижнем Новгороде» – так звучала тема исследования доктора исторических наук, профессора ННГУ им. Н.И. Лобачевского, председателя общества «Нижегородский краевед» Ф.А. Селезнева (31 января 2018 г.). Ярилы – восточнославянское празднество, по времени совпадавшее с Ивановым днем. Упоминания этого праздника есть в произведениях нижегородских краеведов XIX в. Описание Ярилина поля в Нижнем Новгороде встречается в повести М. Горького «Детство». До середины XIX в. Ярилой называлось историческое место на крутом берегу Оки, ныне известное как Гребешок, где стоял храм Иоанна Предтечи. Ф.А. Селезнев высказал предположение, что с застройкой Гребешка место, называемое Ярилиным полем, по мере расширения города, смещалось в сторону Арзамаса. Доклад Ф.А. Селезнева вызвал оживленную дискуссию.

Редактор электронного периодического издания «Открытый текст» И.В. Нестеров в докладе «Князь Юрий Всеволодович как полководец» представил свое видение военной истории и биографии великого князя Георгия (Юрия) Всеволодовича (25 апреля 2018 г.). Точка зрения и аргументация докладчика были несколько тенденциозны, нацелены на демифологизацию личности основателя Нижнего Новгорода.

Исключительно счастливо в исторической памяти потомков сложилась судьба Александра Невского. Горячей симпатией к нему был проникнут и доклад краеведа А.Н. Рябова (25 апреля 2018 г.). Нижегородский край – один из центров почитания памяти Александра Невского. В Нижнем Новгороде ему посвящены храмы, улицы, часовни. Главный же местный памятник ему – собор Александра Невского на Стрелке. А.Н. Рябов напомнил, что Александру Невскому была посвящена и домовая церковь, располагавшаяся в здании Нижегородского Александровского дворянского института, где в настоящее время существует Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека и проходят краеведческие чтения.

«Нижегородский край в атласе Всероссийской империи И.К. Кириллова (1734 г.)» – так назывался доклад Р.А. Куприна, магистранта ИМОМИ ННГУ (30 мая 2018 г.). «Атлас Всероссийской империи» – уникальное произведение раннего периода отечественной научной картографии. Инициатором создания атласа был один из выдающихся деятелей просвещения второй четверти XVIII в. Иван

Кириллович Кирилов (1689–1737). Изначально задуманный как общедоступное трехтомное издание атлас вышел в свет ограниченным тиражом и в неполном составе. Кроме того, некоторые из подготовленных карт так и не вошли в него. В издание 1734 г. включена карта Нижегородского уезда. Библиотека Российской академии наук располагает самым полным собранием гравированных и рукописных карт, относящихся к деятельности Кирилова. Доклад сопровождался презентацией, на которой демонстрировались фрагменты карт.

Несколько докладов были посвящены истории населенных пунктов Нижегородского края.

«Канавино в истории Нижнего Новгорода» – с такой темой выступил писатель Е.И. Гребнев (25 октября 2017 г.). Он представил емкую информацию, относящуюся к прошлому Канавина, его топонимике, застройке, повседневной жизни в разные эпохи. Коснулись докладчик и дискуссионных вопросов, которых в историографии Канавина накопилось немало.

С докладом «*Старинское. Усадьба Приклонских. Исчезнувший мир на фотографиях начала XX века*» выступил В.В. Краснов, главный научный сотрудник ООО «Асгард» (29 ноября 2017 г.). В селе Старинском Сергачского уезда (ныне Пильнинского района) располагалась усадьба дворян Приклонских. Среди владельцев усадьбы был Николай Иванович Приклонский (1831–1900), нижегородский губернский предводитель дворянства, а затем предводитель дворянства Сергачского уезда. В.В. Краснов привел любопытный факт: воспитанница Н.И. Приклонского Александра Николаевна Добролюбова вышла замуж за внучатого племянника А.С. Пушкина Льва Анатольевича. Н.И. Приклонский спас заложенную часть болдинского имения, выкупив ее в 1898 г. и отдав в приданое Александре Николаевне. Доклад сопровождался презентацией альбома фотографий, которые были сделаны в Старинском в начале XX в. Это собрание фотодокументов является отличной иллюстрацией русского усадебного быта в его последний период.

Интересная тема была представлена в докладе К.В. Сергачевой, магистрантки историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ, «*Дореволюционное прошлое поселка Мухтолово в экспозиции школьного музея*» (30 мая 2018 г.). Краеведческий музей в Мухтоловской средней школы был основан в 1987 г. директором школы Г.С. Ериным. В экспозиции музея – материалы о природе,

истории, культуре края. В музее воссоздан интерьер русской избы с подлинной утварью, изготовленной в Мухтолово. Часть экспозиции посвящена железной дороге. В музее проводятся экскурсии, школьные уроки. Учащиеся используют музейные материалы для исследовательских работ. Опыт краеведческой деятельности Мухтоловской средней школы очень важен и заслуживает изучения.

150-летие со дня рождения М. Горького явилось наиболее широко отмечаемой юбилейной датой 2018 г. На февральских чтениях 2018 г. с докладом «*Издано к юбилею писателя М. Горького*» выступила директор Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина О.Н. Лисятникова. Она рассказала об юбилейном издательском проекте НГОУНБ. К 150-летию писателя библиотека подготовила ряд изданий. Впервые, двухтомное собрание сочинений М. Горького, написанных им на родине. Сюда вошли произведения, созданные в Нижнем Новгороде в 1890–1904 гг. Научная подготовка издания осуществлена сотрудниками Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Первый том собрания сочинений называется «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться...». В него включены рассказы, очерки, фельетоны, памфлеты, зарисовки с натуры. Во второй том «Драма жизни в прозе и на сцене» вошли известные романы и пьесы Горького «Фома Гордеев», «Трое», «Мещане», «На дне». Двухтомник получил высокую оценку Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. В рамках данного проекта впервые была издана работа историка Н.И. Приваловой «Биографическая хроника М. Горького: материалы и исследования нижегородского периода жизни писателя». «Хроника» построена на воспоминаниях нижегородцев. Публикация рукописей и научные комментарии подготовлены доктором исторических наук, профессором ННГУ А.А. Кузнецовым и кандидатом исторических наук Н.А. Уткиной.

Был издан биобиблиографический справочник «Литературное окружение Максима Горького (1892–1904 гг.)». Он содержит биографические очерки о писателях, публицистах, журналистах, с которыми общался М. Горький. Каждая справка сопровождается библиографическими сведениями.

В рамках издательского проекта НГОУНБ вышел также сборник очерков «Беглые заметки: нижегородская публицистика Максима Горького». На мартовских чтениях, как раз в день рож-

дения Горького, заведующая отделом краеведческой литературы НГОУНБ, заместитель председателя общества «Нижегородский краевед» И.Г. Горностаева выступила с докладом «*М. Горький и Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде: по страницам “Беглых заметок”*». Цикл фельетонов под названием «Беглые заметки» М. Горький начал печатать в «Нижегородском листке» с 21 мая 1896 г. Закончен цикл в октябре 1896 г. Эти публикации явились своеобразным путеводителем по выставке. В настоящем издании они впервые полно собраны и прокомментированы. Составлением комментариев занимались сотрудники отдела краеведческой литературы НГОУНБ. И.Г. Горностаева рассказала о наиболее интересных эпизодах этой работы.

Издательский проект НГОУНБ был осуществлен при поддержке Правительства Нижегородской области. Весь тираж книг будет передан в библиотеки и учреждения культуры.

Еще одно издание, упомянутое О.Н. Лисятниковой на чтениях 28 февраля 2018 г. – библиографический указатель «М. Горький в печати родного края XXI века», являющийся продолжением серии библиографических пособий, издаваемой НГОУНБ с 1960 г. Это уже шестой выпуск указателя. В него вошли произведения писателя и литература о нем, опубликованные в нижегородской печати в 2001–2017 гг.

Презентация новой краеведческой литературы – важная составляющая краеведческих чтений. В январе 2018 г. состоялись сразу три презентации. Заведующая отделом краеведческой литературы И.Г. Горностаева рассказала о «*Календаре памятных дат Нижегородской области на 2018 год*». Это издание пользуется заслуженной популярностью среди нижегородских краеведов. В него вошли основные знаменательные и памятные даты, которые ожидают нас в 2018 году. Это и юбилеи известных деятелей, даты важнейших исторических и культурных событий края, истории предприятий и организаций. Особое место в «Календаре...» уделено юбилею М. Горького и датам, связанным с увековечением памяти писателя.

Профессор, доктор исторических наук, председатель общества «Нижегородский краевед» Ф.А. Селезнев представил свою новую книгу «*Популярная история Нижегородского края (с древнейших времен до конца XV века)*». В ней рассмотрены основные этапы истории Нижегородского края в связи с общим ходом истории Рос-

сии. Издание предназначено для преподавателей истории, краеведов, студентов, экскурсоводов.

С презентацией *третьего выпуска сборника «Нижегородский краевед»* выступил А.А. Сорокин, кандидат исторических наук, секретарь правления общества «Нижегородский краевед». Он подчеркнул преемственность сборника по отношению к «Запискам краеведов».

Содержание краеведческих чтений всегда выходит за рамки плана, заявленного повесткой. Самостоятельную ценность представляет обсуждение докладов, в процессе которого выявляется много дополнительных сведений.

Ф.А. Селезнев регулярно информирует участников чтений о текущих краеведческих событиях, итогах краеведческих конкурсов и т. д.

С радостью воспринимаются успехи коллег из районов области. Возрождение интереса к местной истории совершенно очевидно. На январских чтениях 2018 г. состоялось награждение активистов общества «Нижегородский краевед» по итогам 2017 г. За активную популяризацию краеведения были награждены первичные организации общества. Ковернинская краеведческая организация, которую возглавляет И.С. Харичев, за 2017 г. провела пять заседаний краеведческого общества и 18 конференций краеведов Ковернинского района. При поддержке редакции районной газеты «Ковернинские новости» издается ежеквартальное приложение «Краеведческий вестник». Председатель общества «Нижегородский краевед» Ф.А. Селезнев вручил И.С. Харичеву книги по истории Нижегородского края. Успешно работала в 2017 г. и Воскресенская районная краеведческая организация. Местные краеведы занимаются исследованиями по истории Первой мировой и Великой Отечественной войн, изучают боевой путь земляков. Председателю Воскресенской краеведческой организации И.А. Сучкову также была вручена подборка книг. Были отмечены и активные участники краеведческих чтений В.А. Гурьев, Б.С. Извеков, Т.Л. Грачева, В.В. Вяхирев. Дипломы действительных членов общества «Нижегородский краевед» получили С.М. Ледров, Т.В. Кучерова и А.А. Сорокин.

25 апреля 2018 г. на были подведены итоги ежегодного конкурса «*Лучший доклад на Краеведческих чтениях – 2017*». Победителями стали:

I место – М.Г. Финюкова за доклад «*Маргарита Рыбина – первая исполнительница песни «Сормовская лирическая»*»;

II место – В.В. Краснов за доклад «*Старинское. Усадьба Приклонских. Исчезнувший мир на фотографиях начала XX века*»;

III место – Н.А. Пакшина за доклад «*О семье и родословной Ивана Николаевича Суцова*».

Победителей поздравила заместитель директора НГОУНБ по научной работе О.А. Кузнецова. Им были вручены дипломы и ценные подарки.

В заключение необходимо напомнить об отрадном обстоятельстве: среди участников чтений стало много молодежи. На майских чтениях были объявлены итоги ежегодного конкурса молодых историков-краеведов. На сей раз конкурс был посвящен памяти Н.Ф. Филатова, а его лауреаты (Александр Домахин, Роман Курприн, Ксения Сергачева) выступили с докладами.

Новые книги по истории Нижегородского края (2017)

И.Г. Горностаева

К 150-летию со дня рождения Максима Горького

1. **Горький, М.** Беглые заметки: нижегородская публицистика Максима Горького: / Максим Горький; [сост. М.Г. Уртминцева, П.Е. Янина; отв. за вып. М.Г. Уртминцева]. – Нижний Новгород: БегемотНН, 2017. – 239 с.

2. **М. Горький** в печати родного края XXI века, 2001–2017 гг.: библиографический указатель: [к 150-летию со дня рождения Максима Горького] / [сост.: И.Г. Горностаева и др.; редкол.: О.А. Кузнецова и др.]; Нижегород. гос. обл. универсальная науч. б-ка им. В.И. Ленина. – Нижний Новгород: НГОУНБ, 2017. – 182 с.

3. **Максим Горький** и Нижний Новгород: вокруг музеев = Maxim Gorky and Nizhny Novgorod: around museums [альбом] / [авт.-сост.: Р.А. Гоголев и др.; рук. проекта: Я.И. Гройсман, Л.Ю. Моторина]. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. – 151 с.

4. **Максим Горький** и Нижний Новгород: путеводитель / [авт. и сост.: Я.И. Гройсман и др.; переводчики: И.В. Никитина (англ. яз.), С.К. Терентьев (кит. яз.); худож.: М.В. Крапивин]. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. 127 с.

5. **Максим Горький** и писатели провинции / авт.-сост. В.А. Гурьев. Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2017. – 176 с.

6. **Литературное** окружение Максима Горького (1892–1904 гг.): библиографический справочник / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина; [сост.: Л.Е. Кудрина и др.; вступ. ст. М.Г. Уртминцевой]. Нижний Новгород: БегемотНН, 2017. – 303 с.

7. **Никитин, Е.** Семь жизней Максима Горького. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. – 416 с.

8. **Привалова, Н.И.** Биографическая хроника М. Горького: материалы и исследования нижегородского периода жизни писателя / Н.И. Привалова; Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина; [сост.: А.А. Кузнецов, Н.А. Уткина]. – Нижний Новгород: БегемотНН, 2017. – 175 с.

Другие издания

9. **Агапова, В.** Усадьбы и судьбы: записки дальнеконстантиновских краеведов / В. Агапова, Н. Грязнов, В. Чавачин. – Нижний Новгород: Бикар, 2017. – 62 с.

10. **Андрюхин, В.И.** Жернова революции / В.И. Андрюхин. – Нижний Новгород: Литера, 2017. – 236 с.

11. **Арзамасская** сторона: альманах. Вып. 9. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 389 с.

12. **Аркадий** Гайдар в современной школе: книга для учителя / отв. ред. Б.С. Кондратьев. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 497 с.

13. **Белик, Н.Н.** Мы – эхо друг друга / Н.Н. Белик. – Нижний Новгород: БегемотНН, 2017. – 175 с.

14. **Белоногова, В.Ю.** Открытый остров. Болдинские реалии и образы Пушкина: монография / В.Ю. Белоногова. – Большое Болдино [Нижегор. обл.]; Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. – 248 с.

15. **Беляков, А.В.** Нижегородская полиция в период Российской империи: монография / А.В. Беляков, Ю.Г. Галай, А.Н. Лушин. – Нижний Новгород: НА МВД России, 2017. – 500 с.

16. **Богданович, Е.В.** Историческое паломничество нашего Царя в 1913 году. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2017. – 223 с.

17. **Боевые** крылья Нижнего Новгорода: Горьковский авиационный завод № 21 (1932–1945 гг.). Исследования. Воспоминания. Документы / авт.-сост.: Е.И. Подрепный, Е.П. Титков, И.А. Калмыков. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. – 578 с.

18. **Болдинские** чтения, 2017 / Гос. лит.-мемор. и природный музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино» [ред. кол.: И.С. Юхнова (отв. ред.) и др.]. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. – 168 с.

19. **Варенцова, Л.Ю.** Дворцовое землевладение в России в XVII веке: система управления и хозяйства: монография / Л.Ю. Варенцова. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2017. – 221 с.

20. **Варнавинский** район: путеводитель [отв. за вып.: А.А. Андреев, С.А. Смирнов; текст: Н.В. Морохин]. – Нижний Новгород: Гудок, 2017. – 223 с.

21. **Ветераны** всегда в строю: к 30-летию Ковернинской районной организации ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов [редкол.: Новожилов В.П. (пред.) и др.]. – Ковернино [Нижегор. обл.]: [Городецкая тип.], [2017?]. – 160 с. : ил., портр.

22. **Ветлужский** краеведческий музей: путеводитель [отв. за вып. А.Н. Щеглова; текст: Н.В. Морохин]. – Нижний Новгород: [б. и.], 2017. – 142 с.

23. **Ветлужский** летописец [сост. Н.В. Морохин; ред. кол.: А.П. Жуков и др.]. – Кострома: [б. и.], 2017. – 295 с.

24. **Вклад** в науку инженерного института НГИЭУ: монография / под ред. Н.В. Оболенского и А.И. Свистунова. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. – 784 с.

25. **Возвращенные** имена: родом из комсомола: 100-летию ВЛКСМ посвящается [авт.-сост. В. Федоров]. – Нижний Новгород: Кириллица, 2017. – 600 с.: ил.

26. **Вокруг** купеческого особняка. Здание Литературного музея А.М. Горького. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 176 с.

27. **Всероссийская** художественно-промышленная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде: со множеством художественных иллюстраций зданий, павильонов, витрин, портретов и пр. и пр. / Торгово-промышленная палата Нижегородской области. Репр. изд. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – [10], 202, [2] с. : ил., портр.

Доп. тит. л. с вых. дан. оригинала: Санкт-Петербург: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1896.

28. **География** Варнавинского района: учеб. пособие для учащихся общеобразовательных школ / С.И. Пияшова, Е.В. Четвертков, С.А. Смирнов, И.Н. Кадушкина. – Нижний Новгород: Поволжье, 2017. – 156 с.

29. **Государственный** пожарный надзор. 90 лет / Гл. упр. МЧС России по Нижегородской области. – Нижний Новгород: [Юнион Принт], 2017. – 79 с.

30. **Грехов, А.В.** Очерк истории социально-гуманитарного образования в Нижегородской медицинской академии. – Нижний Новгород: Изд-во НижГМА, 2017. – 62 с.

31. **Грязнов, Н.Ф.** Дальнеконстантиновские сказы и были. 2-е изд. – Нижний Новгород: Книги, 2017. – 31 с.

32. **Земляки:** нижегородский альманах. Вып. 22 / сост. А.И. Иудин, О.А. Рябов. – Нижний Новгород: Книги, 2017. – 472 с.

33. **Зернов, А.И.** Носовая и ее люди: страницы истории. – Нижний Новгород: [Тип. «Поволжье»], 2017. – 203 с.

34. **Зильбер, Л.Р.** Старобрядцы-беспоповцы Нижегородской области. 1988–1998. Фотографии Льва Зильбера: фотоальбом. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 80 с.

35. **Из плеяды** героев. Памяти Г.А. Гончарова / сост.: В.И. Калашников, М.И. Кузьмичева, А.П. Медведев, Л.И. Огнев, В.А. Разуваев. – Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2017. – 322 с.

36. **Изумрудов, Ю.А.** Нижегородский поэт Иван Ермолаев: портрет на фоне эпохи: новое имя из литературного окружения Сергея Есенина. – Нижний Новгород: БегемотНН, 2017. – 303 с.

37. **Инженер** – профессия на все времена: к 100-летию Нижегородского государственного технического университета имени Р.Е. Алексеева. – Нижний Новгород: [Курьер-медиа], [2017]. – 32 с.

38. **Институты** образования и молодежь: на пути устойчивого развития общества: [коллективная] монография: к 100-летию Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова / Е.П. Савруцкая [и др.]; под общ. ред. Е.П. Савруцкой]. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2017. – 184 с.

39. **История** Балахны и Балахнинского уезда с древности до начала XX века: к 80-летию Балахнинского музейного историко-художественного комплекса: материалы первой науч.-практ. конф. – Нижний Новгород: [б. и.], 2017. – 151 с.

40. **История** Нижегородского края с древнейших времен до наших дней: рабочая программа учебного курса для 6–10 классов образовательных организаций / [В.К. Романовский и др.; под общ. ред. В.К. Романовского]. – Нижний Новгород: Нижегород. ин-т развития образования, 2017. – 107 с.

41. **История** Нижегородского края с древнейших времен до наших дней: хрестоматия для учителей и учащихся. 6–10 классы / сост.: Б.Л. Гинзбург, Э.С. Иткин, В.К. Романовский, Ф.А. Селезнев; предисл. и общ. ред. В.К. Романовского. – Нижний Новгород: Нижегород. ин-т развития образования, 2017. – 231 с.

42. **История** Нижегородского края XVI–XVII веков. 7 класс: учебное пособие для учащихся / Ф.А. Селезнев, Э.С. Иткин, В.К. Романовский. – Нижний Новгород: Нижегород. ин-т развития образования, 2017. – 176 с.

43. **История** Нижегородского края XVIII века. 8 класс: учебное пособие для учащихся / Ф.А. Селезнев, В.К. Романовский – Нижний Новгород: Нижегород. ин-т развития образования, 2017. – 126 с.

44. **История** Нижегородского края XIX – начала XX века. 9 класс: учебное пособие для учащихся / Ф.А. Селезнев, Э.С. Иткин, В.К. Романовский. – Нижний Новгород: Нижегород. ин-т развития образования, 2017. – 304 с.

45. **К 85-летию** Горьковского автомобильного завода: хроника памятных дат / Музей истории Горьковского автомобильного завода. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 56 с.

46. **Календарь** памятных дат Нижегородской области на 2018 год [сост.: И.Г. Горностаева и др.]; Нижегород. гос. обл. универсальная науч. б-ка им. В.И. Ленина. – Нижний Новгород: НГОУНБ, 2017. – 263 с.

47. **Карпенко, В.Ф.** Варнава Ветлужский / В.Ф. Карпенко. – Нижний Новгород: БИКАР, 2017. – 76 с.

48. **Карповские** чтения: сб. ст. Вып. 7 / отв. ред. Ю.А. Курдин. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 426 с.

49. **Книга** памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны: в 2 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. – 442 с.

50. **Книга** памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Пер-

вой мировой войны: в 2 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 2. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. – 421 с.

51. **Книга** памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Т. 19: Дополнительные списки по районам г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области. – Нижний Новгород: [б. и.], 2017. – 264 с.

52. **Коняев, Н.М.** Дорога в империю: арзамасский узел русской истории / Н.М. Коняев, Е.П. Титков. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 336 с.

53. **Кузнецов, А.А.** Князь великий Георгий – основатель Нижнего Новгорода / А.А. Кузнецов. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. – 232 с.

54. **Купола** Нижнего Новгорода. Образ мира, в храме явленный...: [альбом] / [авт.: Я. Гройсман, М. Храповицкий, О. Червонная, Р. Гоголев, Н. Резанова; гл. ред. Я. Гройсман]. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. – 160 с.

55. **Литературное** краеведение Арзамасского края: в 2 кн. Кн. 1: учебное пособие / отв. ред. С.Н. Пяткин. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 686 с.

56. **Литературное** краеведение Арзамасского края: в 2 кн. Кн. 2: хрестоматия / отв. ред. С.Н. Пяткин. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 545 с.

57. **Малышев, А.В.** Как Теша стала русской рекой: очерки истории и топонимики Окско-Сурского междуречья / А.В. Малышев. – М.: Эдитус, 2017. – 337 с.

58. **Мельников, А.П.** Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (1817–1917). – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 240 с.

59. **Морохин, А.В.** Кузьма Минин: человек и герой в истории и мифологии: к 400-летию кончины Кузьмы Минина / А.В. Морохин, А.А. Кузнецов. – М.: Русские витязи, 2017. – 159 с.

60. **Морохин, Н.В.** Боги Лесного Заволжья: путешествие по старым русским рубежам. – М.: ВЕЧЕ, 2017. – 319 с.

61. **На страже** мирного неба 70 лет [авт.-сост. О.В. Калмыкова; под общ. ред. Г.А. Егорочкина]. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 300 с.

62. **Нам** 85 лет. 1932–2017: государственное бюджетное учреждение здравоохранения Нижегородской области «Шахунская центральная районная больница». – Нижний Новгород: [Тип. «РИДО»], 2017. – 84 с.

63. **Наследие** архивиста: собрание трудов П.И. Пискарева: сборник / вступит. статья И.В. Кудряшова; подгот. текста и комментариев И.В. Кудряшова, Ю.А. Курдина. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. – 534 с.

64. **Наследники** Великой Победы. Ю.А. Трутнев. К 90-летию. – Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2017. – 522 с.

65. «**Нижегородский** водоканал» в лицах: 170 [лет: фотоальбом]. – Нижний Новгород: [Тип. «РИДО»], 2017. – 148 с.

66. **Нижегородский** краевед: сборник научных статей. Вып. 3 / О-во «Нижегор. краевед», Центр краевед. исслед. ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского; [ред. кол.: Ф.А. Селезнев (отв. ред.) и др.]. – Нижний Новгород: ИМОМИ ННГУ, 2017. – 257 с.

67. **Нижний** Новгород: иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, расположенных на территории Нижнего Новгорода: в 2 кн. Кн. 1 / [отв. ред. А.Л. Гельфонд]. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 376 с.: ил.

68. **НИИК**. Нам 65! От проектирования – к инжинирингу / сост.: Е.В. Петухова (руководитель проекта), К.Э. Титова, Е.А. Зюкина. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 256 с.

69. **Носаков, В.Н.** АВТОбиография в рисунках и фотографиях / В.Н. Носаков. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 80 с.

70. **Остин, Р.К.** Строя Утопию: возведение первого в России города нового типа, 1930 / Р.К. Остин. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 360 с.

71. **Отношения** Русской Православной Церкви, общества и государства в первой половине XX века (на материалах Нижегородского края и г. Арзамаса): хрестоматия. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 392 с.

72. **Павлов, Н.В.** Без вымысла: историко-художественные очерки / Н.В. Павлов. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 312 с.

73. **Пакшина, Н.А.** Александр Ляпунов: гимназические годы: монография / Н.А. Пакшина. – Нижний Новгород: НГТУ, 2017. – 169 с.

74. **Патриарх** Сергей и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 502 с.

75. **Плахин, С.П.** Работкинская старина: исторические очерки. Вып. 1 / С.П. Плахин. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. – 88 с.

76. **Подарова, Г.С.** Красные казармы. Бессмертный полк Нижегородский: [книга воспоминаний] / Г.С. Подарова. – Нижний Новгород: Литера, 2017. – 128 с.

77. **Политические** репрессии в Нижегородской области, 1917–1953 гг. / [А.В. Беляков и др.; сост. и отв. ред. С.А. Смирнов]; Нижегород. ист. о-во «Отчина». Изд. 2-е, испр. и доп. – Нижний Новгород: Изд-во МНЭПУ, 2017. – 557 с.

78. **Потороев, А.В.** Арзамасский разлом: революция и террор в русской провинции / А.В. Потороев. – Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2017. – 303 с.

79. **Путь** длиной в 55 лет. История городской клинической больницы № 38 / авт.-сост. Л.Г. Чистякова. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 168 с.

80. **Сапон, В.П.** Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: от «феврализма» к большевизму: монография / В.Н. Сапон. – Нижний Новгород: [б. и.], 2017. – 310 с.

81. **Саровский** летописец: материалы и статьи XI исторической конференции, посвященной 325-летию образования первого поселения на Саровском городище, 310-летию создания монастыря Саровская пустынь, 70-летию образования РФЯЦ-ВНИИЭФ: [сборник] / [отв. ред. В.А. Степашкин]. – Саров [Нижегор. обл.]: Интерконтакт, 2017. – 345 с.

82. **Сафронов, В.М.** Дзержинск – город надежд и свершений / В.М. Сафронов. – Нижний Новгород: [тип. «Поволжье»], 2017. – 619 с.

83. **Селезнев, Ф.А.** История Нижегородского края с древнейших времен до конца XV века. 6 класс: учебное пособие для учащихся / Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Нижегор. ин-т развития образования, 2017. – 120 с.

84. **Селезнев, Ф.А.** Популярная история Нижегородского края (с древнейших времен до конца XV века) / Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ, 2017. – 106 с.

85. **Семенов-град**: хранитель доброй старины: [фотоальбом] / [авт.-сост.: В.В. Федоров]. – Нижний Новгород: БегемотНН, 2017. – 141 с.

86. **Сложим** прошлое с настоящим: сборник краеведческих статей [сост., лит. обработка текста Г.В. Вяхирева]. – Нижний Новгород: Растр-НН, 2017. – 147 с.

87. **Солдатова, Н.И.** Сергачские были: историко-краеведческие очерки / Н.И. Солдатова. – Нижний Новгород: Растр-НН, 2017. – 428 с.

88. **Вячеслав** Петрович Соловьев. К 70-летию со дня рождения. – Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2017. – 172 с.

89. **Титков, Е.П.** Первосвятитель церкви мучеников: жизнь, труды и подвиги Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Старгородского) / Е.П. Титков. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Арзамас: Арзамасский фил. ННГУ, 2017. – 691 с.

90. **Тихон, арх. (Затекин Н.И.)**. Возвращение памяти: к 135-летию Императорского Православного Палестинского Общества, 1882–2017 гг. / арх. Тихон (Н.И. Затекин), А.Н. Панин. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2017. – 415 с.

91. **Тихон, арх. (Затекин Н.И.)**. История возрождения Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря / арх. Тихон (Н.И. Затекин). – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2017. – 736 с.

92. **Тихон, арх. (Затекин Н.И.)**. История создания и деятельность Нижегородского отдела Императорского Православного Палестинского общества. К 120-летию Нижегородского отдела Императорского Православного Палестинского общества / арх. Тихон (Н.И. Затекин). – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2017. – 544 с.

93. **Трусова, Н.А.** Под сенью дивного Серафима: история Спасо-Зеленогорского монастыря / Н.А. Трусова. – Нижний Новгород: Бикар, 2017. – 160 с.

94. **Уткина, Н.А.** Нижегородский музейон: основание: история возникновения и деятельности музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х – 1917 гг.: монография / Н.А. Уткина. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. – 404 с.

95. **Фагин, Н.П.** По клавишам судьбы: музыка в моей жизни / Н.П. Фагин. – Нижний Новгород: Бикар, 2017. – 246 с.

96. **Федоров, В.В.** Сказ о Самовар Самоварыче, или Путешествие к чайным истокам / В.В. Федоров, Н.В. Мошков. – Нижний Новгород: Литера, 2017. – 132 с.

97. **Давид** Абрамович Фишман – конструктор ядерных зарядов и ровесник великой эпохи / [С.Т. Брезкун, В.М. Воронов]. – Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2017. – 156 с.

98. **Фольклор** Дивеевского района Нижегородской области. Часть 1 / сост.: Ю.М. Шеваренкова, Н.Б. Храмова; под общ. ред. Ю.М. Шеваренковой. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2016. – 584 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края». Т. 3, ч. 1).

99. **Фольклор** Дивеевского района Нижегородской области. Часть 2: Оказиональная обрядность, необрядовый фольклор / сост., подборка текстов, вступит. статья и комментарии Ю.М. Шеваренковой. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. – 426 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края». Т. 3, ч. 2).

100. **Фронтвые** записки сержанта Гражданинова Рафаэля Семеновича: рукописи, фронтвые письма, материалы периодической печати / сост. Д.В. Кирюхин. – Нижний Новгород: [Растр-НН], 2017. – 310 с.

101. **Халин, А.А.** История волжского речного пароходства (середина XIX – начало XX в.): монография / А.А. Халин. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2017. – 412 с.

102. **Худин, А.А.** Архитектор Александр Худин. Избранное: [постройки, проекты и эскизы] / А.А. Худин. – Нижний Новгород: БегемотНН, 2017. – 185 с.

103. **Худин, А.А.** Эклектика / А.А. Худин. – Нижний Новгород: БегемотНН, 2017. – 256 с.

104. **Цирульников, А.М.** Непридуманные истории: в 2 т. Т. 1: Без умолчания и вымысла в словах / А.М. Цирульников. – Нижний Новгород: Кириллица, 2017. – 520 с.

105. **Цирульников, А.М.** Непридуманные истории: в 2 т. Т. 2: Встречи по местному времени / А.М. Цирульников. – Нижний Новгород: Кириллица, 2017. – 460 с.

106. **Чкалова, В.В.** Первопроходцы: [к 80-летию беспосадочно-го перелета экипажа самолета АНТ-25 № 2 Героев Советского Союза В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова, А.В. Белякова 18–20 июня 1937 г., Москва – Северный полюс – Америка: архивно-документальная хроника] / В.В. Чкалова, Р.И. Чарыков, И.В. Чкалов. – Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2017. – 78 с.

107. **Эксплуатационный** факультет – речному транспорту страны. Страницы истории Волжского государственного универси-

тета водного транспорта / под ред. В.И. Минеева. – Нижний Новгород: Растр-НН, 2017. – 272 с.

Н.А. Пакшина – лучший краевед 2017 года

Общество «Нижегородский краевед» объявило лучшим краеведом 2017 года *Наталью Алексеевну Пакшину*. Наталья Алексеевна – победитель конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края 2017 года» в номинации «Лучшее популярное издание» как автор монографии «Александр Ляпунов: гимназические годы» и лауреат конкурса на лучший доклад на краеведческих чтениях 2017 года (III место) за доклад «О семье и родословной Ивана Николаевича Суцова».

Н.А. Пакшина – кандидат технических наук, профессор Российской академии естествознания, доцент кафедры прикладной математики Арзамасского политехнического института (филиала) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. Основные направления ее научной деятельности: компьютерные технологии обучения, история теории автоматического управления, биография и научная деятельность российского математика академика А.М. Ляпунова.

Н.А. Пакшина является автором более двухсот публикаций в отечественных и зарубежных изданиях. Из них половина посвящена краеведческим изысканиям. Это, прежде всего, книги «Александр Михайлович Ляпунов: родословная и детские годы» (Нижний Новгород, 2015) и «Александр Ляпунов: гимназические годы» (Нижний Новгород, 2017).

Наталья Алексеевна регулярно выступает с докладами на конференциях в нашей стране и за рубежом (Финляндия, 2002; Польша, 2007; Словакия, 2008; Италия, 2015; Франция, 2017 и др.). В 2017 г. совместно с французскими коллегами она была одним из организаторов специальной секции, посвященной А.М. Ляпунову на Всемирном конгрессе по автоматическому управлению в Тулузе (Франция). В общей сложности, только за 2017 г. она приняла очное участие в 11 конференциях с докладами по краеведению, истории и генеалогии.

Н.А. Пакшина явилась одним из инициаторов установки мемориальной доски академику А.М. Ляпунову на здании бывшей Губернской мужской гимназии, которую он окончил.

Она не только сама занимается краеведческой работой, но и вовлекает в нее студентов кафедры, которые под ее руководством разрабатывают интерактивные родословные схемы таких широко известных фамилий как Ляпуновы, Сеченовы, Демидовы, интерактивные карты Арзамаса и Нижнего Новгорода, связанные с деятельностью архитекторов М.П. Коринфского и Л.В. Даля, разделы сайтов, посвященные нижегородским ученым А.А. Андронову, Ю.И. Неймарку, И.И. Африкантову и др.

Н.А. Пакшина награждена медалью К.Э. Циолковского (2006), удостоена почетного звания Российской академии естествознания «Заслуженный деятель науки и техники» (2016), а также звания «Почетный работник сферы образования РФ» (2017).

Итоги конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края» за 2017 год

Очередной праздник краеведческой книги состоялся в Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеке 5 июня 2018 г. В этот день были подведены итоги и награждены победители конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края» за 2017 г. Организаторами праздника выступили Центр краеведческих исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского и общество «Нижегородский краевед». Учредителями номинаций и партнерами стали Общественная палата Нижегородской области, региональное отделение Общероссийского народного фронта в Нижегородской области, Нижегородская гильдия экскурсоводов и гидов-переводчиков, Государственный музей А.М. Горького и Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В.И. Ленина.

В рамках праздника были награждены грамотами, дипломами и благодарственными письмами Общественной палаты Нижегородской области, регионального отделения Общероссийского народно-

го фронта в Нижегородской области, Нижегородской гильдии экскурсоводов и гидов-переводчиков 19 авторов и авторских коллективов. Среди лауреатов и победителей – члены общества «Нижегородский краевед», сотрудники нижегородских вузов, районных музеев и библиотек.

Также состоялось вручение грамоты о присвоении звания «Краевед года» *Н.А. Пакишиной* – победителю конкурса в номинации «Лучшее популярное издание».

Победители и лауреаты

Лучшее научное издание

Победитель

Уткина Н.А. Нижегородский музей: основание: история возникновения и деятельности музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х – 1917 гг.: монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. – 404 с.

Лауреаты

Халин А.А. История волжского речного пароходства (середина XIX – начало XX в.): монография. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2017. – 412 с.

Сапон В.П. Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: от «феврализма» к большевизму: монография. – Нижний Новгород: [б. и.], 2017. – 310 с.

Лучшее популярное издание

Пакишина Н.А. Александр Ляпунов: гимназические годы. – Нижний Новгород: НГТУ, 2017. – 169 с.

История малых городов и сел

Победитель

Сафронов В.М. Дзержинск – город надежд и свершений. – Нижний Новгород: [тип. «Поволжье»], 2017. – 619 с.

Лауреаты

Варнавинский район: путеводитель [отв. за вып.: А.А. Андреев, С.А. Смирнов; текст: Н.В. Морохин]. – Нижний Новгород: Гудок, 2017. – 223 с.

Солдатова Н.И. Сергачские были: историко-краеведческие очерки. – Нижний Новгород: [Тип. «Растр»], 2017. – 428 с.

Плахин С.П. Работкинская старина: исторические очерки. Вып. 1. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017. – 88 с.

Лучшее продолжающееся издание (сборник материалов конференций)

Победитель

Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 3 / сост. и отв. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017. – 257 с.

Лауреаты

Саровский летописец: материалы и статьи XI исторической конференции, посвященной 325-летию образования первого поселения на Саровском городище, 310-летию создания монастыря Саровская пустынь, 70-летию образования РФЯЦ-ВНИИЭФ / отв. ред. В. А. Степашкин. – Саров: Интерконтакт, 2017. – 345 с.

Календарь памятных дат Нижегородской области на 2018 год / сост.: И. Г. Горностаева и др. – Нижний Новгород: НГОУНБ, 2017. – 263 с.

Сложим прошлое с настоящим: сборник краеведческих статей / сост., лит. обработка текста Г.В. Вяхирева. – Нижний Новгород: Растр, 2017. – 147 с.

Лучшее издание по истории предприятий и учреждений Нижегородского края

Боевые крылья Нижнего Новгорода: Горьковский авиационный завод № 21 (1932–1945 гг.). Исследования. Воспоминания. Документы / авт.-сост.: Е.И. Подрепный, Е.П. Титков, И.А. Калмыков. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017. – 578 с.

Лучшая книга для экскурсоводов и туристов
(специальный приз Нижегородской гильдии экскурсоводов
и гидов-переводчиков)

Нижний Новгород: иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, расположенных на территории Нижнего Новгорода: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. А.Л. Гельфонд. – Нижний Новгород: Кварц, 2017. – 376 с.: ил.

Лучшее краеведческое издание для детей и юношества

История Нижегородского края с древнейших времен до наших дней / сост.: Б.Л. Гинзбург, Э.С. Иткин, В.К. Романовский, Ф.А. Селезнев; предисл. и общ. ред. В.К. Романовского. – Нижний Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2017.

Лучший интернет-ресурс по краеведению

Электронное периодическое издание «Открытый текст». – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru>. (Дата обращения 11.06.2018).

Лучшее издание по истории жизни и творчества
Максима Горького

М. Горький в печати родного края XXI века, 2001–2017 гг.: библиографический указатель: [к 150-летию со дня рождения Максима Горького] / сост.: И.Г. Горностаева и др.; редкол.: О.А. Кузнецова и др. – Нижний Новгород: НГОУНБ, 2017. – 182 с.

Максим Горький и Нижний Новгород: вокруг музеев = Maxim Gorky and Nizhny Novgorod: around museums [альбом] / авт.-сост.: Р.А. Гоголев и др.; рук. проекта: Я.И. Гройсман, Л.Ю. Моторина. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. – 151 с.

Максим Горький и Нижний Новгород: путеводитель / авт. и сост.: Я.И. Гройсман и др.; переводчики: И.В. Никитина (англ. яз.), С.К. Терентьев (кит. яз.); худож.: М.В. Крапивин. – Нижний Новгород: Деком, 2017. – 127 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксянова Ольга Владиславовна, аспирантка Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Беляков Александр Валентинович, к. ю. н., член-корреспондент общества «Нижегородский краевед»

Боченков Виктор Вячеславович, к. ф. н., заведующий архивом Митрополии Московской Русской Православной Старообрядческой Церкви

Горностаева Ирина Геннадьевна, заведующая отделом краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина, действительный член общества «Нижегородский краевед»

Дёгтева Ольга Владимировна, сотрудник ООО «Ар-групп»

Домахин Александр Алексеевич, магистрант Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Краснов Виталий Викторович, главный научный сотрудник ООО «Асгард»

Кудрина Людмила Евгеньевна, главный библиограф информационно-библиографического отдела Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина, действительный член общества «Нижегородский краевед», секретарь краеведческих чтений

Ледров Сергей Михайлович, к. и. н., доцент, редактор Нижегородского института развития образования, действительный член общества «Нижегородский краевед»

Митрофанов Виктор Владимирович, д. и. н., профессор филиала Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательский университет) в г. Нижневартовске

Морохин Алексей Владимирович, к. и. н., доцент Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Пакшина Наталья Алексеевна, к. т. н., доцент Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ им. Р. Е. Алексеева

Пивоварова Надежда Валерьевна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея

Селезнев Федор Александрович, д. и. н., профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, председатель общества «Нижегородский краевед», почетный член общества «Нижегородский краевед»

Селезнева Людмила Петровна, главный библиограф информационно-библиографического отдела Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина

Смирнов Станислав Александрович, член Союза журналистов России, действительный член общества «Нижегородский краевед», член Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при губернаторе Нижегородской области

Сухова Елена Федоровна, к. ф. н., доцент Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Толмачева Наталья Юрьевна, к. ф. н., учитель русского языка и литературы МБОУ «Школа № 73» Нижнего Новгорода, член-корреспондент общества «Нижегородский краевед»

Фортунатов Николай Михайлович, д. и. н., профессор кафедры русской литературы и фольклора Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 3

К ДВУХСОТЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО

Фортунатов Н.М. Парадокс П.И. Мельникова: этнограф и художник-беллетрист..... 5

Ледров С.М. Арзамасский след в повести П.И. Мельникова-Печерского «Красильниковы» 13

Селезнев Ф.А. П.И. Мельников и старообрядцы..... 19

Пивоварова Н.В. Материалы П.И. Мельникова к «Отчету о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии»: «Дело А.С. Головастикова» (1853–1855)..... 42

Дёгтева О.В. Сельцо Ляхово и Казанская церковь в Ближнем Константинове в биографии П.И. Мельникова-Печерского..... 50

Боченков В.В. П.И. Мельников на страницах старообрядческой периодики конца XIX – начала XX века..... 62

Селезнева Л.П. П.И. Мельников-Печерский: новые материалы к библиографии..... 73

ИЗ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

Пакшина Н.А. О музыкальной жизни Нижнего Новгорода в 1877 году (по письмам С.А. Ляпуновой)..... 88

Смирнов С.А. «Кулацкая операция» НКВД 1937 года в Горьковской области 99

ПЕРСОНАЛИИ

Беляков А.В. Из истории одной интриги: ссылка М.М. Сперанского в Нижний Новгород..... 110

Краснов В.В. Придворный садовник Франц Пельцель: нижегородский след..... 119

Толмачева Н.Ю. Максим Горький и Ольга Каменская: к истории взаимоотношений..... 128

Сухова Е.Ф. О поэте Федоре Сухове..... 134

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Морохин А.В. Еще раз об одной из исторических фальшивок П.И. Мельникова..... 141

Аксянова О.В. Служебные поручения П.И. Мельникова (1848–1849) 143

<i>Селезнев Ф.А.</i> П.И. Мельников и «заговор» великого князя Константина Николаевича.....	149
<i>Селезнев Ф.А.</i> П.И. Мельников и С.Д. Шереметев.....	152
<i>Митрофанов В.В.</i> А.Я. Садовский о своей жизни в селе Шёлокша Нижегородского уезда (часть 2)	153

**РАБОТА ЛАУРЕАТА V КОНКУРСА МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ-КРАЕВЕДОВ
ПАМЯТИ Н.Ф. ФИЛАТОВА**

<i>Домахин А.А.</i> Муромское восстание в июле 1918 года: нижегородские сюжеты.....	187
--	-----

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.В. СЕДОВА

<i>Седов А.В.</i> Императорский дар	193
---	-----

ИЗ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»

Отчет правления общества «Нижегородский краевед» о деятельности в 2017 году	201
<i>Кудрина Л.Е.</i> Обзор докладов краеведческих чтений второй половины 2017 – первой половины 2018 года	206
<i>Горностаева И.Г.</i> Новые книги по истории Нижегородского края (2017)	217
Н.А. Пакшина – лучший краевед 2017 года	227
Итоги конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края» за 2017 год	228
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	232

Научное издание

**НИЖЕГОРОДСКИЙ
КРАЕВЕД**

Сборник научных статей

В ы п у с к 4

Составитель и научный редактор *Ф.А. Селезнев*

Верстка *С.М. Ледрова*

Оригинал-макет подписан в печать 20.08.2018. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,7. Тираж 200 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета в